

СЕМЕЙНЫЙ КРУГ

У ОДИНОЧЕСТВА ХАРАКТЕР КРУТ...

ЮЛИЯ ХОРИЦКАЯ
СВЕТЛАНА ШЕВЧЕНКО

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

СЕМЕЙНЫЙ КРУГ

ЮЛИЯ ХОРИЦКАЯ
СВЕТЛАНА ШЕВЧЕНКО

У ОДИНОЧЕСТВА ХАРАКТЕР КРУТ...

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1990

ББК 88.5

X79

X $\frac{431200000-183}{M172(03)-90}$ 62-90

ISBN 5-239-00832-9

© Издательство «Московский рабочий», 1990

ВСТУПЛЕНИЕ

Что такое счастье? Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения. (Словарь Ожегова.) Состояние человека, соответствующее внутренней удовлетворенности своим бытием, полноты и осмысленности жизни. (Энциклопедический словарь.)

А несчастье, «не счастье», как говорили в старину,— оно что такое? «Ну,— скажет большинство из нас,— несчастье так многолико... Тут короткое определение не подберешь».

А что словари — кладезь мудрости? Энциклопедический вовсе не дает трактовки понятия «несчастье». У Ожегова сказано: «Несчастье — горестное состояние». Емко. Но... Сколько их, источников горестных состояний, и до чего же они разномасштабны. Скажем, пожар в доме. Ну, конечно, это несчастье. А потеря любимой работы — счастье? А творческое непризнание? А невозможность помочь обреченному больному?..

И все же, если исходить из понятия счастья как полноты и осмысленности жизни, можно найти такие пики «не счастья», которые окажутся как бы основными, главенствующими. Среди них — одиночество.

Журналистская работа позволила нам соприкоснуться с десятками человеческих судеб, подтверждающих эту мысль. Среди горестных испытаний, выпадающих на долю человека, мало что сравнится с одиночеством.

Вот одна из таких судеб.

«...Я выросла в большой и дружной семье. Моя мама, когда она выходила замуж, заранее решила, что у нее будет много детей. И нас было у нее пятеро. Глядя на маму, на всю нашу жизнь, и я воображала, что придет время — и меня будут окружать мои дети. Пусть не пятеро, но двое-трое обязательно.

Как же случилось, что жизнь жестоко обманула все мои мечты?

В маленьком городке, где жила наша семья, учиться после школы было негде. Я уехала поступать в педагогический институт за много километров от дома. «Не ездь, дочка», — просила мама. Ее почему-то страшило, что я окажусь далеко от семьи, от родных мест. А я этого не понимала и ничего не страшилась. Уехала. Вопреки маминым страхам поступила в институт, получила место в общежитии. Полетели мои студенческие годы. Пришла и любовь.

Этот парень понравился мне сразу. Высокий, спортивный. Да и умница. Он ухаживал за моей подружкой, часто приходил к нам в общежитие. Как-то мы оказались с ним наедине — подружка задержалась в институте.

— Послушай, Людмила, а ведь ты слепая, — неожиданно услышала я.

— То есть?

— Да не к Наташке я хожу, не видишь, что ли? У меня перехватило дыхание: «Неужели?!»

Не буду расписывать, как развивались события дальше. Скажу только, что имели они довольно банальный ход. Когда Виктор узнал, что я жду ребенка, он попросту исчез. А я... Куда подевалась вся моя отвага? Почему вдруг из сильного и независимого человека я превратилась в маленького и жалкого трусишку? Побежала искать «бабку», которая избавила бы меня от «позора» — от ребенка, который начинал жить в моем теле. И нашла. И погубила на-

чавшуюся жизнь... А несколько лет спустя, когда (так и не выйдя замуж) я уже жаждала родить ребенка, жаждала иметь рядом родное существо, оказалось, что моя давняя трусость перед жизнью оставила непоправимые последствия — я потеряла способность стать матерью...

Тот, кто не испытал безвыходности такого одиночества, как мое, никогда не поймет меня. Никогда не поймет той бездны, в которую я погружаюсь каждый день, когда, вернувшись с работы, вхожу в свою уютную квартиру...

Теперь я часто думаю, что мама, которая не хотела отпустить меня далеко от дома, была глубоко права. Останься я среди родных, все было бы иначе. Даже если бы и не вышла я замуж... А так... От своих отбилась и личной семьи не завела, и зачем живу — не знаю...

Мне не так уж много лет. Но порой мне кажется, что позади долгая-долгая жизнь...»

Это письмо-исповедь тридцатипятилетней женщины. Но среди авторов писем об одиночестве есть люди и девятнадцати, и двадцати пяти лет. Есть и подростки. Есть и старики. К ощущению одиночества их привели разные тропинки. А вот трагичность того, что они переживают, одинакова. Как одинаков крик о помощи. Даже в тех случаях, когда человек замкнут, затаен или горд в своем одиночестве.

«Пока дышу — надеюсь», — говорили древние. В каждом живущем теплится надежда: он будет понят. А если будет понят — найдется рука, которая протянет ему помощь. Рука, которая подарит если не тепло — то опору, если не опору — то поддержку, если не поддержку — то хоть искорку впереди...

Любое противостояние — это сила против слабости. Из каких источников почерпнуть силы, способные противостоять нашествию одиночества, одиночества,

как явления, которое сегодня заявляет о себе много-
лико, разнопланово? Какими знаниями вооружиться,
чтобы не оказаться беззащитным перед его нашествием?

Для того чтобы разобраться в этом, за большим
«круглым столом» собрались крупные специалисты
нашей страны: психологи, психиатры, сексологи, со-
циологи, обществоведы, педагоги, литераторы — те,
кто так или иначе причастен к исследованию проблем,
связанных с человеческим одиночеством.

Как возникает чувство одиночества? Каковы связи
между формированием личности и процессами, уво-
дящими личность к отчуждению? Какова связь состоя-
ния одиночества с тягой к наркотическим допингам?
Таким был круг вопросов для совместного обсуж-
дения.

Определить «узелки» проблем, развязка которых
есть путь к защите человека от одиночества,— значит
помочь каждому реализовать естественную потреб-
ность жить полнокровно, радостно, созидательно.

Предлагаемая книга — своеобразный отчет о про-
деланном исследовании. Отчет, который дополняют
зарисовки, репортажи и очерки, сделанные авторами
там, где явление одиночества заявляет о себе в самых
разных образах и лицах. Авторы книги будут объеди-
нены на ее страницах общим именем — «ведущий».

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ЛЮБВИ...

ОДНА ИЗ ОСТРЕЙШИХ ПРОБЛЕМ XX ВЕКА

Ведущий. Как-то в беседе с журналистами присутствующая среди нас за «круглым столом» Айна Григорьевна Амбрумова — врач-психиатр, профессор, руководитель Всесоюзного суицидологического центра Минздрава СССР, назвала одиночество одной из острейших проблем XX века.

Определение пронзительно! Оно — как сигнал тревоги, может быть, самой большой в наши дни. Человек в опасности. Человек, который выстроил города-гиганты, овладел энергией атома, покоряет космос. Парадокс: при всем могуществе человека — он хрупок и уязвим. И — беззащитен перед натиском тоски, отчаянья, перед невозможностью найти понимание, сострадание.

Не потому ли, что неумолимо сужается «пространство», отпущенное ему для любви и привязанности, для соучастия и общения?

Как много в последние годы говорится о необходимости защитить окружающую среду — леса, океаны, почвы. Но почему же в этом перечислении не называют человека?! Разве не его сохранность должна стоять во главе угла нашей экологической озабоченности?

Для кого — зелень лесов и щедрость почв, чистота океанов и голубизна небес? Для кого, если не для человека? Но он-то, человек, должен быть при этом здоров. Здоров физически. Здоров душевно... Потерянному, отчужденному, замкнутому, отрешенному — не

все ли равно, каким воздухом он дышит и какое небо у него над головой?

Так почему же не охраняется, не объявляется «заповедной зоной» одно из самых уязвимых пространств — пространство, вселенная человеческой личности? И не от того ли, что оно оставлено без особой защиты, мы и вынуждены говорить об одиночестве как об одной из острейших проблем века?

Итак, подойдем к этому явлению с разных сторон. Что, собственно, мы имеем в виду, когда говорим об одиночестве?

На наших рабочих столах накопились сотни и сотни писем, в которых люди рассказывают о себе, просматривают свою судьбу с позиций личной неустроенности, отчуждения, эмоционального, духовного вакуума. Почта являет: чувство одиночества может настичь и подростка, и старика, и человека в расцвете сил. А настигнув, натворить немало бед...

Размышление над этой почтой, над судьбами людей не раз обращало нас к источникам народной мудрости. Много ключиков к отгадке проблемы одиночества дарит мудрость народа. Один из самых распространенных: одинокий — трактовал народ — значит, сирый. Сиротством называл он одиночество. А еще говорил: одинокий — обособленный. А еще одичалый, запущенный. Интересно, в какой мере эти наблюдения сопрягаются с определениями социологов, ученых-медиков? Как сегодня определяется понятие одинокости? И наконец, на чем стоит сосредоточить максимум внимания нам за нашим «круглым столом»?

А. Г. Амбрумова, руководитель Всесоюзного суицидологического центра. Подчеркну главное: одиночество — это прежде всего тяжелое эмоциональное состояние. И вовсе не обязательно оно должно быть вызвано, скажем, отсутствием у человека семьи. (Кто

не знает, кто не слышит о том, насколько тяжело «одиночество вдвоем» — одиночество, скажем, охладевших друг к другу мужа и жены.)

В основе одиночества — нарушение взаимодействия с социальной средой, семейной, профессиональной. У детей — школьной. И еще. Нередко случается так, что человек смолodu не находит дела, которое становится для него необходимым. Не осуществляются его чаяния и надежды. На жизнь в радости, на удовлетворение жизнью. Результат? Сужение контактов, уход от общения.

Г. С. Васильченко, доктор медицинских наук, руководитель Всесоюзного центра по вопросам сексопатологии. Согласен. Но все же считаю необходимым внести некоторые уточнения, четче определить предмет нашего исследования.

Когда мы занимаемся проблемой одиночества, мы употребляем это понятие как однородное. Во всяком случае, мы идем не дальше, чем простая классификация: подростковое одиночество, одиночество пенсионеров, одиночество женщин, одиночество пьющих, непьющих, курящих и т. д. А ведь одного, единого одиночества, в этом мое глубокое убеждение, — нет. Разные существуют одиночества. В частности, есть одиночество выдающихся творческих личностей, опередивших свое время, например, одиночество Льва Толстого, одиночество Лобачевского...

Но в функциональном плане прежде всего надо выделить и исключить вынужденное, то есть навязанное извне, насильственное одиночество. Так, например, когда про какого-нибудь крупного революционера говорят, что он провел такой-то срок в заключении, в одиночной камере, то идет ли при этом речь об одиночестве? По существу, если вдуматься, он не был одинок...

Следует четко разграничивать — когда люди от

одиночества страдают, а когда страдают одиночеством. Вот пример — В. В. Маяковский. Его последние дни известны и расписаны буквально по часам и по минутам. Телефонные звонки, встречи, вечер в кругу интеллигентных людей, с которыми он играет в карты. Утром в этот трагический день приходит Полонская, а потом — трагический выстрел. Поверить трудно: человек такого склада, такого типа! А ведь он закономерно, неотвратимо шел к концу. Это страшно!

Позволю себе отступление. Я рос в станице, и, хотя был мальчишкой, меня все знали и я всех знал. Сейчас я живу в 9-этажном доме (это намного меньше, чем станица), но знаю по-настоящему только шесть соседей и еще десяток узнаю в лицо. А из-за проклятой занятости я почти не общаюсь с друзьями, с теми, кто так необходим мне и кому нужен я. А если и общаюсь, то поверхностно, в спешке, наичаще — в телефонном варианте. Радость человеческого общения оказывается куцей.

Однако людей на старших возрастных отрезках от глубоких душевных кризисов в какой-то мере спасает общий закон. Для зрелого человека с оформившимся характером и сложившимися бытовыми, рабочими, поведенческими стереотипами сужающееся общение с людьми не так уж травматично. Совсем иное дело — одиночество, падающее на самые ранние этапы индивидуального биологического и социального развития.

Так что давайте подчеркнем: наш разговор адресуется молодым! Именно они — предмет наибольшей озабоченности общества.

Ведущий. Да-да. Это точный ориентир. Кстати, не так давно в печати мелькнули данные ленинградских социологов. Они свидетельствуют: у нас резко возрастает число самоубийств среди детей! В Ленинграде эта цифра, по сравнению с шестидесятыми годами, возросла втрое!

Н. А. Григорьева, член Союза писателей СССР. Позвольте коротко дополнить то, о чем только что говорили. Мне нередко вспоминается один из самых душераздирающих эпизодов одиночества, который встретила в жизни.

Это случилось во время войны. Но, пожалуй, проблема войны и мира тоже входит в нашу тему. Я девчонкой еще была. Работала в детском доме. Здесь жили ребята, которые потеряли родителей в первые месяцы войны. И был там шестилетний пацан, страшный хулиган. Его все боялись, он мог стукнуть табуреткой по голове. Мне почему-то (хотя, казалось, никогда я этими данными не обладала) удалось его как-то «приручить». И вот однажды укладывала спать его группу, подошла к нему, погладила по голове. Вдруг этот Витька взял меня за руку и стал ее лизать. «Что ты делаешь?» — спрашиваю. Он говорит: «Целую». — «Целуешь?»

Шестилетний человек не знал, как целуют. Его когда-то, до войны, ласкала мать. А потом уже — никто. И оказалось, что потеря чревата страшными последствиями: я увидела, как одиночество переходит в человеконенавистничество...

Думаю, сегодня, когда мы наблюдаем явление молодежной агрессивности, уход молодых в группы рокеров, панков и так далее, явление «кулачных боев» среди молодых, да той же дедовщины в армии — важно разобраться в социальной и психологической подоплеке происходящего. Мне видится здесь прямая связь с одиночеством подростков... Откуда они выносят это мироощущение? Мне кажется, «исходная точка» — семья.

А. С. Меликсетян, кандидат психологических наук. Думаю, мы выбираем сейчас правильный ориентир. Обратим внимание на такой факт: 1988 год по решению ЮНЕСКО объявлен годом семьи. Это не случай-

но. Семья — своеобразный полигон, с которого берет разбег будущее. Озабоченность мировой общественности вызвана неблагополучием на этом «полигоне».

И в самом деле. В нашей стране за год распадается почти миллион семей. Около 350 тысяч детей вследствие этого каждый год лишаются одного из родителей и воспитываются в неполных семьях. А сколько, так сказать, «дополнительного неблагополучия» выпадает таким семьям? Причем «пик» разводов приходится на молодые семьи, когда родителям в среднем 26, 27, 28 лет.

Вот вам «армия» людей, так или иначе постигнутых одиночеством. И рядом — дети... Так что даже с одной только этой, «семейной» точки зрения — одиночество действительно одна из острейших проблем двадцатого века.

Давайте думать, как исключить ее из века двадцать первого!

МОЯ ЛЮБОВЬ К ТЕБЕ...

Ведущий. Хочу привлечь внимание к двум письмам. Вот отрывок одного из них.

«...Стоит только пространству разделить нас, и я тут же убеждаюсь, что время послужило моей любви лишь для того, для чего солнце и дождь служат растению для роста. Моя любовь к тебе, стоит тебе окзаться вдали от меня, предстает такой, какова она на самом деле — в виде великана: в ней сосредоточиваются вся моя духовная энергия и вся сила моих чувств.

Я вновь ощущаю себя человеком в полном смысле слова, ибо испытываю огромную страсть...»

А вот другое письмо.

«...Мы не прожили вместе и десяти лет. Но по-

верьте, мне кажется, прошла вечность, более одинокого человека, чем я, трудно выискать. Одиночество вдвоем — это страшнее, чем даже участь старой девы. Ей, по крайней мере, ни к кому не нужно приспособливаться, ни под кого — подлаживаться. Ей не нужно ежедневно вступать во множество компромиссов, пытаясь соединить несоединимое... Какой титанический и какой бесполезный труд!»

Как вы думаете, объединяет ли что-то эти письма?

В. Б. Гурвич, врач-психиатр, кандидат медицинских наук. Мне кажется, столь противоположные по сути своей исповеди — свидетельства одного, общего. Это свидетельства людской любви и нелюбви. Я убежден, у истоков одиночества (даже когда речь идет о подростке, о ребенке) — дефицит любви. Это при всем разнообразии возможных ситуаций и судеб.

У меня множество тому свидетельств.

Воспитанник старшей группы детского сада сказал о своей наставнице:

— Ко мне Вера Ивановна не придирается. Она меня просто не любит.— И в качестве аргумента добавил:— Я нарисовал кошку и корабль с мачтой. А Вера Ивановна сказала, что я самый плохой в группе по рисованию. Ну вот тебе и двойка.

Кошка и корабль с мачтой в самом деле не украшали стенда с работами шестилеток, выставленного на обозрение родителей. И возможно, оценка наставницы имела свой резон — не будем углубляться. Скажем о другом. О точности, с которой шестилетний человек уловил глубочайшую суть эпизода своей детсадовской жизни.

Дети — максималисты. Рисуя, они не предлагают полутонов, у них в ходу синее, красное, зеленое. Потому что так они чувствуют. Вот и о людях они судят масштабно, без мелочей. Добрый. Злой. Любит. Не любит.

В самом деле, разве не любовь нужна, просто необходима, чтобы увидеть в неловких каракулях то, что замыслил нарисовать еще не научившийся рисовать ребенок?

А школьное «любимчик» — помните? Об ученике, обласанном учителем. Ведь будь обласканы все — не существовало бы этого неистребимого термина.

С детства, с самых первых шагов каждый из нас «запрограммирован» на потребность любви как среды обитания, как ежеминутной необходимости. И потому я самым пристальным образом исследовал бы атмосферу «главного обиталища» человека: его колыбель, его пристанище — семью. Кстати, первое из приведенных писем показалось мне знакомым...

Ведущий. Это письмо Маркса. Он адресовал его своей жене 21 июня 1856 года. Если вспомнить, что Маркс и Женни вступили в брак 12 июня 1843 года, можно подсчитать, что о своей любви Маркс пишет на четырнадцатом году супружества. И коль скоро мы коснулись семьи, овеянной и освещенной подлинной любовью супругов, приведем еще одно письмо.

«Мой милый маленький Кво-Кво! Ты, право же, должна извинить мое долгое молчание. Я сейчас с головой ушел в работу. Сначала — о твоих животных. Самбо почти не отходит от меня, чтобы так или иначе вознаградить себя за отсутствие своего верховного повелителя. Блекки ведет себя обычно, как джентльмен, но как очень скучный джентльмен. Томми опять сделала все от нее зависящее, чтобы доказать правильность теории Мальтуса. Елена, кажется, сегодня уничтожает потомство этой старой ведьмы. Виски, эта огромная и добрая персона, был сначала, подобно Калипсо, неутешен и доведен до отчаяния из-за твоего отъезда. Он отказывался от самых лучших костей, совершенно не выходил из твоей спальни и вообще проявлял все симптомы глубоких страданий «прекрасной

души». Как только произносят твоё имя, с ним делается припадок...»

Это письмо адресовано отцом четырнадцатилетней девочке. Читаешь его и невольно думаешь о дочери Маркса: она была любима отцом. О Марксе думаешь: он умел быть отцом. И всё — не случайно. Над семьёй простирала своё сияющее крыло любовь! Отсюда и время, которое при всей занятости Маркс находит, чтобы написать близким. Отсюда и слова, которые он находит для любимых. Обратите внимание — в письме к дочери седоголовый отец, учёный, философ сам подобен ребёнку. Он старается увидеть любимых девочкой зрением её глазами...

Увидеть мир глазами любимого (кстати, употребив для этого подчас немало усилий) — не главная ли заповедь любви? И не нарушение ли этой главной заповеди приводит к тому, что семья, начавшаяся с «взаимного притяжения», иной раз очень скоро терпит крах — доходит до распада.

Может быть, стоит особо задуматься — что же такое любовь?

Прикоснёмся к нескольким житейским ситуациям.

ПЕРЕД ЛИЦОМ ЛЮБВИ

Они пришли в суд, прежде, безусловно, не раз обдумав, почему их совместная жизнь зашла в тупик.

— У моего мужа всё легко и просто,— говорит судье молодая женщина.— Ему легко жениться, вот — легко разводиться. И от дочери отказаться легко. А у меня совсем другие устои.

— Вы настаиваете на разводе?

— Да.

— А вы?

Мужчина поднимается с места.

— Согласен. Но я не хочу.

— Может, вы подумаете? — обращается судья к женщине.

— Нет, здесь не о чем думать.

Суд удаляется на совещание. А эти двое, ладные, в чем-то похожие друг на друга, садятся плечом к плечу в кресла, стоящие рядом, и молчат. Между ними нет вражды. Женаты всего два года. Дочь-крошка. И муж готов разменять только что полученную квартиру и поселиться на маленькой площади в коммуналке, пусть жена и дочь получают большее...

Жена хочет сбросить тяжесть мужниной легкости. При этом она не допускает мысли, что ее устон, ее характер, может быть, отнюдь не легки для мужа... Два разных мира, два непохожих «я», и между ними — стена непонимания.

Они понимали друг друга совсем недавно, когда шли не в суд, а в загс с заявлением о регистрации брака. Понимали и перестали понимать. Лучше узнали друг друга? Еще бы! В каждодневном-то потоке забот и хлопот, обретений и просчетов.

— Вы вступали в брак по любви? — спрашивал их судья.

— Да, — отвечали они.

Открывается дверь совещательной комнаты, и судья и присяжные заседатели занимают свои места.

— Суд постановляет: рассмотрение дела о расторжении брака отнести на три месяца, дав супругам этот срок для примирения...

— Зачем? — бросает женщина и, поднявшись, уходит вместе с мужем.

Вернется ли эта пара сюда вновь? Может быть, и нет. Судебная статистика свидетельствует: около трети тех, кто подает заявления на развод, не разводятся.

Считая безусловным, что наше общество отнюдь не стремится к формальному сохранению брака там, где

он изжил себя, оставим пока открытым вопрос — на что рассчитывает суд, давая срок для примирения тем, кто решил развестись. Вернемся к «двум третям», кто, подав заявление о разводе, доводит дело до конца.

Демографы свидетельствуют о трех «пиках» разводимости: на первом году супружества, на седьмом, на двадцатом. Они дают свои толкования каждого из «пиков». А в целом объясняют массовость разводов (пятьсот — на тысячу браков) тем, что современный человек стал требовательнее к браку. Выбирая спутника жизни, люди ищут друг в друге куда больше, чем, скажем, три-четыре десятилетия назад. Ищут — и часто не находят...

Однако наши размышления как раз о тех случаях, когда казалось, люди обрели друг друга для счастливого союза, их объединила любовь.

— Вы вступали в брак по любви?

— Конечно. Только была любовь, да вся вышла.

День, два, неделю хожу я в суд Тимирязевского района Москвы. Судьи, по предварительной договоренности, разрешают мне присутствовать на приемах и задавать вопросы молодым людям, которые явились с заявлением о разводе. За один прием, который ведет судья, таких заявлений около двадцати. В основном поток вне «пиков». Дела людей, проживших в браке два-три года, дела людей молодых.

Они проходят перед моими глазами. Модные куртки, дубленки, пальто с норкой, сапожки французского образца, мохеровые шарфы и замшевые кепки — в известном смысле парад моды, парад материального благосостояния. И одновременно демонстрация социальной определенности — передо мной рабочий, учитель, инженер, медицинская сестра. Запоминаются лица — миловидные, умные. Невольно задаешься вопросом: чего же не хватило им для счастья? Почему то прекрасное, что явила им жизнь, любовь, так быстро

изживает себя. И на изломе поднимает мутную волну сутяжничества: на стол судьи то и дело ложатся иски о разделе имущества — машин, холодильников, диванов, сервизов. (Вскользь подчеркну: вещей дорогих, которые они уже (!) успели нажать и которые боятся потерять, как будто впереди у них не десятилетия плодотворного труда.) Лишь детей не делят. В молодой семье, как правило, один ребенок, и его не поделишь...

— Вы жалеете, что ваш брак распался?

Я готова услышать знакомое: «О чем тут жалеть». На этот раз передо мной человек, который состоит в разводе уже три года, и все, что случилось с ним и с женой, которую он называл любимой, отошло, отодвинулось. Больше того, обросло таким грузом взаимной вражды, что вражда эта в виде пухлого свода жалоб, судебных решений и справок из милиции легла на стол редакции. И вдруг:

— Жалею. Если бы мог, точнее, если бы она захотела, готов начать все сначала. Но она, наверно, не захочет.

— Почему, как вы думаете?

Мне, собственно, не нужно спрашивать, почему она (назовем ее Людмилой, а ему сохраним подлинное имя — Евгений), Людмила, пошла на развод и, видимо, не склонна к примирению. Достаточно открыть пухлое дело, лежащее на моем столе, и извлечь из него один, два, что подвернутся под руку, документа. «90-е отделение милиции г. Москвы сообщает, что гражданка (фамилия Людмилы) неоднократно обращалась в 90-е отделение милиции по вопросу оказания ей помощи вселения вместе с ребенком в квартиру, где она прописана, так как ее бывший муж и его родители категорически выступали против ее вселения под самыми разными предлогами. Неоднократно на квартиру для вселения выходил участковый инспектор Павленко А. А. Однако (фамилия Евгения) должных выво-

дов не сделал. Полагаю, что действия гражданки (фамилия Людмилы) правомерны, чего нельзя сказать о ее бывшем муже».

Или выдержка из другого документа: «Основанием предоставления трехкомнатной квартиры вместо двухкомнатной семье (фамилия матери Евгения) послужило наличие малолетнего ребенка Алексея 1976 года рождения».

Поясню: Людмила с сыном (а раньше и Евгений) как жили, так и живут у ее родителей. Новая квартира получена родителями Евгения. Итак, суть происходящего ясна: улетучилась любовь, разрослась вражда, и ею подняты к жизни самые недостойные свойства натуры ее участников.

И все-таки я спрашиваю Евгения: почему случилось так, что ваш союз с любимой женщиной пришел к такому финалу? Спрашиваю, понимая: достаточно зрелый человек (а Евгению тридцать лет, он сотрудник фельдъегерской службы Министерства связи, офицер) не может не задумываться, не искать причин, которые привели его «к разбитому корыту». И еще: очевидно, человек сложнее, чем та схема, в которую «вписывает» его бракоразводное дело, обросшее актами, справками, свидетельствами враждующих сторон. И мотивы тех или иных его поступков не всегда столь однозначны, прямолинейны, как вычерчиваются по этой схеме.

...В управлении, где работает Евгений, о нем говорят по-военному четко: дисциплинирован, аккуратен, исполнительен. К работе относится с интересом.

Дома у него я вижу книги — он читает, собирает библиотеку. И штангу — он начинает день с зарядки, чтобы больше успевать. И когда говорит о своем сынишке, он, человек сдержанный, не может побороть волнения. «Я заводил семью всерьез, навсегда», — говорит он. И ему веришь — так оно и было.

Ему ничто не давалось легко. Но он и не искал легких путей в жизни. Отслужил действительную службу в армии. Будучи уже женатым человеком, подготовился к поступлению в институт и стал студентом заочного юридического. Сейчас — на третьем курсе. В разговоре со мной упомянул: в будущем намерен всерьез заняться изучением английского языка...

Вот он, живой человек, «разрывающий» ту схему, которую вычерчивают его же собственные поступки, связанные с делом о разводе, о дележах. Он сидит рядом со мной, и мне видно — он озадачен моим вопросом. Он уже говорил, что винит в разводе тещу, винит инфантильность жены, тесноту в квартире, бессоницу, возникшую в связи с рождением сына. Чего же я от него хочу? А я вспоминаю другое дело, которое давно лежит в судебном архиве как несостоявшееся. Оно было остановлено буквально два дня спустя после того, как истец пришел с заявлением о разводе и разделе имущества. Остановлено по его же, истца, настоянию. Назовем его Сергеем. В заявлении, которым было закрыто дело, Сергей писал: «...Я обнаружил себя банкротом. Не потому, что от стоимости софы мне достанется половина, а потому, что я делю ее с Наташей».

Что-то произошло с Сергеем в тот день, когда он впервые пришел в суд. «Душа болела,— объяснил он позже.— Нет, не болела, рвалась. Сквозь эту боль к сознанию пробилась мысль: что же я делаю?» Он прошел весь путь — от знакомства с Наташей до того момента, когда разлад отбросил их друг от друга и она убежала к своей маме. «Она показалась мне вздорной, мелочной. И я решил, что это непреодолимо. А если и преодолимо, зачем мне взваливать на себя такую сверхзадачу? Разве недостаточно нагрузочки: КБ, переполненный троллейбус утром и вечером, бегодня в прачечную, очередь в гастрономе. От сверхзадач —

увольте! Почему я тотчас же не вспомнил... Как-то на морозе я достал из кармана платок и растер Наташкин нос. «Хочешь, я научу тебя дышать так, что твой нос никогда не будет красным, даже в тридцатиградусный мороз?» — «Ну да?» — удивилась она. «Разумеется. Не для того ли я и появился рядом с вами, сеньорита, чтобы научить вас всему, что умею сам?..»

Боль Сергея оказалась болью во спасение. Человек остановился, оглянулся, задумался. И критически взглянул на себя, прежде всего на себя. Совершилась невидимая работа. Она подняла из глубин души и собрала великое воинство: понимание, доброту, великодушие и осознание своей силы и своей ответственности. Вторым ходом, уже на трезвую, сбросившую дурман влюбленности, голову, человек начал восхождение к своей любви. Этот второй ход оказался возможным благодаря тому, что не пустой, не «голой», а нравственно вооруженной была душа человека. И потому он оказался готовым, кроме новых семейных забот, принять на себя и новый труд — труд души.

Незамстен, тих этот труд. Ему чужды многочасовые словесные перепалки, угрозы, требования. Разве что морщинка между бровей — его примета. На резкость — резкостью, на обиду — обидой, и больше: ты оказался не таким, как я думала, — я не желаю иметь с тобой дела! На это не нужно ни больших раздумий, ни мучительных сомнений. На это почти не идут издержки. Но труд души и есть та созидаящая сила, которая способна одолеть не только прозу быта — стену непонимания, вырастающую между двумя разными «я», объединенными одной крышей. Кстати, в расчете на него и выносит решение суд: дело отложить, дать время на примирение.

Семейная жизнь — не розовая прогулка в обнимку. И труд души — это труд до седьмого пота. И если ты не готов к этому великому, пожизненному труду, зна-

чит, ты не готов принять, разделить и сохранить любовь — одно из величайших благ, которыми способна наделить нас жизнь.

Я возвращаюсь к разговору с Евгением. Может быть, этот тридцатилетний человек обескуражен сейчас потому, что начинает сознавать: они несоразмерны — груда привходящих обстоятельств и то большое и высокое, что явила ему жизнь в лице любви.

Я подошла к главному выводу: и книги, и институтское образование, и кругозор, который накапливается на работе, — все не имеет цены, или цена этому лишь половинная, пока знания, опыт, переживания не переплавились в бесценный капитал — подлинную культуру, богатство твоего духа. Пока душа твоя не выстроила того порядка внутри себя, который исключал бы (как это бывает у Евгения) знание законов юридических с одновременным глухим неведением законов совести и чести, знание трагедий Шекспира и оправдание той трагедии, которую творишь сам в ослеплении негодованием.

Бесспорна истина: необразованная душа — это куда хуже, чем необразованный ум.

...В зале суда слушается дело о разводе. А под окнами по улице обнявшись идут двое. Может быть, недалек день, когда общая жизнь объединит их под одной крышей. Что накопили они, что хранят в «запасниках» души, чтобы один на один предстать перед лицом любви?

НО НЕЛЮБОВЬ ТВОЯ МЕНЯ ГНЕТЕТ...

Ведущий. Среди сидящих за этим столом — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой 1-го Московского медицинского института Орлов. Юрий Михайлович, у вас богатейший опыт не толь-

ко ученого-исследователя, но и человека, который пропустил через свое сердце и разум житейский опыт сотен мужчин и женщин, тех, кто писал вам, кто приходил на консультацию, за поддержкой, советом в дни тяжелых душевных невзгод, когда семейный мир оказывался на волоске. Вы — знаток психологии супружеских отношений. Каково, по вашему мнению, представление большинства людей о любви? Знаем ли, что это? Не склонны ли мы в большинстве своем принимать за любовь разнообразные суррогаты? И не в этом ли отправная точка большинства семейных трагедий? А значит, и «программ» на неблагополучие детей, подростков в этих семьях?

Орлов. Да, я считаю, что подавляющее большинство разводов (а их количество у нас в стране растет: с 1940 по 1980 год оно увеличилось в четыре с половиной раза) связано именно с ошибками в «отправной точке».

Ведущий. Юрий Михайлович, мы сверили свое представление о том, что же такое любовь, с народным толкованием этого понятия. В словаре Даля читаем: «...Любовь — состояние любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность, вожделение, охота, расположение к чему...»

И там же очень интересная «прописная» истина: «Покорять сердца любовью, а не страхом».

Орлов. Ну что ж, вот давайте и поразмышляем сообща над тем, каковы житейские представления о любви, как рассматривает это чувство наука — психология и что из всего этого полезно извлечь каждому, кто хочет прожить жизнь счастливо, кто намерен и в детях своих сформировать «нацеленность» на счастье.

Расскажу об одной из консультаций, которую мне довелось провести. Ко мне пришел молодой мужчина. Привела его трагедия — неудача в браке. Он говорил об угасающей любви, о накопленных (все-то за три

года!) обидах, взаимной неприязни, непонимании, отчуждении.

«Опишите мне кратко те радости, которые вы ожидаете от общения с вашей женой,— попросил я.— Не давайте объяснений. Просто перечислите, что вас радует, чего вы ждете».

Оказалось, что «разложить по полочкам» свое чувство ему трудно. Но все же... Жена красива, и это одно из его наслаждений. «Насмотреться на нее не могу»,— сказал он.

Ему приятно ходить с ней в гости к друзьям. Они тоже любят его жену. Говорят, что ему повезло. Еще он сказал: ему льстит, что эта прекрасная женщина всецело принадлежит ему, ухаживает за ним. Наконец, признался он, его просто влечет к этой женщине. Да, еще сказал: ему нравится уступчивость жены. Он рассердится на что-то, и она тут же уступает.

Он говорил и говорил, добавлял какие-то подробности, но я уже знал: этот человек не любит женщину, избранную им в жены. Не любит.

«Как?!— вскипел он, когда я сообщил ему о своем открытии.— Я-то знаю, как я ее люблю! Я не могу без нее. Меня влечет к ней. Разве иначе я пришел бы к вам?»

Я выждал, пока он успокоится, и сказал: «Среди всех приятных переживаний, которые вы вспомнили, нет ни одного любовного. Давайте подумаем вместе, обоснованно ли мое суждение». И я принялся перечислять. В красоте жены мой посетитель удовлетворяет свою потребность в прекрасном. Бывая с ней в гостях, удовлетворяет свой престиж, свое чувство собственности. И влечение, которое он испытывает к этой женщине, тоже не свидетельство любви. Эротическое отношение человека всегда носит индивидуальный характер. «Влечение и его удовлетворение в данном случае помогают вашему мужскому самоутверждению,—

пояснил я. И добавил: — Все, о чем вы говорили, есть потребностно-мотивационное отношение к человеку, но не любовь.— И еще пояснил: — Влечение само по себе, каким бы одухотворенным оно ни было, может не быть любовью». — «Что же такое любовь?» — вознегодовал мой собеседник. И я стал объяснять.

Любовь — это способность человека радоваться отраженной радостью любимого человека. Формула любви проста: если мне хорошо от того, что тебе (не мне!) хорошо, и я хочу, чтобы тебе (не мне!) было лучше, и ради этого жертвую своими интересами и удовольствиями, то это значит, что я люблю тебя. Радости радостью любимого человека я и не обнаружил в жизни того, кто пришел ко мне от развалин своего семейного очага.

Должен еще добавить. Мой собеседник на той консультации вступил со мной в горячий спор. Он принялся обвинять меня и всю психологию, так сказать, в проповеди «бесполой любви». «Ведь то, о чем вы говорите, я могу испытывать и к другу, и к отцу. При чем тут любовь к женщине!» — негодовал он.

«Вы правы,— соглашался я.— Любовь, как феномен человеческих отношений, действительно бесполо. Любовь к сестре. К матери. Любовь! И лишь на определенной стадии развития личности она становится половой любовью. В интимных отношениях человек наиболее полно может реализовать цели любви: причинить наибольшее наслаждение любимому человеку. А половое влечение само по себе весьма далеко от любви».

Ведущий. Юрий Михайлович, вывод, который напрашивается, довольно горек: если семья зародилась на «суррогатах» любви, она обречена на гибель?

Орлов. Не всегда. И в том случае, о котором я рассказал, я сделал попытку помочь укрепить семью. Есть, существуют такие «психологические механиз-

мы», которые способны сцементировать отношения мужа и жены. Даже в тех случаях, когда они обросли коростой неприязни, противоречий, раздражения. Но добиться новой теплоты — трудно. Перевести отношения в разряд любви — еще труднее. Для этого нужны большие усилия той и другой сторон.

Ведущий. Что вы рекомендовали в том конкретном случае, о котором идет речь?

Орлов. Я вместе с моим консультируемым постарался проанализировать ряд его претензий к жене. «Почему она не хочет стать такой, какой я хочу ее видеть?» — был его вопрос. Он касался, в частности, ведения хозяйства. «Я старался быть методичным и всякий раз, когда она что-то делала не так, указывал ей на это. Требовательность к себе и другим — мой принцип. А она обижалась, хоть и старалась уступить», — рассказывал он.

Мне пришлось объяснить, что этот путь ошибочен. Он в самом деле способен не укрепить, а разрушить отношения. Вот тут я полностью солидарен с той «прописной» истиной, которая приводится в словаре Даля: «Покоряй сердца любовью, а не страхом».

Есть такие люди, для которых главное — воспитывать другого, довести до своего представления об идеале. Они склонны жестко контролировать других, управлять их поведением. Ну кто, скажите, захочет терпеть такое? Тем более в наши дни, когда в человеке достаточно развито чувство собственного достоинства? Из любви к мужу женщина станет подчиняться. Но протест не исчезнет, он сохранится, он затаится в душе. Или выработается чувство вины, сознание своей неадекватности. В любом случае человеку обеспечен внутренний дискомфорт. А это уже очень далеко от ощущения радости, подъема, счастья, наслаждения жизнью, то есть гармонии.

Законы психологии действуют абсолютно. Если ка-

кой-либо образ сочетается с переживаниями приятными, то повторение этого приводит к тому, что и сам образ становится источником приятных переживаний. Он как бы приобретает способность «извлекать» радость, воспроизводя прошлые радости.

Но если тот же образ будет сочетаться с неприятными переживаниями, он приобретет способность вызывать отвращение. При этом не имеет ровно никакого значения, какими целями было продиктовано то, что вызывало неприязнь.

Так-то человек, который навязывает другому постоянные назидания, нравоучения и т. д. (пусть из самых благих порывов), оказывается в проигрыше вместо ожидаемого выигрыша. Он теряет привлекательность в лице любимого. Хотел приблизить, да оттолкнул — так получается на деле.

Вот почему я и говорю тем, кто приходит ко мне за советом: принимай дорогого тебе человека таким, каков он есть! Не его «ломай» под себя — сам в себе найди возможность «притереться» к его особенностям.

Ведущий. Юрий Михайлович, по-вашему откуда в человеке такая вот тяга к «ломке под себя» близкого человека?

Орлов. Это всегда выносятся из семьи. Кто не встречал родителей, которые чаще обращают внимание на недостатки, а не на достоинства своих детей? Детей то и дело одергивают, наставляют. Не буду сейчас говорить, каково при этом детям. Скажу лишь, что, став взрослыми, они воспроизводят шаблоны былого поведения своих родителей, переносят их на членов уже своей семьи.

Если вдуматься, это не что иное, как воспроизведение условий, программирующих отчуждение, замкнутость, отрешенность самых близких людей. Не это ли то самое «одиначество вдвоем», о котором упоминалось в одной из исповедей, приведенных ранее.

Причем я в данном случае расширю понятие «вдвоем». Я говорю и об одиночестве мужа и жены, родителей и детей, стариков и молодых. Физически люди не одиноки: рядом близкие. Но душевных связей нет, они нарушены, разрушены, попораны. И налицо — горькое одиночество.

ЦВЕТОК НА АСФАЛЬТЕ

Ведущий. Хотелось бы попросить Надежду Адольфовну Григорьеву прочесть ее стихи, связанные с темой женского одиночества. Они дают толчок к глубокому размышлению о связи между семьей и будущей одиночностью, или о защищенности от одиночества граждан, подрастающих в данной семье.

Григорьева. Тема одиночества близка мне. Прочту одно из стихотворений, навеянных ею.

Она криклива и толста, во что-то смятое одета.
Она в конторе служит где-то и получает меньше ста.
Но завита. Но в день зарплаты, оставив без борща семью,
Она торопится куда-то, сжимая сумочку свою.
Зайдет в кафе, под жар жестокий с икрой закажет бутерброд.
Возьмет такси. Куда? Далеко. До самых Кировских ворот.
Сидит на лавочке у Чистых неубывающих прудов.
И очередь покорно выстояв, идет в кино, как в божий дом.
И плачет, плачет, плачет, плачет по режиссеровой више,
Не замечая сверхзадачи, оптимистической вполне.
Потом с последнего сеанса идет одна в дождливой мгле.
Полна любви и постоянства, неприменимых на земле.

Ведущий. Надежда Адольфовна, вы никогда не задавались мыслью — какие дети должны бы вырасти у такой вот мамы?

Григорьева. Специально я об этом не думала. Но ответить на вопрос готова. По-моему, рядом с такой женщиной дети не одиноки. Ведь она умеет разорвать «круг обыденности». А это для детей важно, как

воздух. Я хочу подчеркнуть мысль, с которой мы начинали. В человеческой жизни, судьбе очень многое определяет наличие (или отсутствие) любви. Героиня моего стихотворения наделена любовью — при всей кажущейся ее женской обездоленности. Она влюблена в жизнь!

Естественно, мое суждение основано на житейских наблюдениях. Видимо, у мужей науки свой взгляд. И он, вероятно, более точен... Но я хочу отстаивать поэтическую версию проблемы:

«Все начинается с любви...» Потому что только в любви, то есть любя, можно воспитать личность, которая потом как бы понесет эстафету открытости души, добра, душевной щедрости. В противном случае в мир войдет разрушительная сила, замешанная на отчуждении, на расчетливости, на рационализме (много вокруг нелюбви вырастает ядовитых цветов).

Ведущий. А как же «Маленькая Вера»? Фильм, который вызвал множество споров, но который бесспорен в том, что показал нам образец «механической» семейной жизни. Однако именно здесь выросла Вера — существо живое, любящее, цветок на асфальте. Как такое могло произойти?

Григорьева. Веру любили. Видимо, на нее ушли как раз те чувства родителей, которые они разучились обращать на себя. По-моему, «Маленькая Вера» — это фильм о том, что вырасти на асфальте, пробиться сквозь асфальт сильный побег может. Вот уцелеть в таких условиях ему не под силу.

Если попытаться «спрограммировать» будущую жизнь маленькой Веры, можно легко представить себе ее подобной жизни ее матери. Нужны титанические усилия, чтобы судьба девчонки пошла по другой колес. Кстати, в фильме это показано. Это сцена, когда любимый Верой Сергей, только-только вернувшийся к жизни, буквально вползает в дом, где его едва не

убили. На вопрос Веры, почему он вернулся, Сергей говорит: «Мне стало страшно». Это страх за Веру. Это из последних, предельных сил попытка удержать ее от повторения той жизни, которая прожита ее родителями.

Кстати, несмотря на богатейший арсенал внешних отличий, «механическую» жизнь родителей повторяет их сын, брат Веры. Тоже сильный росток. Тоже сделал попытку прорвать асфальт, но придавлен им намертво.

Ведущий. Но разве героиня вашего стихотворения и мать маленькой Веры в чем-то не схожи?

Григорьева. Нет-нет! Они в корне противоположны. Моя героиня, несмотря на все тяготы бытия, живая! Героиня же фильма, чья жизнь, видимо, и сытен, и престижнее, мертва. Моя плачет в кино. Мать маленькой Веры не льет слез даже над живым, близким человеком — возлюбленным дочки, получившим смертельную рану. Для нее — все обыденность! Моя же героиня жива умением вырваться из обыденности.

В этом глубочайшее различие. И когда я говорила о том, сколь важно сформировать человеческую личность в любви, я подразумевала под этим условия радости.

Там, где радость, нет места одиночеству. Там, даже если рядом нет близких, родных, непременно возникают дружеские контакты.

У радости — свой заряд притяжения. Ну а если жизнь течет в стойком дефиците радости, что тогда? Видимо, идут в ход суррогатные средства.

Отчужденность — обязательный спутник тех, кто ищет суррогаты радости. Во многих случаях их одиночество вторично. Окружающие избегают общения с ними, ведь они нарушают правила общежития, часто ведут асоциальный, безнравственный образ жизни. Они никак не вписываются в социальную структуру общества. И общество отстраняется от них...

А депрессия, а болезненное состояние? Сколько попыток к самоубийству совершается на этой почве! И сколько их — с тяжелым, а часто и смертельным исходом!..

Пусть же обо всем этом знают, пусть задумываются те, кто стоит лишь у порога семейной жизни.

Нет трагедии более тяжелой, чем гибель детей. А в основе этой трагедии может быть всего лишь легкомыслие. Жизнь налегке: есть любовь или нет, проживем — разберемся... Зачатие налегке: будет малыш? Ничего, как-нибудь вырастим... Но дети не вырастают «как-нибудь». Они требуют постоянного внимания, ежедневного труда души матери, отца, деда и бабушки, всех, кто окружает ребенка.

«ЖИТЬ В ДЕТЕЙ»

Когда-то было широко в ходу выражение: «жить ради детей». Оно означало настрой на существование, целиком подчиненное подрастающему в семье «молодняку». Вплоть до отказа от собственных интересов, до безусловной «жертвы» всех материальных средств на максимальное удовлетворение потребностей детей. Жизнь показала, к каким «искривлениям», к каким исковерканным результатам способна привести такая линия взрослых. Но вот появилось на свет новое выражение: «жить в детей». Его непривычность останавливает внимание. Заставляет задуматься: о чем это? Что это? Чем отличимо от прежнего «ради детей»?

Видимо, речь идет о душевном, духовном проникновении в жизнь ребят, о духовном, душевном, сердечном контакте с ними — во все дни их бытия, во всех их тревогах, заботах, их печалях, радостях, их трагедиях.

Жизнь познакомила с такого рода историей...

Женщина делилась сокровенным. Ее письмо, адресованное журналисту, заканчивалось словами: «Быть может, мой опыт пригодится кому-то, поможет в час беды и растерянности обрести опору или подсказку. Ведь только то, что пропущено нами через сердце, и становится, оседая в нем, нашей нравственностью...»

Екатерина Герасимовна решила, наконец, отдать сыну часы его деда...

Она всегда знала, что рано или поздно сделает это. Не думала только, что «рано или поздно» наступит сегодня же, сейчас.

Звук Сережиных шагов она как всегда уловила издали: для «тренировки характера» сын поднимался на одиннадцатый этаж пешком. Хлопнула входная дверь. Шлепнулась у вешалки сумка с учебниками. Забулькал кран умывальника.

Это бульканье и насторожило Екатерину Герасимовну. Обычно сын прямо от двери врывается в кухню, срывает крышку со сковородки, выхватывает что подвернется: котлету, ломтик картошки, тут же отщипывал хлеб, тут же, если имелся, выпивал стакан компота и только затем следовал в ванную, чтобы с толком подготовиться к обеду.

Екатерина Герасимовна подошла к двери ванной. Сквозь бульканье воды слышались всхлипывания.

— В пятнадцать лет это бывает,— успокоила она себя.— В пятнадцать они постоянно хотят есть и часто хотят плакать...

Она сказала это себе тем тоном, каким сказал бы Артем — отец Срежи. В последние годы она все чаще заставляла себя представлять, как на тот или иной поступок сына отреагировал бы Артем, который ушел из семьи, когда сыну было пять лет.

Она вернулась к себе в комнату. Прислушалась. Вода перестала булькать. Но из кухни не доносилось привычных звуков. Заглянула в ванную, кухню, в ком-

нату сына — Сережи нигде не было. Кинула взгляд на вешалку — не было и Сережиной куртки. Ушел!

Екатерина Герасимовна мешкала лишь мгновение. Потом схватила с пола его школьную сумку. Она знала, что искать. В потаенном месте, под картонным донцем сумки, сын хранил письма своей одноклассницы Вики...

Екатерина Герасимовна с настороженностью наблюдала, как вот уже больше года ее сын переживает свою первую влюбленность. Или любовь? Ее тревожили письма девочки, которую она знала еще первоклассницей. Письма были серьезные, взволнованные, поэтичны. И — что больше всего задевало Екатерину Герасимовну — письма были по-своему мудры какой-то ранней женской прозорливостью. «Умница», — думала Екатерина Герасимовна. И ощущала уколы ревности. «Такие вот и уводят мальчиков прочь от дома... Но ведь лучше такая, чем какая-нибудь балаболка», — тут же осаживала она свою ревность. И вызывала в памяти мужа. Он сказал бы: «Чудачка ты, Катерина. Птенцы должны улетать из гнезд. Иначе беда».

Екатерина Герасимовна просунула палец под картонное донце Сережиной сумки. Что такое? Она провела пальцем взад-вперед. Писем не было.

Она знала, почему ждала беды именно здесь. Ей была четко видна разница между зрелой прозорливостью девочки на шестнадцатом году и едва начавшим освобождаться от полудетской растерянности самосознанием сына. Они и выглядели-то соответственно. Вика — сама гармония сложившихся форм, Сережа — воплощенная дисгармония: длинные руки, несуразная шея.. Она ждала разлада. И страшилась его, потому что знала, как трагически будет переживать этот разлад сын.

Ему нужно помочь. Вооружить его чем-то, чего он еще не обрел сам. И еще не ведая, что же случилось,

понимая, что ничего плохого еще и не случилось, она решила, что отдаст Сереже часы его деда. Сегодня же. Как только он войдет в дом. И дело, конечно, не в том, что сын сможет пользоваться этими часами. Он узнает их историю. Пришло время...

Скрипнула половица. Екатерина Герасимовна насторожилась. Сережа? Нет... Значит, у нее еще есть время собраться с мыслями.

...Артем, геолог, был в длительной экспедиции, когда ей в голову пришла счастливая мысль. Надвигался день его рождения. Она думала о подарке. И вспомнила о часах Артемова отца, почти единственном предмете, оставшемся на память о нем. Кроме часов, у них хранились еще две фотографии молодого, чуть старше Артема, человека в косоворотке. Было странно, что его, тридцатилетнего, Сережа называет дедом.

Часы привезли Артемовой маме с фронта, в сорок третьем году. Массивная серебряная луковица молчала.

О том, как остановились часы отца, они с Артемом говорили всего раз. Раз и навсегда она запомнила его плачущим... Зато историю о том, как старинная луковица попала к отцу, Артем любил вспоминать. Точнее, он повторял историю, склеенную им из обрывков памяти о той давней жизни, которая была до войны (в сорок третьем погиб отец, вскоре умерла мама, и воспитала Артема тетка).

Вот что любил рассказывать Артем... Однажды был праздник. Праздник у Артема в доме — это много-много света, мама в платье, которое шуршит и пахнет цветами, и отец — веселый, шумный.

Принимают гостей, соседей по квартире — Ряшенцевых. И наступает такой момент — отец отстегивает с руки часы:

— А ну, Гриша, обменяемся на память! — и весело смотрит на Ряшенцева. Артем видит, как на длинный

палец дяди Гриши начинает медленно наматываться тонкая цепочка. И когда палец одевается, как рыцарь в кольчугу, из кармана появляется кругленькая коробочка.

— Держи, Шура! — слышит Артем. — На память обо мне.

Отец и Ряшенцев треплют друг друга по плечам. Мама почему-то вытирает платочком глаза... Только повзрослев, узнал Артем, что вечер тот был прощанием — Ряшенцевы уезжали на Дальний Восток.

...Иногда они с Артемом доставали часы. Открывали крышку. Разглядывали фарфоровый циферблат, ажурные стрелки. Часы показывали без семнадцати одиннадцать. И она думала: неужели именно в это время погиб Сережин дед? Когда это случилось: близко к полудню или к полуночи?..

Ах, как обрадуется Артем, когда вернется из экспедиции и узнает, что часы ожили... Она вспомнила, что буквально в нескольких шагах от ворот в узком промежутке между домами зажат крошечный стеклянный ящик — часовая мастерская.

К мастерской она подошла вечером, по пути с работы.

— Ко мне? — часовщик склонился к окошку.

— У меня просьба... — она протянула часы. Он принял их бережно, словно большую ценность.

— О-о! — он открыл заднюю крышку часов. — Павел Буре! В ремонте были дважды. Один раз — в общей чистке.

— Почему вы так думаете?

— Думаю! Знаю! Видите зарубки на внутренней крышке — это знаки, которые ставили мои коллеги. Небольшой ремонт — небольшая зарубка. Чистка — свой значок. Удобно и честно. Итак, вы хотите, чтобы они шли? Понимаю. Память... Но я обязан предупредить: эта старая погремушка ничего не стоит, вы не

должны заблуждаться. Однако за ремонт... Ремонт потребует денег.

— Конечно,— заспешила она.— Я заплачу сколько нужно.

— Да,— прервал он.— И кроме того — время. Разыскать подходящий маятник не так-то просто на сегодняшний день. И пружину. А где я возьму приводной винт?.. Наведывайтесь.

...Потом вернулся Артем. Он приехал сразу в другой дом: туда, где жила женщина, которую он любил... Мир поплыл из-под ее ног. Все, что было свято и дорого, безмолвно рушилось и летело в пропасть! И ей казалось: единственное спасение — все зачеркнуть, забыть, вытравить.

Как-то, возвращаясь с работы, она почувствовала, что на нее смотрят. Часовщик стоял на противоположной стороне улицы. «Что делать? Я виновата перед ним,— метнулась мысль.— Он, должно быть, давно починил часы, а я не расплатилась».

— Простите,— забормотала она.— Но у меня к вам просьба. Те часы... продайте их, может, кто-нибудь купит. Мне они больше не нужны.

— Но они пошли!— возвестил часовщик.— Они идут, и это, если хотите знать, сенсация!— Он смотрел на нее, и выражение его лица менялось.— Что значит не нужны? Прийти и забрать! Нет денег — отдадите, когда заведутся.

Прохожие оглядывались на них. Она проговорила: — Хорошо. Я возьму. Через несколько дней...

Прошло не несколько, прошло много дней. Была суббота. Сережка как-то особенно озабоченно сновал по дому. И крутился, крутился возле нее. Рожица веселая...

— Кот Василий,— он тогда называл ее так,— ты почему в почтовый ящик не заглядываешь?

Она оторопела. Неужели малыш помнил, что прежде она то и дело открывала дверь, заглядывала в ящик: из каждой экспедиции Артем писал едва ли не ежедневно.

— Ну Кот Василий! Ну посмотри.— И тянет за руку.

Она открыла ящик. На ладонь соскользнул неуклюже сложенный бумажный лист. Раскрыла. Глаза пробежали печатные каракули: «ПИСМО ДОРОГОЙ МОЙ КОТ ВАСИЛИ Я ТИБА ОЧН ЛЮБЛУ ТВОЭ СИРОЖА».

...Она словно очнулась от удушливого сна. Мальчик брал на свои плечи то, что сбросил его отец! Мальчик помнил!

Ее пронзил стыд: мальчик прозорливее, чем она, взрослая! Это ведь она решила не забирать в мастерской часы деда. Она решила, что жить дальше, жить всю оставшуюся жизнь ей будет легче, если она забудет, выбросит, отринет все то, что было ее прежним миром. Но этот мир существовал, жил. И его биенис было частью ее внутреннего бытия, частью бытия даже маленького ее сына...

Стеклянный домик часовщика светился как большой китайский фонарь.

— Не ждал.— Часовщик остановился в дверном проеме.— Я, видите ли, привык к вашим часам. Не бойтесь,— он сделал предостерегающий жест,— они ваши. Но я много думал над тем, что вы мне сказали в прошлый раз, помните? Вы сказали, что часы вам больше не нужны. И еще вы сказали, что я могу их продать или хуже того — выбросить: чего она стоит, старая погремушка? Ну а память, я вас спрашиваю? Прожитая жизнь тоже подлежит уценке? — Из внутреннего кармана мастер достал часы.— Берите. И берегите. И пользуйтесь. Старая погремушка имеет точный ход — это я вам гарантирую. А когда-нибудь по-

том — приходите. Я расскажу, как достал маятник. Где я его достал?!

«...Как пишу, так я рассказала Сереже о часах деда, — кончала Екатерина Герасимовна. — Память не подлежит уценке — я хотела, чтобы он взрослеющим сознанием воспринял это. Все, что пережито человеком, остается с ним, зернами мудрости, прозорливости, понимания, прорастая в душе, в конечном счете делая ее добрее, шире.

...Я так и не узнала, что произошло у сына с Викой. Но почему-то убеждена, что помогла ему в трудные дни и еще — надолго...»

...Удивительная исповедь! Удивительный уровень проникновения любви матери в любовь сына... И какой поучительный пример «жизни в детей»! Жизни, когда нравственность детей множится не поучением, не нападением, а примером собственной нравственности. Что, если не любовь, движет здесь человеком? Что, если не любовь, находит здесь нужные шаги, слова, интонации? Кстати, здесь и трагедия семьи, отмеченной разводом, не оборачивается трагедией одиночества...

СЛЕПАЯ ЛЮБОВЬ?

И еще об одной житейской истории хочется рассказать. Об истории, которая, казалось бы, опровергает все то, о чем шла речь выше, однако...

— Я буду жаловаться! Я докажу. Накажу! — Это Михаил Сергеевич Авакян прощался со мной.

А чуть раньше его дочь Лариса, тоже прощаясь, спрашивала (в который раз!):

— Люблю Олега, люблю папу, но как соединить?..

...Дорожка сада. Прямо от лежащих на земле переспелых яблок каменные ступени крутой с поворотом лестницы без перил. Маленькая площадка наверху.

говорила с сыном: «На первом курсе жениться рано, сын». Отец Ларисы вынул из ящика письменного стола ее паспорт, убрал понадежнее. Так уж было принято: эти семьи, как правило, пополнялись за счет соплеменников. «Вряд ли дети посягнут на эти традиции», — так полагали старшие.

Но высокий взлет человеческого чувства, человеческого духа не подвластен «напору» ни традиций, ни предрассудков, ни любого иного «непонимания».

С великим сожалением отодвигаю томик Шекспира. Сейчас мне предстоит обращаться к иному материалу.

Из заявления в народный суд Октябрьского района города Грозного.

«Я, Авакян Лариса Михайловна, встречалась с Бархановым Олегом Юсиевичем около года... Когда мы решили связать наши узы, когда мы поняли, что нам быть врозь невозможно, мы решили пожениться. 26 марта 1981 года я со своим однокурсником Олегом Бархановым уехала из Грозного, так как была уверена в том, что мои родители будут против...»

В целом потоке объяснительных записок и Олег раскрывал мотивы их «тайной» женитьбы, ссылаясь на то, что он не был уверен в позиции своих родителей, прежде всего мамы — примет ли она Ларису.

Они вместе обдумали, что взять «в бега». Лариса собрала свои вещи. Олег — свои. Нужны были деньги — им ссудили друзья, одолжив у родных и знакомых, приплюсовав стипендию. Из студенческого общежития часов в 12 дня Олег с Ларисой и двинули в Орджоникидзе. Надеялись несколько дней прожить у дяди Олега, а потом вернуться, идти к родным, просить прощения, мириться. Но вернулись они той же ночью, поскольку не застали родственника.

— Явились! Да вы с ума сошли! — всполошились однокурсники. — Тут отец Ларисы на весь город объез-

вил: дочь его похищена, над ней надругались. Грозится отомстить. Нам тоже, как соучастникам.

Недолго думая, снова собрались в путь. На этот раз в село, в семью к одному из товарищей. Туда же вечером Олег привез свою маму. А на следующий день Любовь Багаудиновна Барханоева и трое ее братьев стояли у ворот дома Михаила Сергеевича Авакяна.

Из заявления на имя начальника управления внутренних дел Октябрьского района города Грозного Любови Багаудиновны Барханоевой:

«...28 марта я и трое братьев ходили с целью примирения к тов. Авакяну. Не став слушать наши уговоры, ударяя себя в грудь, он дал мужское слово — любыми путями Ларису и Олега убьет сам или чужими руками. Боюсь отпускать детей на занятия».

Это заявление не осталось без внимания. М. С. Авакян был приглашен в милицию.

Из объяснения М. С. Авакяна на имя начальника Октябрьского РОВД города Грозного:

«По поводу женитьбы Барханоева на моей дочери могу сказать, что эта женитьба незаконная и по этому поводу я написал жалобу. Никому я не угрожал и угрожать не думаю...»

Вместе с этим объяснением в милиции хранится бланк «Официального предостережения о недопустимости антиобщественного поведения в адрес Ларисы и Олега». Подписать его Авакян отказался.

Между тем события продолжают развиваться. Молодая семья (живет то у одних, то у других родственников Олега) хлопочет через официальные органы: помогите нам зарегистрировать брак. Это невозможно без паспорта Ларисы. Просим выдать дубликат паспорта. Не оставляет своих усилий и папа Авакян. Через все официальные каналы он продолжает делать заявления о том, что его дочь похищена...

В семейную историю втянуты прокуратура Чечено-Ингушетии, Министерство внутренних дел, другие республиканские органы. Именно в этих кругах рождается решение: пусть отец и дочь встретятся «на нейтральной полосе» (без Олега, без его родных), пусть дочь открыто скажет отцу, что с ней случилось. Может быть, она и в самом деле лишь под угрозой стала женой.

И они встретились. В присутствии прокурора республики Александра Ивановича Ростова Лариса сказала: «Папа, я ушла с Олегом по согласию. Оставьте нас в покое. Не мешай нам». «Наследства лишу!» — негодовал отец. Дочь плакала от обиды... Потом она вышла в комнату, где ждала ее мать Олега, кинулась к ней, обняла... Заместитель министра внутренних дел республики Александр Андреевич Макаренко, свидетель этой сцены, как и разговора дочери с отцом, как и категорического заявления отца — не отдам паспорт дочери, немедленно распорядился, и Ларисе выдали дубликат паспорта. Загс Октябрьского района Грозного принял от нее и Олега заявление на регистрацию брака.

Потом была веселая, радостная свадьба. Потом у молодоженов был первый день в университете. И снова улыбки, поздравления. Казалось, жизнь вошла в мирную колею. Олег с Ларисой вместе с однокурсниками гуляли по городу, были в гостях у родных. В день когда Михаил Сергеевич Авакян был в отъезде, Олег проводил Ларису в отчий дом повидаться с мамой. Потом заехал за ней...

Как случилось, что «мир» просуществовал недолго? Может быть, ключ к разгадке в этом красочном глянцевом бланке? Поздравительная телеграмма. Ее молодожены послали папе Авакяну в день его рождения. Вскоре телеграмма вернулась по адресу Олега с припиской от руки на имя Ларисы: «У тебя были

папа и мама до 26 марта 1981 года, когда ты променяла их на других маму и папу...»

Отец не смирился. И действовал. В середине мая Лариса сильно застудилась, попала в больницу. Две недели изо дня в день по два-три раза ее проведовали. Олег с цветами, мама Олега и его сестры с гостинцами, с горячей едой, однокурсники со свежими университетскими новостями. Она быстро поправлялась. И когда 22 мая неожиданно заболел Олег (простудился, сдавая зачет по плаванию), упростила его маму: «Заберите меня домой на субботу и воскресенье (23 и 24 мая), я хочу побыть с Олегом». Так и сделали. Утром 25-го отец Олега привез Ларису в больницу. А вечером...

Телеграмма:

«25 мая примерно в 21 час из железнодорожной больницы исчезла при неизвестных обстоятельствах гражданка Барханоева. Просим принять меры розыска... Начальник Октябрьского РОВД...»

До четырех утра металась по городу родные Олега, пытаюсь найти Ларису.

«Председателю Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР.

Я, Ходикова Марина, студентка I курса истфака университета, 25 мая в 18.00 была у Ларисы в больнице. Она ждала маму и отца Олега. Когда она пошла меня проводить, она оглянулась и, вздрогнув, остановилась. Я посмотрела в ту же сторону и увидела отца Ларисы. Он не мог нас не заметить. И сразу же куда-то исчез... Отец говорил, что выкрадет ее...»

Ларисы уже не было в Грозном. Машина мчала ее в Баку. А у папы уже были готовы машинописные листы с «показаниями» дочери. «26 марта 1981 года я пошла на занятия в университет, по дороге меня встретил мой однокурсник Барханоев Алихан, предложил довести до университета на машине...» И — разверну-

тая папина версия (как и папино употребление имени Олега — по-ингушки Алихан) о похищении и надругательстве, та самая, которую он выдвинул в марте. Сейчас его целью было добиться собственноручной подписи Ларисы под этой версией. Ценой угроз он добился цели...

Вскоре Лариса была перевезена в Ереван. И папа водил ее «по инстанциям», понуждая подтверждать написанное. На основе этой версии он же, папа, привез из Еревана в Грозный, в народный суд Октябрьского района, заявление (тоже машинописное) с просьбой о расторжении брака Ларисы с Олегом...

Опущу подробности. Сообщу коротко: суд не считал допустимым произвести развод без Ларисы. Папа вынужден был привезти дочь в Грозный. Воспользовавшись первой же возможностью, Лариса вернулась к Олегу.

Но я так и не ответила на вопрос, где корни этой затянувшейся истории. Почему сейчас, в августе, я застала Ларису с Олегом, двух граждан, пользующихся конституционным правом советских людей на неприкосновенность личности, скрывающимися в чужих домах?

Первое впечатление, которое производит Михаил Сергеевич Авакян: усталый, измученный заботами и переживаниями человек, отец, для которого, казалось бы, нет ничего дороже счастья и благополучия его единственной дочери. «Для чего я работал всю жизнь? Для этой девочки! Зачем я 20 лет растил эту девочку? Чтобы она была счастлива!»

...Тугая трубочка бумаг, которая зажата в его руке, ложится на стол, разворачивается. Следуют пояснения к «документам»: 25 мая Лариса по собственной воле уехала из Грозного. Между прочим, со своим любимым человеком. Его зовут Степан Гаянян. Есть его заявление: им с Ларисой мешают пожениться — Али-

хан не дает развода. Рядом ложится фотография: Лариса с молодым парнем.

Он взволнованно выкладывает «вещественные доказательства», полагая, что они укрепляют его позицию папы, сражающегося за честь дочери. Но как-то не укладывается в голове, что любящий человек станет столь откровенно чернить нравственный облик своего дитя. Я слушаю его, зная подробности о «женехах»: знакомый Авакяна, житель Еревана 27-летний Степан Гаянян три года как женат, у него полуторагодовалый сын. А фотография... Лариса предполагает, что она сделана путем монтажа...

Позже я прочту его заявление с требованием привлечь Ларису к уголовной ответственности за... ложные показания (имеется в виду под его же нажимом подтвержденная версия о похищении). Из любви ли делаются подобные заявления? Или в такого рода поступках проявляют себя иные чувства? Скажем, уязвленное самолюбие, уязвленная честь отца, главы рода, честь мужчины — хозяина дома, из которого вопреки всему вырвалась единственная дочь?

— Два месяца в Ереване дочь была со мной. Я простил ее...

— Простили, за что? Ведь вы утверждаете, что она поругана.

Невольно вспоминаю поэтическую строку: «Ложь вкрадчива, но истина упряма».

— Где вы работаете?

— Я сейчас не работаю.

— На что живете?

— На свои сбережения.

— Где работали раньше?

— Заведовал мясным отделом магазина. Затем — слесарь СУ.

— Почему вы не оставите свою дочь в покое? Она взрослый человек.

— Я добиваюсь справедливости!

...Да, и таким «разбоем» может иной раз обернуться родительская любовь. Правда, история, о которой шла речь, невольно заставляет задуматься: а имело ли отношение к любви то чувство, которое питал отец к дочке? Быть может, у истоков рассказанного нами «детектива» всего лишь стихия собственности?

Судим так, потому что закончился сей «детектив» весьма своеобразно. Как только разгневанный папа с помощью прокуратуры окончательно уразумел, что не имеет права вторгаться в жизнь дочери, он напроочь отказался от своей «любви» к ней.

У молодых дружная семья. Растет сынишка, который и не ведает, что у него есть дед со стороны мамы...

Нет, не бывает на свете «слепой» любви. Любовь — это всегда высшее прозрение души. И от него — тот звездный дождь понимания, доброты, проникновения в другого и всепрощения, которым она одаривает.

Все начинается с любви. Все перечеркивается нелюбовью.

А теперь еще о нескольких аспектах проблемы любви и нелюбви.

А ЧТО В «ЗАПАСНИКАХ» ДУШИ?

Начну с письма, которое довольно ярко «представляет» распространенное суждение. Его прислала москвичка, тридцатидвухлетняя женщина.

«Дорогая редакция,— писала она,— хочу поделиться своими мыслями по поводу того, кому и почему не хватает сил любить... Именно мужчины прежде всего заслуживают того упрека, который высказан газетой. Приведу свой выстраданный пример. Сейчас во многих городах появились клубы «Для тех, кому за тридцать». Это можно только приветствовать. Давно и

откровенно признано: одинокий человек — не подарок для общества. Посещала клуб и я. Познакомилась с мужчиной, которому сорок. Он говорил, что ходит в клуб, надеясь найти верного друга жизни... Казалось, все шло хорошо: много общих интересов, много общего во взглядах. Но вот он узнает: я жду ребенка, и куда только девалась вся наша «общность». Брак не состоялся... Полгода назад у меня родилась дочка, и мне трудно передать, как я счастлива. Вы спросите: зачем же пишу? А вот зачем. В Москве двенадцать клубов «Для тех, кому за тридцать». Женщины, как правило, ходят в один из них. А вот мужчины... Думаю, не одного можно встретить во всех двенадцати!

В статье, по поводу которой я пишу, утверждает-ся, что мужчинам не всегда хватает сил любить. Но, может быть, дело в том, что они попросту не хотят любить? Прыгать по жизни, «срывать» удовольствия — да. Любить же, то есть чем-то жертвовать, что-то отдавать,— увольте! Так зачем же взывать к душевным накоплениям ради любви?..»

Подобное мнение прослеживается в наши дни не только в житейских суждениях, но и в газетных и журнальных дискуссиях, проходит через экран кино и телевидения. Дескать, скудеет славное когда-то мужское племя. Где рыцарство? Где рыцари? Мужские прически и те, как олицетворение снижения в мужчине мужского начала, стали «женственными» и т. д. и т. п.

Вскользь упомяну, что длинными волосами мужчины украшали себя и в те времена, которые сегодня мы называем рыцарскими. Кстати, тогда же они не прочь были дополнить свой туалет, скажем, пышным бантом, а то и брошью. На сути же письма, присланного молодой москвичкой, хотелось бы остановиться всерьез.

Итак, задумаемся, чем озабочена молодая москвичка. Если говорить коротко, видимо, речь в ее письме

идет о боязни ответственности за любовь. Именно в этом видит она ущербность современного мужчины: в его нежелании нести груз забот, груз привязанности, без которых не обходятся серьезные отношения любящих.

Нести определенный груз — это и значит не только черпать из источника, но и пополнять его. Иначе источник пересыхает. Но поскольку он, современный мужчина, по мнению нашей корреспондентки, сторонится, страшится такого рода «работы», значит, нечего и «проповеди ему читать»: бессмысленно, бесполезно.

Вот тут-то и хотелось бы возразить. Возразить отнюдь не свертоткровением, а широко известным мнением, рожденным и выстраданным в веках: душа человеческая, как сад, нуждается в уходе. В саду хозяйничает садовник. Душа — достояние, предмет забот самого человека. И так же, как безграмотный садовник не способен принести пользу цветам и деревьям, вверенным ему, так и человек, не владеющий грамотой, которая помогала бы ему строить свой внутренний мир, насаждать «порядок» в своих представлениях о том, каким ценностям в окружающем его пестром и многоликом мире стоит отдавать предпочтение, позволяет душе своей зарости сорняками.

Социологи (свои исследования они проводили на крупных промышленных предприятиях Урала) отметили среди молодых, в возрасте тридцати — тридцати трех лет, инженеров стремление продолжить образование. И в каком направлении? Люди, владеющие точными науками, хотят расширить знания в области гуманитарной. Подумайте, как интересно! И если учесть, что никто из опрошенных не заявил при этом о желании изменить профессию, остается предположить: люди ощутили потребность задать своему «я» программу более наполненного бытия, включив в сферу сво-

его внимания историю, эстетику, искусство, то есть все то, что заставляет душу трепетать и радоваться, ликовать, страдать. Среди участников обследования преобладали мужчины.

Как-то у меня состоялся интересный разговор с крупным специалистом в области психотерапии. Речь шла о возможностях личности, о тех ее составных, которые наиболее важны для того, чтобы человек сумел «осуществить себя», то есть максимально раскрыл все свои способности, а значит, и построил свою жизнь наиболее счастливо. Так вот, одним из условий для этого ученый назвал умение человека познавать себя и оценивать себя. То есть умение быть самокритичным. «Только тот,— говорил он,— кто умеет критически относиться к себе (а этому, кстати, нужно учиться), сумеет «подтянуть» себя, заставит себя заняться самоопределением, а значит, самосовершенствованием».

Вот еще одно любопытное наблюдение сельской учительницы.

«Приехала в деревню выпускница педучилища. Говорили мне: и красоты особой в ней нет, и величавой стати. Застенчивая, робкая, задумчивая. Вся в сомнениях. Бывало, подойдет к старой учительнице начальных классов: «Ничего у меня не выходит. Что-то я все время упускаю...» А он, муж нынешний, был в ту пору недоучкой, знаете, бывают такие «распустехи» — все вроде им нипочем, даже собственная судьба. Киномехаником в клубе работал. Кто знает, чем покорила его приезжая учительница. Но он, как говорится, ради этой своей любви «перевернул» себя. Учиться стал. Как-то подтянулся весь. Потом уже они оба — молодая семья — учебу продолжали, пединститут окончили. Он стал учителем истории. Словом, они хорошими «спутниками» друг другу оказались, эти муж и жена. И я, много лет знавшая их, помню, не раз думала: а ведь я уже давным-давно не замечаю разницы во

внешности этих людей — так красивы они для меня оба.

Но я думала и о другом. Что же им помогло? Как они сумели «дорости» до себя самих в своем лучшем воплощении? Мне важно было это понять — ведь я учу детей. И знаете, к какому выводу я пришла? Им помогла привычка, навык жить на преодолении, на постоянном «восхождении». Это нравственное движение и поднимало их. Я постоянно учусь у них...»

В «запасниках» души сельского киномеханика, о котором поведало письмо учительницы, было «не густо», когда на улице возле школы он впервые приметил стройную русоволосую девушку. И возможно, эта встреча оказалась счастливой потому, что она, начинающая учительница, неся под оболочкой застенчивости и робости бесценный дар самопознания и самокритичности, сумела «заразить» непутевого сельского паренька недовольством собой, поиском себя. Не с того ли и пошла его новая внутренняя жизнь, начался труд, который человек не оставлял потом уже никогда. И не потому ли в конце концов его чувство оказалось ему по силам? И не потому ли застенчивая выпускница педучилища обрела с годами облик значительного человека?

Может быть, москвичка, чьим письмом мы начали разговор, прочитав эту историю, согласится с нами (прежде всего с автором последнего письма): культуру души нужно воспитывать. Азам этой культуры нужно учить.

...Итак, может быть, не следует считать, что от дефицита любви страдает лишь женская половина человечества. И с выводами о том, что рыцарские времена давно миновали, тоже стоит не спешить. Не полезнее ли задуматься еще и еще раз, почему даже там, где двое, казалось бы, нашли друг друга, спустя какое-то время заявляет о себе одиночество.

ДАР СРОДНИ ИСКУССТВУ

Зазвонил телефон. Голос, прерываемый долгими паузами (человек подбирал слова), сообщил: «В письме не изложишь всего, что наболело... Очень хотел бы приехать, поговорить...»

Через пару дней мы встретились.

Он высок, плечист, не стар (чуть за тридцать). А мне представлялось, что должен он быть мал ростом или узкоплеч, или неказист лицом — воображение выхватывало банальнейшие «штрихи» к портрету человека, в чем-то уязвимого...

Его поступок, обращение за помощью к журналисту, и суть дела, с ним порвала любимая им женщина, находились в каком-то остром противоречии.

Надеюсь быть правильно понятой и не получить упрека в бессердечии: к ней, дескать, с открытой душой, а она... В оправдание себе скажу: сострадала Андрею Ивановичу, готова была кинуться на помощь. Он ушел — тут же набрала номер оставленного им телефона и в ответ на тихий женский голос: «Вас слушают», принялась (как недавно Андрей Иванович, с трудом подбирая слова) уговаривать: «Может быть, вы еще подумаете... Может быть, вы сочтете возможным зайти в редакцию, поговорить...» — «Хорошо, я подумаю, я позвоню вам», — откликнулся тихий голос... Показалось ли мне, что в нем мелькнула ирония?

Почему, собственно, человек, пришедший в редакцию с просьбой сугубо «частного» характера, вызывал столь углубленный интерес к себе? Дело в том, что он был одним из многих десятков читателей, откликнувшихся на статью. Речь в ней шла о том, что становление и существование семьи находятся в прямой зависимости от того, какой «капитал» не только труда, но и душевного творчества, созидания вносит в него женщина. Тема статьи взволновала людей и родила свое-

образный спор. «Почему, собственно, столь пристальное внимание вы сочли нужным уделить роли женщины в семье? — спрашивали читатели. — Женщине и так достается с лихвой труда и забот, а вы — о каком-то там бесконечном плетении кружев душевных, духовных соединений с близкими, обязанности тоже женской!» И пожалуй, наиболее четко эту позицию выразила москвичка, которая назвала себя «Е. К.». Вот что она написала: «Да разве семья, построенная на любви двух людей, предполагает, что женщина как раба должна бесконечно (!) плести кружево невидимых соединений? Да разве нет в истории примеров бесконечного самопожертвования обоих, именно обоих супругов во имя любви?»

Мысль «Е. К.» подкреплял еще ряд откликов, и в частности один высказанный по телефону весьма разгневанным голосом: «А в чем же, скажите, роль в семье мужчины?! Если своя, особая миссия есть у женщины, значит, должна быть и у него. Или нет? У меня впечатление — что нет... Во всяком случае, мужчины о ней не подозревают».

Словом, авторская позиция встретила неодобрение. Правда, была и иная, не меньшая, даже большая по объему пачка откликов. Тех, где мысль об особом, природой определенном назначении женщины в семье встречала поддержку. Кстати, интересная закономерность: если в первой группе откликов преобладали письма женщин, то во второй — мужчин. И вот еще что интересно. Мужские письма нередко таковы, что своим содержанием как бы прямо отвечают женщинам на разгневанные их вопросы. Иными словами, дают представление о том, что мужская половина человечества задумывается не только о роли в семье жены, но и о своей, мужской миссии.

Вот что, к примеру, пишет житель подмосковного города Клина, тридцатилетний инженер:

«Я считал, что для того, чтобы заводить семью, нужно прежде всего твердо «стоять на ногах». На завод пошел рано. Учился по вечерам. Зарабатывал хорошо. И, женившись, считал: я опора семьи, ее прочный фундамент. Считается же, что постройка с надежным фундаментом способна простоять больше ста лет. На такую жизнь с любимой женой и рассчитывал. А получилось иначе. Даже находясь в отпуске, она не считала нужным состряпать хоть какой-нибудь обед к моему возвращению с работы. Кинусь готовить сам — смеется: «Ну и мужик!» Словом, развалилась наша семья. Мне кажется, жена просто не была внутренне подготовлена к семейной жизни. Ей нравилось «потреблять», но она не умела «вкладывать». Потреблять-то можно даже принадлежность мужа к отряду инженеров: современный деловой человек (престижно для семьи!) и уж никак не стряпуха у плиты — это, видимо, чем-то оскорбляло жену, не увязывалось с образом инженера».

Но в этом же письме инженера из Клина содержалась такая фраза: «Жена просто не была внутренне подготовлена к семейной жизни... А у меня не хватило умения помочь ей...»

Вот этот «осколочек сомнения» рядом с убежденностью автора письма в том, что его «установка» или ориентация на миссию мужчины в семье бесспорна и исчерпывающая, давал толчок к размышлению, расширяя начатый разговор. По этой-то причине и Андрей Иванович, пришедший в общественную приемную редакции с сугубо «частной» просьбой, вызывал к себе повышенное внимание.

...Мы разговариваем уже часа два. Разговор интересен. В частности, потому, что женщине, о которой ведет речь мой собеседник, под сорок — она зрелый человек. И оба, Люба и Андрей Иванович, так сказать, «погорельцы» — за их плечами опыт неудавшейся се-

мейной жизни. И значит, встреча, тяга друг к другу, привязанность — как подарок, как великое обретение. А жизнь, начатая под общей крышей, — зрелое решение. Казалось бы, ждать ли здесь ошибки? И вдруг через год обнаруживается: созданная ссмыя — «временный вариант для Любы», именно такими словами называет случившееся Андрей Иванович. Он сидит передо мной олицетворением недоумения: «Как, почему это случилось?» Он уже рассказал, что не пьет и не курит, что мастер на все руки, все, что мог, делал по дому. На работе же «вкалывал от души», как он выразился, чтобы принести Любе побольше денег. И на курорт они вдвоем успели съездить. И в теплоходных экскурсиях проводили выходные. Словом, наполненной, живой была их общая жизнь.

— Что же случилось? — Он смотрит на меня, понимая, конечно, что мне не под силу ответить ему так же прямо, как он спрашивает. И я переиначиваю его вопрос, чтобы выявить суть: что же случилось, что и почему не состоялось в жизни этих двух людей? Стоит задуматься.

Об умении любить говорят: этот дар сродни искусству. Искусство же, гармония не поддаются постижению «алгеброй», не раскладываются в строгом порядке по полочкам: здесь главное, а вот здесь — второстепенное, но тоже важное и т. д. И все-таки есть какие-то основы, без которых искусство — не искусство, а всего лишь ремесло. Не потому ли желание любить и быть любимым нередко принимается за любовь? И готовность помогать жене, и интересно организованный досуг, увы, не рожают колдовства, являя не искусство любви, а всего лишь ремесло...

Какого же рода дефицит обнаруживает себя в данной ситуации? Думаю, дефицит духовной культуры. Малая «образованность» души. Не о нем ли — строчка

в письме инженера из Клина: «...У меня не хватило умения помочь жене...»

Кстати, что он имел в виду, написав «помочь»? О какой помощи речь? Ведь он готов был взять на себя, скажем, приготовление обеда. Значит, о чем-то другом идет речь. Видимо, о позиции, психологической атмосфере, что ли, которую он, мужчина, должен был утвердить в своей семье. Речь опять-таки не о само собой разумеющемся: о верности, скажем, об уважении друг к другу. А может быть, о том, что к той же «проблеме» обеда можно подойти с позиций требовательности и суровости, даже и самому взявшись за кастрюлю, изобразить на лице скорбь страдальца или воодушевление подвижника, а можно сделать это с юмором, с легкостью, так, что и нерадивая жена присоединится к работе.

Позиция мужчины. В ней ведь тоже — точка отсчета, позволяющая найти верный подход к большим и малым семейным делам и проблемам. В чем она? Я думаю, в умении быть выше мелочей. В умении видеть объемнее, шире, чем женщина, масштабнее, глубже. А значит, всегда быть на высоте некоторого покровительства, снисхождения к женщине: к ее слабостям, ее особенностям, ее настроениям. А ей только «протяни» все это — с каким наслаждением она войдет в предлагаемый мир, ведь он-то и открывает возможность чувствовать себя не просто «равноправной гражданкой», а именно женщиной. Но учим ли мы мальчиков в семье, в школе осознанию себя мужчиной — не только покровителем, опорой в делах материальных, но и защитой от мелочности во множестве моральных, душевных жизненных проявлений? Куда там! Наш потолок в сегодняшнем воспитании юноши: ты должен будешь поровну делить с будущей женой груз ее забот. Мы задаем ему столь «нерыцарскую» программу, что потом, во взрослой жизни, с него и спросить-то

как будто нечего, кроме того же выполнения «на равных» домашних дел...

Тот тихий женский голос на другом конце Москвы, там, куда я позвонила по телефону, оставленному Андреем Ивановичем, обещал мне: «Я подумаю. Я позвоню. Возможно, приседу...»

Женщина не позвонила и не пришла. И я теперь не сомневаюсь — в ее голосе, когда она откликнулась на мой телефонный звонок, таилась горькая ирония. Кому она была адресована?

* * *

Подводя итоги этой главы, повторим слова поэта: «Все начинается с любви...» Но добавим к ним нечто весьма значимое. Нужна еще и культура чувств, и культура общежития, то есть семейного жития. А это не приходит само собой. Это обретается в постижении, в сознательном, рачительном накоплении...

Не пожалейте труда! Обретайте, накапливайте. И как самое дорогое наследство передавайте детям! Потому что именно от такого наследства зависит их счастье и счастье их детей.

«ЕСЛИ Б МОЯ МАМА ПЕСЕН МНЕ НЕ ПЕЛА...»

У меня бы не было языка родного,
Собственного имени, голоса, лица,
В странствиях далеких я давным-давно бы
Заблудился, словно в космосе овца.

Я б не знал, как сильно, нежно, страстно, смело
Ты, любовь, способна вспыхивать во мне,—
Если б моя мама песен мне не пела,
Колыбель качая, как лодку на волне. .

Ведущий. Начнем с этих строк Расула Гамзатова. Думается, они помогают подобрать ключ к такому пара-

доксу. Десятки лет педагогика, обращаясь к родителям, предостерегала: сдерживайте свою любовь к детям, меньше ласкайте, меньше целуйте, не берите малышей на руки; любовь — источник детской избалованности и, значит, вседозволенности. А сегодня педагогика озабочена «нашествием» родительской черствости. Сегодня говорится о родительском вандализме, родительской жестокости к детям. Крайнюю тревогу вызывает ныне общеизвестный факт: тысячи и тысячи детей сиротствуют при живых родителях.

И, скажем, подростковая преступность объясняется сегодня не чем иным, как прежде всего дефицитом любви, который сопутствует взрослению немалого числа ребят.

Как-то, оказавшись среди молодых мам, журналист спросил:

— Кто из вас поет своему малышу колыбельные песни?

Оказалось — никто. Почему?

— Как-то в голову не приходило, — был ответ.

— А сказки кто рассказывает? — продолжал допытываться журналист.

И снова в ответ:

— Нет, как-то не приходилось. Читать детские книжечки — это да, это бывает. Но чаще всего — включаю «Спокойной ночи, малыши». Тут и сказка, тут и колыбельная песенка.

Мамам, с которыми беседовал журналист, было по 20—25 лет. Значит, они появились на свет в середине, в конце 60-х. А мамы этих мам? Даты их рождения — видимо, в большинстве — приходятся на 40-е годы. Годы войны, потом страшного послевоенного напряжения — разора, всяческих нехваток, интенсивного труда, в том числе женского. Как остро тогда женщинам не хватало времени, сил на то, чтобы приласкать свое

дителя, посидеть с ним, обнявшись, проводить его в сны своей песней...

Сегодня условия жизни иные. При всей занятости и озабоченности — в наши дни юная мама в силах выкроить время и присесть к малышу, и погладить его, и поговорить. Но... Что-то изменилось в самом мироощущении нынешней юной мамы. Спеть малышу на ночь — «как-то не приходит в голову...» Не потому ли, что и она не знала такой родительской благодати в своем детстве, а ее мама — в своем?

Васильченко. Поставленный вопрос чрезвычайно серьезен. Напомню, что, оценивая благополучие развития новорожденного, у нас принято оперировать крайне примитивными критериями, в частности: какой он, младенец, сосальщик. Если хорошо сосет, значит, развивается нормально. Его закутывают, пеленают, и если есть возможность оставить его в яслях, то это вообще для многих родителей — верх блаженства. Но вот что сделал английский приматолог Харлоу. Рождается маленькая обезьянка, наша дальняя родственница, ее отделяют от матери и в полной мере обеспечивают ей питание и уход. На первых порах она отвечает нормальным приростом веса и другими признаками нормального физического развития. И вдруг... Я сожалею, что не принес показать фотографии этих обезьянок. Страх, отчаяние, полная неспособность контактировать и жить со сверстниками. Это уже изувеченная жизнь. Все развитие оказывается грубо нарушенным. И почему? Ответ элементарно прост — одиночество, раннее лишение материнской любви.

Дальше Харлоу проводит такой вариант эксперимента. Он подсовывает малышам тряпичную обезьянку, а то и просто мочалку, которая имеет структуру, похожую на обезьянью шкуру. И что же? Малыши начинают активно играть, лизать суррогатных своих

мам. Оказывается, младенцу без мамы, хотя бы тряпичной, никак нельзя!

Вот сколь рано может заявить о себе одиночество. Оно начинается на биологическом уровне, но в дальнейшем дает всходы социальные, потому что из детей, обделенных лаской в раннем детстве, получаются в дальнейшем социальные уроды. А вот любовь творит с ребенком поистине чудеса. Даже на той стадии, когда он еще в утробе матери.

У меня был такой случай. Молодая женщина пришла на прием, переполненная страхом. Она ждет ребенка. По определению врача, его положение в утробе ненормально. Рождение малыша поставлено под вопрос.

— Как мне быть? Я так хочу ребенка! — говорила женщина.

— Успокойтесь,— были мои слова.— Успокойтесь сами и успокойте своего малыша. Побольше разговаривайте с ним. Скажите, что очень его любите. Очень ждете. Скажите, что все у вас с ним будет хорошо. И вообще — побольше добрых, ласковых слов, слов любви и нежности к нему.

Она удивилась. Но и обрадовалась.

— Неужели это может помочь?

— Да,— убежденно отвечал я.

Она появилась у меня через три дня. Сияющая, счастливая.

— Доктор, это невероятно, но он услышал меня. Он перевернулся! Теперь все в порядке! Спасибо вам!

Я убежден: если ребенка любят, если его появления на свет ждут, если с первого часа его жизни с ним разговаривают, если его поднимают и прижимают любящие руки — он это понимает и усваивает. Так же, как усваивает он и первые уроки одиночества, дефицита любви, выпади ему такая доля.

«Нелюбовь» закладывает в человека ту растерян-

ность, ту закомплексованность, которая впоследствии способна расцвести самыми неожиданными цветами — цветами зла, агрессивности.

Помните, у Чехова: «Человек рожден для счастья, как птица для полета». А мы этой птице порой с первых минут подрезаем крылья. Так будет ли она летать?

И. Л. Ботнева, научный сотрудник Всесоюзного научно-методического центра по вопросам сексопатологии. Продолжу мысль Георгия Степановича. Давайте вдумаемся в такой парадокс. Работа сексопатолога постоянно связана с проблемами одиночества. Но вопреки распространенному мнению, что угроза одиночества таится в половых нарушениях человека, скажу: зависимость обратна. Гораздо чаще сексуальность нарушается в результате одиночества. Причем это одиночество ребенка с детства.

Это может быть одиночеством при живой матери, если у нее нет времени, а порой и потребности погладить, приласкать, пожалеть малыша. Мама спешит на работу, в институт, она ориентирована на более значимые ценности, и ребенок ей только мешает. Об этом уже говорилось, я лишь добавлю, что если малыш в первые годы жизни остается вне контакта с матерью, это неизбежно отражается и на формировании его сексуальности.

Самые большие «потери» несут девочки. Их потребность в ласке значительно выше, чем у мальчиков.

Многие, вероятно, подмечали: мальчик, совсем крошка, готов увернуться от ласкающей его отцовской или материнской ладони. А вот девочка к ней тянется. Девочка ластится, вьется возле родителей, ласкается — и ждет ответной ласки. Причем, что характерно. Наша педагогика в прошлом особо концентрировала внимание родителей, в частности отцов, на том, что ласкать дочку не следует. Это чуть ли ни путь к ее

растлению. Сегодня мы знаем: все как раз наоборот!

У недоласканных девочек могут не развиться эрогенные зоны. И это тоже дорога в одиночество.

Здесь говорилось об эксперименте с обезьянами. Выросшие в одиночестве, при искусственном ограничении контакта с матерью и игр со сверстниками, они утратили материнский инстинкт: отбрасывали своих детенышей, отказывались кормить и даже могли раскусывать голову. Слава богу, женщины еще не откусывают головы своим детям, но с чистой совестью оставляют их, бросают.

Стресс у ребенка, лишенного любви, возникает с первого месяца жизни. Потом это выльется в агрессию и жестокость. Потом это будет склонность к сексуальному садизму и неумение удовлетворить сексуальность нормальным путем. Уже в детстве обнаружится неумение нормально общаться со сверстниками.

Ведущий. Итак, вывод, который можно вынести из этой части нашей беседы: дефицит любви для детей — это начало их одиночества, начало их «потерянности» среди людей, это и залог их будущих трагедий. Тех трагедий, которые жизнь являет нам на каждом шагу.

Обратимся к жизни. Исследуем несколько ситуаций, рожденных теми социальными явлениями, о которых говорили ученые.

«ПОТЕРЯННЫЕ» ПАРНИ — ПОИСКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

— Как думаешь, Паша, школу кончишь?

Пожатие плечами.

— Сомневаешься?

Молчание.

— В училище-то без восьми классов не примут...

Кивок.

— Как предполагаешь жить?

Пожатие плечами.

— Ты что, немой, Паш?

— Не-е.— Взгляд понурый и грустный.

...Совпадение было случайным. К моменту, когда два центральных издания рассказали о «люберах» — «террористах» из подмосковных Люберец, у нас лежало приглашение из тех же Люберец. Нас звали в школу номер два, на родительскую конференцию, посвященную борьбе за трезвость.

Готовясь к работе, мы побеседовали с директором школы Зоей Васильевной Пименовой. И неожиданно узнали: микрорайон, в котором расположена школа номер два, один из «поставщиков» тех самых «люберов», а «люберы» — это культ силы, наложенный на нравственную глухоту. Культ силы, взращенный на глухоте эмоциональной. По вечерам, пружиня походкой и поигрывая мускулами, эти парни скользят по московским улицам и бьют тех, кто им не по нраву. Бьют и растворяются в темноте. И возникают вновь...

«Люберы» — так окрестили они сами себя по имени своего города. Но если вдуматься, их двойников встретишь сегодня нередко. В городской подворотне. На сельской улице. В пригородной электричке. В дискотеке.

Совпадение же, о котором мы упомянули (внимание к «люберам» прессы и приглашение в люберецкую школу на родительскую конференцию), пожалуй, не случайность. Скорее, это закономерность: внимание к явлению и выход на него с двух флангов.

Итак, мы переступили порог школы. Цель — разобраться в круге причин, по которым появляются они, мальчишки, подростки, а затем взрослые парни, от которых мы в страхе шарахаемся на темной улице или в освещенном подъезде, на автобусной остановке или у входа в кинотеатр. Пьянство в семьях — одна из оче-

видных причин появления «трудных». Предстоящий обмен суждениями между педагогами и родителями давал возможность углубить «зону исследования».

С порога, с первых шагов по школьному коридору нас захватила... ярмарка (она предшествовала конференции). Оживленная, озабоченная ребятня расторопно торговала сладостями, испеченными дома (предполагалось — собственноручно). Выручка — в Фонд мира.

Пирог и пирожки, трубочки и рулеты шли нарасхват. Некто с шустрыми вихрами, держа в левой руке пирожок, в правой — трубочку, поочередно откусывал то одно, то другое и при этом блаженно шурился. Некто (красные щеки видны из-за спины) прижимал к животу объемистый пакет — пончики исчезали один за другим. А вот этот вприпрыжку несея уже с «выручкой» в штаб ярмарки.

Смех, движение, азарт... Вспомнилось пушкинское «Мальчишек радостный народ». Подумалось: они все, мальчишки, являющиеся на свет, изначально — радостный народ. Это потом у иного и в юном возрасте — глаза старика. Такие, как у Павла, нашего собеседника. Но прежде чем продолжить знакомство с ним — о чрезвычайном происшествии на ярмарке.

Девочка — четырехклассница вынула из корзинки последний кусок пирога, протянула покупателю. Два пятак легли в «кассу». В этот момент чья-то проворная рука рванула коробочку с деньгами. Девочка наклонилась. Ей на голову обрушился удар.

Крики, плач, суета. Взволнованный голос взрослого: «Опять Халтурин! До каких же пор!» И еще голос: «Признает только силу. И действует с позиции кулака».

Тот, о ком шла речь, десятилетний, в это время мчался домой, предполагая погоню, чтобы захлопнуть за собой дверь и не открыть на стук. Но бежать за

ним было бессмысленно. Все знали — через час-другой он сам вернется в школу и будет здесь до позднего вечера, пока не уйдут последние старшекласники, тренирующиеся в спортзале (кстати, он открыт все семь дней недели). В школе его покормят, где-нибудь здесь же он прикорнет, если устал. Словом, он вернется в школу, потому что дома у него нет. Есть жилплощадь, есть разгульная мама, недавно вышедшая из заключения, есть (на всякий случай) дверь, которую можно не открыть на стук, а это, как известно, не дом... Кстати, две недели, на которые после очередного «террористического акта» парень был исключен из школы, он провел здесь же, в школе. Так бродячий котенок приобретает на запах тепла и пищи...

Замечу: для школы парень — бедствие. Но девать его некуда: очередь в специнтернат, требуемый ему по нездоровью, такова, что пока подойдет — «террорист» станет взрослым. Вот и носится по коридорам, и «вредничает» на уроках живой «сигнал тревоги», сигнал о том, что такое пьянствующие семьи.

Симптоматично: ЧП на ярмарке как раз в день родительской конференции о вреде алкоголя.

Итак, в актовом зале школы родители и педагоги. Здесь же инспектор детской комнаты милиции. Здесь же кое-кто из руководителей домоуправлений, педагогов — воспитателей по месту жительства. (Замечу, принять участие в разговоре не пришел ни один из депутатов местных Советов, ни один из работников исполкома городского Совета народных депутатов, городского комитета партии, городского комитета комсомола, городского отдела народного образования. Между тем разговор масштабен: школа обучает тысячу двести пятьдесят детей — тысячу двести пятьдесят граждан нашей страны. Район, в котором расположена школа, числится в Люберцах как «трудный».)

На несколько минут вернемся к нашему собеседнику Павлу Исаеву.

— Паша, ты стоишь на учете в детской комнате милиции. За что?

Долгое молчание.

— Не знаешь?

Понурый взгляд.

— Не хочешь рассказывать?

— Ну за драку, за что же? — Говорит, как об очевидном, о том, что должно быть ясно и без ответа. Есть и другой оттенок: дескать, подумаешь, подрался.

Позже классный руководитель объяснит: ударил малыша. По голове, до сотрясения мозга. И добавит уже знакомое: «Уважает только силу». И еще мы узнаем: Павел, семиклассник, фактически почти не умеет читать. И не читает. И не учится. Просто отсиживает на уроках. Умственно отстал? Нет. Специфически сформировался в силу обстоятельств жизни. Но об этих обстоятельствах чуть позже.

Итак, идет родительская конференция, обстоятельный разговор и о вреде пьянки в семье, и о том, как с этим бороться, как противостоять.

Выступил лектор общества «Знание», выступили директор школы, инспектор детской комнаты милиции, родители. Очевидная, для всех сегодня понятная стратегия — очищение от алкоголя близка всем, у кого растут дети. Родители готовы выступить инициаторами того, чтобы свою школу и окружающий ее микрорайон объявить зоной трезвости. Они хотят, чтобы среда обитания их детей была очищена от винных паров. Нет в зале человека, который не разделял бы этой позиции.

Но в зале тревожно. Зал взволнован. В президиум идут записки. Люди поднимаются с мест, задают вопросы. И одна за другой обозначаются те болевые точ-

ки, которые при любом желании не позволят сделать микроклимат микрорайона здоровым для детей и подростков, не позволят осуществить задуманное.

Так встает вопрос о винном магазине на улице, прилегающей к школе.

Из записок родителей, из реплик с мест:

«Разве допустимо то, что творится у этого магазина?! Пьянь сбегается сюда со всего города. Стоит несусветная брань. Оказывается, наш магазин — результат стратегии городских властей: питейные точки убраны из центра на окраины. Что это — опять показуха для большого московского начальства? Дескать, смотрите, борьба за трезвость в полном разгаре. А окраина... Кто туда заглянет?..»

«...Родительский комитет обращался непосредственно к заместителю председателя горисполкома Люберец с просьбой убрать питейную точку из микрорайона школы. Знаете, что ответил товарищ? «А вам будет легче, если ваш ребенок станет нюхать всякий дурман?»

Из протокола конференции:

«Родительское собрание и педагоги единогласно проголосовали за то, чтобы магазин на улице Электрфикации был закрыт».

Из реплик и записок в президиум:

«Но ведь наше решение попадет в руки к тому же товарищу в горисполкоме. Будет ли от того прок? Может быть, поскольку зампреда исполкома — избранник народа, отозвать его с высокого поста. А выбрать такого, кто все-таки прислушается к нашему голосу? Разве не так действовать учит нас сегодня ЦК партии?»

В зале тревожно. Встает вопрос о досуге ребят микрорайона.

Из записок в президиум и выступлений родителей.

«Нашим детям негде проводить свободное время».

«Почему до сих пор не построен давно обещанный бассейн?»

«Детям необходим спортивный комплекс. Есть место — всем известный пустырь в микрорайоне».

«О пустыре для спорткомплекса. Как раз в эти часы пустырь «отбивают» под гаражи автолюбители. Интересно, кто из нас победит?»

«У нас 15 лет строят кинотеатр...»

«После статей о «люберах» в центральной печати мы, сотрудники милиции, ездим в Москву, ищем, где же там наши. Находили — в кафе, на дискотеке. Естественно. У нас молодежного кафе с дискотекой нет».

...Около четырех часов в актовом зале люберецкой средней школы номер два шел взволнованный разговор. Он выявил многое. И позицию общественности, ответственных организаций города: сам факт отсутствия на конференции их полномочных представителей достаточно красноречив. И позицию родителей: сегодня мало критиковать создавшееся положение, необходимо действовать. Иными словами, приходиться в школу и помогать организации кружков, секций, клубов по интересам. Вести эти занятия. Вообще теснее общаться с детьми. Да и «трудных» брать под опеку.

Острым и многоплановым был разговор. Итогом стало решение: наступать по всем намеченным направлениям.

Особая атмосфера царила в зале. Атмосфера какого-то единения людей. Единения вокруг главной цели в жизни каждого — долга вырастить своего ребенка хорошим человеком. Кстати, на этом собрании царил именно общая гуманная идея: дети — это будущее, дети — это эстафета во времени, это завтрашний день общества. И потому-то не об «успеваемости» в узком, школярском смысле так много здесь говорилось. Пафосом была озабоченность тем, как формируются личности ребят, их человеческая суть.

Еще раз прикоснемся к судьбе тринадцатилетнего Паши Исаева. Его мама — Екатерина Степановна Исаева из тех, кто всеми доступными им средствами готов сражаться и сражается за духовное здоровье своих детей. Она участвовала и в работе школьной конференции.

Мама сражается. А сын... Педагоги видят: в его судьбе все может зависеть от случайности. Найдет «хороших» друзей — и пропадет.

Кстати, мы познакомились еще с одним из потенциальных «люберов». Ему пятнадцать. Нет, в Москву с кулаками, жаждущими применения, он пока не ездит. Он пока лишь принял участие в краже. Участие весьма своеобразное: стоял и наблюдал, как приятели воровали...

Выше мы упомянули о житейских обстоятельствах, которые сформировали здорового мальчика так, что он не способен учиться, уважает лишь позицию силы. Речь о Паше. У истоков — пьянка и все, что в семьях сопутствует ей: душевная глухота друг к другу, ожесточение, жизнь, когда площадная брань, мордобой обитают в семье как норма, как естественная бытовая подробность (сколь неуместны здесь слова «норма», «естественно»: ведь все это — отклонения от нормы человеческих отношений, все это — противоестественно, все — вопреки природе, разуму, душе человека!).

Пьет бабушка. Втянула и погубила сына, Пашиного дядю. Дочери Кате тоже давала выпить — лет с одиннадцати. Не поддалась дочка. Устояла. Выросла. Вышла замуж. Родила первого сына. А жили-то вместе, в одной, общей «развалюхе». Но вот радость: развалюха идет под снос. Забеспокоилась Катя, забежала по начальственным кабинетам. Просила, плакала: не селите вместе с мамой и братом, погибнем мы все. Дайте мне хоть плохонькое, но отдельное жилье.

Думаете, прислушались? Нет. И живут они по-

прежнему вместе. Пьяница-бабушка, пьяница-дядя. А там и отец Вити и младшего, Павла, втянулся в «теплом семейном кругу». Пик бедствий — пьянок, скандалов пришелся на детство Павлика.

Как вела себя в эти годы его мама? Как оберегала сына? Да как принято повсеместно. Старалась заслонить от материального неблагополучия: получше накормить, получше одеть. Вот и металась по двум работам — основной и вечерней, для приработка. И рос ее младший сынишка сытым и обутым, но... одиноким. Разве что старший брат опекал его. Но разве по силам братишке заменить малышу отца с матерью, компенсировать недоданную ими доброту, заботу, ласку, понимание...

Вот за всю жизнь Павлик и осилил всего одну книжку — «Три поросенка».

Сегодня мама радуется, что он хоть телевизор стал смотреть. Раньше не воспринимал — мешала эмоциональная глухота. Мультки не смотрел!..

Совершил преступление, отсидел в тюрьме дядя Павлика. Вернулся. Вновь нарушил закон. Вновь отбыл наказание. Не имеет права жить в Люберцах — в Брянске прописан. Но никто им, сердешным, не обеспокоен. Участковый милиционер игнорирует ситуацию.

А Катя все еще пытается хлопотать, обращается в инстанции: «Помогите разменяться. Муж мой спился, мы в разводе, с этой стороны угрозы моим сыновьям нет. Но бабушка, дядя... Виктор осенью вернется из армии. Паше — к четырнадцати годам, ведь их втянут. Помогите!»

Но ее по-прежнему никто не слышит...

Не слышат пока и дирёктора школы. Она хлопочет о другом. Она считает, что для таких, как Павел, нужно специальное учебное заведение или хотя бы класс при ПТУ. Пусть обучаются ремеслу после шести, семи

лет учебы в школе. Ведь по труду-то у Павла пятерка. Это все остальное у него на двойку. Значит...

Но директора никто не слышит...

«Потерянные» парни... Не рождаются они такими на свет божий. Такими делаем их мы, взрослые. Прежде всего — семья. Семья, где, возможно, позаботились об очень многом, но упустили главное, упустили, что есть такой «витамин», без которого ребенок не может вырасти человеком. Имя ему — любовь.

НАЙТИ РАДОСТЬ

Итак, ребенок, подросток, обитает в семье, где не умеют, а то и просто не желают строить повседневность таким образом, чтобы каждый день был пропитан не просто целесообразностью, делами, занятиями, но любовью, а значит — душевным подъемом и радостью. Идет полоса тягостного однообразного бытия. Это та дорога, которая неизбежно отторгает ребенка от близких, от семьи, от дома. Что стоит за одиночеством подростка? Какие пути усугубляют это одиночество, подчас доводя его до трагического исхода? Вот что думает об этом чехословацкий психолог профессор Иван Доуда (интервью с ним воспроизводим по страницам журнала «Семья и школа» с некоторыми сокращениями).

Есть в Праге Центр по борьбе с лекарственной токсикоманией. Иван Доуда работает в этом центре.

— Кто они — токсикоманы? Какая социальная среда их породила?

— Это явление коснулось абсолютно всех социальных слоев и групп. Мнение о якобы высоком проценте среди токсикоманов представителей рабочей молодежи ошибочно. Да и вообще, подросток, пристрастившийся к употреблению одурманивающих лекарственных

ных препаратов в 13—15 лет, утрачивает способность продолжать учение, а приступив к трудовой деятельности, может выполнять лишь низкоквалифицированную работу. Тем не менее хочу еще раз подчеркнуть, по происхождению токсикоманы представляют всю социальную шкалу нашего общества.

— Удастся ли в каждом конкретном случае установить реальные причины?

— Успех зависит от глубины исследования. В последнее время все более широкое распространение в мире получает концепция (и мы в своей практике находим ей подтверждение), что зарождение предрасположенности к стремлению уйти от реальности с помощью наркотика в момент жизненных невзгод и неурядиц происходит в первые три года, а точнее, в течение первых полутора лет жизни ребенка. Возникает оно или нет, это зависит от отношения родителей, особенно матери, к окружающему миру, к своему ребенку, к самим себе, от того, как закладываются основы личности ребенка. Либо появляется чувство доверия, защищенности, уверенности в себе, либо — когда у ребенка создается мрачное восприятие мира и себя в нем — формируется чувство полной незащитности перед окружающим миром, который кажется враждебным.

— Каков возрастной состав ваших пациентов?

— Среднестатистический возраст впервые обращающихся в наш центр токсикоманов — 19 лет. Однако эта цифра явно завышена за счет некоторого количества пациентов из старших возрастных групп. В действительности большинство впервые обращающихся — 16-летние и даже более юные. Характерная тенденция — возрастание доли молодежи, а также сложившееся соотношение между мальчиками и девочками 2:1. Опасность непосредственного знакомства с одурманивающими веществами возрастает, когда подросток

ток попадает в новую среду, сталкивается с новыми людьми, может оказаться в компании, где «балуются» наркотиками. Со стороны родителей требуются не только строгий присмотр и контроль, с кем водится и чем занимается их ребенок, но и такая организация его досуга и отдыха, чтобы он не изнывал от скуки,— это может подтолкнуть к опасным забавам с лекарствами.

— Как сами токсикоманы объясняют причины своего падения?

— Доводы, которые они приводят, обычно далеки от истинных причин. Собственно, истинных причин они и не знают. Ссылаются чаще всего на раздоры в семье, трудности в школе, размолвки с приятелями. Некоторые утверждают, что, прочитав или услышав об этом на лекции, решили просто из любопытства попробовать. Но это всего лишь псевдопричины. Если здоровые люди способны активно достигать положительных эмоций (с помощью вкусной еды, хобби, интересного труда, секса), то больные токсикоманией могут лишь пассивно получать удовольствие от употребления одурманивающих лекарств. Это заменяет им все, но и отнимает все: здоровье, личность, семью, профессиональные знания и навыки и в конечном счете — жизнь.

Существует много различных теорий о корнях токсикомании у отдельного индивидуума. По моему мнению, однако, данное явление сложнее самых хитроумных теоретических построений.

Человек постоянно самоутверждается в собственных глазах и в окружающем мире. И это далеко не просто. Неуверенных в себе людей много. Но отнюдь не все они ищут спасение в наркотиках. Напротив, неудовлетворенность собой, постоянная необходимость доказывать что-то себе и окружающим могут привести к положительным результатам. Особенно если ребенку посчастливится иметь добрую бабушку, хорошего

наставника или хотя бы пример, достойный подражания. Если нет этих обстоятельств, снижается способность к неприятию «дурмана». В экстремальной ситуации исчезают и последние остатки внутреннего сопротивления наркотику, и человек как бы внезапно оказывается в полной его власти.

У самых юных употребление наркотика бывает формой бунта против родителей, осознанной или неосознанной попыткой задеть их самое больное место; мезтью за нетерпимость, безразличие, неуважительность; просто проявлением неудовлетворенности жизнью в родительском доме. И удар обычно достигает цели, общеизвестны трагические последствия токсикомании.

— Вы коснулись последствий употребления наркотиков. А какова же эффективность лечения?

— Чем дольше человек находится в зависимости от наркотика, тем труднее лечение. У наркомана, который вовремя не обращается за помощью, иного пути нет, как принудительное лечение, тюрьма или кладбище. Избежать этой участи может только тот, кто своевременно идет к врачу и наотрез отказывается от наркотика. Я ничуть не преувеличиваю. Вопрос стоит только так.

Эффективность лечения колеблется в зависимости от возраста от 0 до 10 процентов. Эти данные зарубежных наркологов подтверждаются и нашей практикой. Выздоровевшим считается пациент, выдержавший полное воздержание от наркотика под жестким контролем в течение года. Такому пациенту возвращают водительские права.

— Низкая эффективность лечения только подтверждает необходимость и важность профилактики, не так ли?

— Профилактика — это утверждение здорового образа жизни в обществе в целом. Скажу подробнее о

некоторых направлениях специальной профилактики. Французские специалисты утверждают, что каждый школьник проходит через искушение наркотиками. Это не значит, что он непременно попробует наркотик, но наркотик ему будет предложен. И к этому моменту у ребенка должна быть сформирована четкая позиция неприятия наркотика. Неведение не только опасно, а просто губительно. В ребенке надо воспитать зрелое и трезвое отношение к жизни, способность, сообразуясь с обстоятельствами, противостоять ее стрессовому давлению. С этим нельзя не согласиться. Положение в нашей стране лучше, чем во Франции и других странах Запада, но мы не должны делать вид, что проблемы токсикомании у нас не существуют.

КОГДА ЖИЗНЬ ПОТЕРЯЛА СМЫСЛ...

Перед глазами лица. Лица людей, которых видели в больнице — Московском городском научно-исследовательском институте скорой помощи имени Н. В. Склифосовского. В отделении, куда попадают те, кто дошел до самоубийства.

Какие они? Да в общем-то обычные. Боль души отошла, разгладились горестные складки на лбу, потеплели глаза. Лица как лица. Из тех, какие окружают нас на улице, в транспорте, в магазине. Кстати, характерное свидетельство цифр. Из общего числа пациентов отделения за год — немногим меньше половины оказались на грани жизни в силу нервных потрясений, реактивных состояний, как говорят медики. Это значит — не вынесли тяжести бытия. Или иначе — утратили смысл жизни.

И еще. Значительная часть их — токсикоманы, хронические алкоголики, наркоманы. К попытке самоубийства их привела кого белая горячка, кого тяже-

лая депрессия. Их болезни — это тоже, как правило, следствие непростых жизненных обстоятельств. И всегда — следствие одиночества...

Идем по больничному коридору. Утро. Люди готовятся к завтраку. Медицинская сестра обходит тех, кому лекарства положены натошак. На каталке куда-то в неведомые дали отделения провозят тяжелых. Санитарам помогают молодые парни — выздоравливающие. У многих в движениях, в глазах искренняя радость бытия. Забываешь, глядя на них, в каком отделении находишься. Но напоминание не медлит. Вот прошагал молодой человек, почти подросток. На шее огненная петля — след веревки... Вот летящей походкой рассекла коридор девушка. Миловидна, опрятна. По щекам, розовым ото сна, текут слезы... Что же с ними случилось? И почему случилось? И что нужно делать нам, обществу, чтобы меньше становилось их, наших сограждан, кто в расцвете жизни посчитал для себя благом смерть? (Кстати, всемирная статистика сообщает: 500—600 тысяч человек за год кончают жизнь самоубийством.)

С помощью научного сотрудника Николая Андреевича Вагина знакомимся с историями болезни. Вот один из пациентов. 45 лет. Строитель. Попытку к самоубийству предпринял, проходя принудительное лечение от алкоголизма в ЛТП. Доктор приглашает больного. Задано несколько вопросов. Слышим ответ:

— Жизнь не удалась. Кому я нужен? Жене? Дочери? А в ЛТП еще особо подчеркивается всей обстановкой — мы, попавшие туда, мусор. Наверно, потому в лечебном профилактории нас и содержат как в тюрьме, хотя преступлений мы не совершали...

Еще несколько вопросов. И выявляется дорога, которая вела человека к трагедии. Пил отец. Мать с трудом сводила концы с концами. Находила ли время,

желание приласкать, согреть сына? Да нет. Не до сына ей было.

— Жили-то кое-как,— говорит он, с горечью вспоминая детство и юность.— Кое-как я и женился,— это он уже как бы размышляет вслух.— Я ведь с десяти лет пил—отец приучил... Так и рос, словно в пустыне, хоть и среди людей...

Знакомимся со следующей историей. Молодой парень — токсикоман. По профессии тоже строитель. Почему стал «нюхальщиком»? Доктор объясняет: родители — пьяницы. Рос у бабушки и бедствовал вместе с ней. С детства страдал от этого, сторонился ребят. Кажется, впервые испытал радостный подъем, лишь нанюхавшись дурмана. В грезах увидел себя с другом. Они вместе строили загородный ресторан. У парня вскоре и вправду появился друг (впервые в жизни) — тоже «нюхальщик». Они так и жили: отработают свои часы и скорее к дурману, и в поле, в траву, в мир грез.

— Я думаю: отойдет ли он от этой привычки? — говорит доктор.— Слишком разителен контраст между реальной жизнью парня и тем, что ему грезится. А ведь в подоплке — простое и естественное желание жить радостно, иметь цель, иметь признание.

— Как просто, правда? — спрашивает доктор.— Просто, но оказывается во многих случаях из тех, с которыми мы сталкиваемся, недостижимо. На стройке, куда приходил работать наш сегодняшний пациент, нет условий, скажем, для того, чтобы его, ничем не приметного работягу, признали личностью, чтобы уважали в нем простое человеческое достоинство... А своих силенок на становление и утверждение в жизни он не накопил.

Еще одна история, еще одна человеческая судьба.

Несколько лет назад девушка приехала в Москву учиться. Окончила ПТУ. Стала торговым работником.

Сколько успела потрудиться? Месяцы. Но те, кто окружал на службе, сумели «подставить» под недостачу. 800 рублей — не столь велика сумма. Но в глазах скромной провинциалки это огромные деньги. Заведено уголовное дело. Поползла молва... Как жить с этим?

Ее привезли в тяжелейшем состоянии и с трудом вернули к жизни. Потом упорно лечили, заставляли поверить, что жить стоит.

Но...

— Как она будет дальше? — говорит доктор. — Вот сейчас, выйдя из больницы, как она живет? Кто ее выслушал? Кто ей помогает? Ведь она в Москве совершенно одна...

Мы узнали историю еще одного человеческого одиночества. Да, в Москве девушка одна. Но дома, на родине, у нее есть и отец и мать. И вот их-то, оказывается, она и боится больше всех остальных людей. «Папа, если узнает, что со мной, убьет!»

Подумайте! Не поддержки, не понимания ждет дочь от самых близких людей — отца и матери. Она содрогается, предвидя: ее ждет лишь жестокое осуждение и ни слова участия. Этот страх и загнал ее в тупик.

Интересно, что Николай Андреевич Вагин сделал попытку смягчить настрой отца и матери своей пациентки. И... не достиг удачи.

Дефицит защищенности, апофеоз одиночества — вот что обнаружило знакомство с пациентами Николая Андреевича Вагина.

Это же подтвердил и своеобразный «эксперимент», который возник сам собой по ходу работы над этим репортажем. В больничном коридоре к нам подошел щуплый парень:

— Вы могли бы меня выслушать? — голос взволнованный. В глазах смятение.

Через несколько минут узнаем его биографию. Она

умещается в несколько горьких строк. В 15 лет — тяжкое преступление. Суд. Годы тюрьмы. Прошлой осенью — возвращение в материнский дом. Цель — начать новую жизнь, помочь братьям, сделать все, чтобы они не повторили его судьбу.

Но оказалось: вернувшись из заключения, не начнешь жизни с нуля. Заработанная репутация как колода лежит на пути. Какое бы ЧП ни случилось в округе, первый подозреваемый — он. Само собой пришло решение — уехать, попробовать жить там, где никто не знает о его прошлом. Сделал одну попытку — не удалась. Еще одну — тоже неудача. Тогда он оказался в Москве. Здесь на вокзале его задержала милиция... Попытку к самоубийству он предпринял, когда начали оформлять протокол.

— Я решил: если снова в тюрьму — лучше не жить.

Он все спрашивал: «Что мне теперь делать? Вот выйду из больницы — куда идти? Меня опять задержит милиция...»

С этим вопросом и вернулись в редакцию. В самом деле, что делать человеку в подобной ситуации? В Москве — ни родных, ни знакомых. Денег в кармане — несколько рублей. Последние месяцы жизни легко укладываются в параграф Уголовного кодекса: «бродяжничество, тунеядство». Судимость усугубляет ситуацию. При этом идею возвращения домой парень отвергает категорически. Да у него и еще несчастье — потеряны паспорт, трудовая книжка, свидетельство о рабочей квалификации. На руках только военный билет, да и тот с отметкой о снятии с воинского учета.

Итак, складывается положение, при котором парень в любой момент — стоит его остановить милиционеру — угодит за решетку. Что же делать? Набираем номер телефона Прокуратуры СССР. Надеемся получить квалифицированную консультацию.

Юрий Георгиевич Вальков, заместитель начальника

управления по общему надзору, отвечает четко и без эмоций.

— Что делать вашему подопечному? Ехать домой и получать новый паспорт. Затем — вербовка в любой край Союза.

— Но человек боится быть арестованным за бродяжничество.

— И правильно боится. А кто он, если не бродяга и тунеядец?

— Юрий Георгиевич, а как-то иначе помочь человеку можно?

— С какой стати? Существует порядок. Ему надлежит следовать.

Разговор окончен. Набираем другой номер телефона. На этот раз — службы милосердия, которая организовалась из добровольцев при еженедельнике «Собеседник».

— Слушаю, — откликается «Милосердие». Голос молодой. В голосе — внимание.

Рассказываем.

— Мы беремся за это дело, — сообщает «Милосердие». — Обо всем, что удастся сделать, вас проинформируют.

Обещано прислать в больницу опытного юриста для консультации. Обещано узнать, нельзя ли воспользоваться деньгами фонда милосердия. Возможны и поиски для него работы.

...Чем кончилась эта история? На деньги, собранные сотрудниками редакции, мы отправили парня в Казахстан, туда, где живут его родственники. Только доберется ли он до них? Ведь даже «Милосердие» не сработало: никаких действий не последовало за словами: «Мы беремся за это дело». Сработает ли людская сердечность на дальнейшем пути человека, за плечами которого столько вины и столько беды?

А начало этой беды все то же, Дефицит тепла и

любви, в котором рос парень. Мать, которая не пела сыну колыбельных песен. Мать, которая считала, что главное — накормить да одеть паренька, что это и есть выражение любви и заботы. Вот он подростком и посчитал, что цена человеческой жизни — грош, вот он и поднял руку на эту жизнь...

Когда мы позвонили в город, куда он так упорно не хотел возвращаться (не хотел возвращаться к родному очагу!), сотрудник милиции сокрушенно подтвердил:

— Да, сюда ему нельзя. Мать пьет. Старший брат сидит в тюрьме. Пропадет он здесь, как бы мы ни старались помочь ему.

Ах, если бы историю жизни можно было бы переписать заново! Сколько человеческих судеб сложилось бы по-иному. Причем, быть может, для этого потребовалось бы всего одно условие: изначально, с первого вдоха человека его должны были принять в жизнь ласковые и любящие руки, да так и вести по ступенькам взросления.

Любовь всемогуща. И там, где она есть, преодолеваются все тяготы и невзгоды, нехватки и хвори. Ну а там, где любви нет... Нужно ли там зачинать огонек новой человеческой судьбы, заведомо обрекая эту судьбу на почти неизбежные изломы?

В ЛАДОНЯХ — ДЕТСТВО

И еще несколько наблюдений, на которых хотелось бы остановить внимание читателя. Еще ряд раздумий. К ним обращает повседневная жизнь детей, подростков, которые поднимаются, взрослеют, постигают первые уроки нравственности рядом с нами, на наших глазах, да, кстати, и не без нашего участия.

Звонила женщина. Голос, перемогающий спазм, с трудом выговорил:

— Моего сына исключают из школы... За что — трудно понять... Может быть, за упрямство...

И вот мы один на один: корреспондент и ушкоплекчий шестиклассник, «возмутитель спокойствия» всего педагогического коллектива, как выразилась его классный руководитель.

С трудом преодолено начало разговора — резкие, отчужденные ответы на вопросы. Наконец проблеск доверия и горячая исповедь. Да, за школой, возле гаражей, он произвел «гражданскую казнь» над своим одноклассником. Заставил встать на колени и плюнул ему в лицо. По заслугам. За предательство. И объяснение сути этого предательства: «раззвонил» доверенную тайну, что отец одного из ребят в классе осужден, а вовсе не в командировке. И наконец прямой, на пронзительной ноте вопрос: а как я, по-вашему, должен был поступить?

Я уже знала, что вариант наказания — исключить из школы — возник не в связи с его поступком как таковым. Нет. Взрослых не устраивал именно вызывающе повторявшийся на нескольких педсоветах вопрос: а как я должен был поступить? Не устраивал, возмущал. Ведь объяснили упряму, и не раз, как следовало ему действовать. Но что-то не удовлетворяло его в этих объяснениях, в чем-то они расходились с его представлениями о совести и чести, о защите достоинства.

Эта история имела внешне благополучный конец: паренька простили. Но внутренний драматизм ситуации не получил разрешения. Он едва не остался наедине со своим вопросом, ушкоплекчий двенадцатилетний человек, жаждущий ответа...

Таким и видится мне подросток, каждый, чья ладонь оторвалась от надежной, теплой, бережной ладони детства. Видится жаждущим ответа не на те вопросы, которые когда-то рождал в нем загадочный для него ряд окружающих вещей и явлений, а на иные, бо-

лее глубокие. На каждом шагу юный человек сталкивается с проблемой ответственности людей за слово, дело, проблемой совести, долга. Он ищет ответа. Обостренно. Жадно. Нетерпеливо. Словно от решения сегодня волнующих его вопросов зависит его жизнь завтра.

Рядом с ним, ищущим себя молодым современником, высоко ответственна наша роль, позиция взрослых людей. Я имею в виду буквально каждого взрослого, независимо от того, кто он по роду деятельности, далек или близок к проблемам педагогики. Потому что влияние мира взрослых на формирующуюся личность двенадцати-пятнадцатилетнего человека многопланово, многолико, многогранно и уж никак не укладывается в рамки чистой педагогики.

Наш общий взрослый мир воздвигнут на основах правды, добра, справедливости. В нем мы каждый день совершаем множество поступков, достойных подражания. Мы строим, растим хлеб, прокладываем дороги в космос, творим открытия в науке. Мы утверждаем новые нормы человеческих отношений на основе бескорыстия, преданности делу, искренности. И это, конечно, главное. Но мы знаем — у человека, еще не окрепшего умом и духом, не всегда достанет силенок самостоятельно черпать из этого неисчерпаемого источника. Куда в большей зависимости он от частного, происходящего в непосредственной близости от него. И тут мы, взрослые, не оставляем его. Кроме школы, со всеми составными ее жизни — от урока до пионерского сбора и туристического похода, для него создаются специальные кинофильмы и пишутся книги, организуются спортклубы и клубы по интересам, дискотеки и библиотеки, ансамбли и изостудии.

И все-таки остается некое пространство в том самом продуманно построенном нами мире, куда он вхож и откуда подчас легче, чем из клуба по интересам, вы-

носит определенный нравственный опыт. Это двор, улица, компании...

Я вновь возвращаюсь к мысли об ответственности взрослого за подростка. Есть общий принцип, который должен лежать в основе подхода каждого из нас к подрастающему человеку, если признать, что каждый взрослый в той или иной мере воспитатель. Он сформулирован А. С. Макаренко и звучит так: исходить из признания воспитуемого личностью.

Сколько «трудных» мальчишек недосчитались бы в детских комнатах милиции, как снизился бы приток бумаг к следователям по делам несовершеннолетних, наконец, насколько возросло бы нравственное самосознание тех, кто ходит в «благополучных мальчишках», если бы постоянно, на деле соблюдал каждый из нас этот принцип. Увы, он нарушается на каждом шагу. Даже в школе.

Взять моего знакомого — шестиклассника. Суть конфликта, разгоревшегося вокруг него, куда серьезнее, чем можно заподозрить. Не о детском упрямстве идет речь. Человеку отказывали в праве на собственное мнение, а он как умел отстаивал его. Отстаивал, в свои двенадцать лет сознавая себя личностью, от понимания чего, видимо, безгранично далеки были его наставники... Иначе не карающее «исключить» стало бы мерилем их проникновения в то, что происходило с подростком.

А вот другой паренек. Мнется у окошка районного травматологического пункта.

— Что? — отрывается от книги регистраторша.

— Коленка... ободрал, два дня назад...

— Опомнись! Может, у тебя уже столбняк начался, а мы теперь отвечай! Иди, иди. В свою, подростковую поликлинику...

Думала ли регистраторша, что преподносит мальчишке урок вопиющей безнравственности? Конечно,

нет. Как не задумываются десятки и десятки людей в магазинной очереди, на улице, в транспорте, да, к сожалению, и в семье, походя, небрежно ухитряясь попить то высокое, святое, умное, что этому же парню внушают фильмы, книги, учитель, радио. Если он начинает метаться, дерзить, если замыкается, порой пренебрегает занятиями, это еще полбеды, это поправимо. Хуже, если он усваивает «уроки». И смотришь (об этом не раз говорено), произошла переориентация молодежи в выборе профессии. И, скажем, в инженерный вуз приходится зазывать, а в торговый — нет отбоя от желающих. И нужно иметь смелость признать, что это итог отнюдь не «сверхинтереса» к профессиям, связанным с торговлей, а прямое следствие, скажем, семейных усилий, посвященных «добыванию» красивой жизни любой ценой, любыми средствами, в том числе не всегда чистоплотными... Да и это необязательно. Может хватить и тихих семейных чаепитий с рассуждениями о том, что тот умеет жить (сам устроился, жену устроил, детей), а этот не умеет: на одну зарплату, бедняга, тянет...

Уважать в воспитуемом личность — требование многоплановое. И потому многолики последствия отступления от него. Заострю внимание еще раз на расхожем принципе, бытующем в подходе к подростку и формулируемом примерно так: «Мал еще рассуждать. Не твоего ума дело».

Смотришь, иной паренек и усвоил: размышлять, рассуждать — не его ума дело. И из пытливо мыслящего человека, каким всегда бывает ребенок, он превратился в человека бездумного. Не он ли, слепо следующий моде, легко заводящий пустое «приятельство», так же легко разделяет и расхожие представления о ценностях бытия и в конце концов пополняет ряды тех взрослых, кто, увы, как личность не состоялся...

«...Больно и жалко видеть, как далеки многие из

современных молодых людей от... пьянящего увлечения человеческой мыслью!» — так выплеснула свою горечь по этому поводу Мариэтта Шагинян.

Сегодняшний подросток завтра станет хозяином страны. И нам не может быть безразлично, каким он будет. В его руки мы передадим все ценности, которые накопили: труд, вдохновение, порыв многих поколений. Ценности и материальные, и духовные, нравственные. Как он распорядится ими? Что приумножит? Что передаст следующим поколениям? Давайте почаще задумываться над этим сегодня, в повседневной жизни.

Итак, подведем итог. Он прост. И звучит просто. Детей невозможно «перелюбить». Им угрожает иная опасность — быть «недолюбленными».

Давайте беречь их от этой беды!

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ МАЛЕНЬКИМ?

БЛАГО ЛИ — ДЕТСКИЕ ЯСЛИ?

Ведущий. Кому не знакома такая картина? Утро. Если на дворе осень или зима — вокруг темнота. По улице, ведущей к детскому учреждению, двигаются пары: взрослый с ребенком. Малыш еле тащится. Чем ближе к цели, тем замедленнее походка малыша. Еще несколько шагов — и слезы: «Не пойду-у-у...»

А следом, в зависимости от темперамента мамы, папы, бабушки: «Я тебе дам — не пойду! Еще как пойдешь!» Или: «Ну мой хороший, ну что ты? Это же ясельки. Там игрушки. А денек быстро пролетит — и я за тобой прибегу...»

И сколько же времени должно быть потрачено, чтобы малыш наконец привык ходить в свое «присутствие».

В чем тут дело? Какова психологическая подоплека детского неприятия наших зачастую прекрасных с виду, отлично оборудованных детских учреждений?

Хочется взять на себя смелость и предположить: дети не любят ходить в свои ясли и сады, потому что они... одиноки. Да-да, одиноки, хоть и окружены оравой сверстников. Одиночество в толпе, быть может, посквернее одиночества наедине с собой, во всяком случае, для ребенка. Ведь наедине с собой он в большем комфорте. Он, скажем, может и поиграть во что захотелось.

Васильченко. Наши журналы и газеты нередко пишут: вот молодежный город, он передовой, все в нем предусмотрено, не начали строить промышленный объект, пока не проложили газовые линии, водопровод, коммуникации. И даже построили клуб, ясли и детский сад. Честь и слава тому, кто так строил. Мы читаем и согласно киваем головами. Он хороший человек.

Но боюсь, мы все делаем страшную вещь, когда жалуемся, что мало у нас яслей и детских садов, или когда радуемся их изобилию. Считаем, что все проблемы разрешены, когда женщина-мать может все свои силы отдавать производству, а ее малыш идет сперва в ясли, потом в детский сад. Стоит ли так уж радоваться? Не следует ли задуматься о последствиях отрыва детей от материнских забот и ласки?

Что происходит в яслях? Запеленутое, закрученное дитя, которое лишено мышечной радости, лежит и никому не мешает. В перечне же обязанностей няни нет пункта о любви к ребенку. И немудрено. Не покупается за деньги любовь. Вот вам и одиночество с самых первых месяцев жизни...

Ведущий. А помните рассказ Нагибина «Комаров»? Малыш-детсадовец обречен жить, не окликае-

мый по имени! Он обитает в абсолютном вакууме, вне интереса к своей личности.

Рассказ написан давно. Но не так ли живут и тысячи сегодняшних четырехлеток? В «программе» их дня в детском саду, кажется, есть все: еда и отдых, музыка и игра, прогулка и учеба. А вот внимания к личности каждого — этого самого главного элемента воспитания — как раз и нет!

Э. С. Дроздов, главный нарколог Москвы. В последнее время много говорится о заформализованности школы, комсомола, пионерской организации. Но эта «болезнь» присуща и дошкольным детским учреждениям. Вот с каких пор — буквально с первых лет жизни — ребенок у нас лишается (причем в организованном порядке) инициативности, самовыражения. А ведь это прямые пути к чувству одиночества. Тот же Комаров в рассказе Нагибина. В своем живом интересе к природе — травинке, лягушке — он ведь никак не «вписывался» в «строевую» жизнь детсадовской группы. И что же? Его без конца одергивали, ему выговаривали, его наставляли... Согласен с Георгием Степановичем Васильченко: малыш в детском учреждении (вопреки внешнему оживлению) в подавляющем большинстве случаев безгранично одинок.

И в самом деле, стоит ли нам ликовать, «выбив» место для малыша в саду или яслях?

Ведущий. «Все это так,— скажут молодые родители.— Но как же быть? Мы поставлены в жесткие условия существования. Если молодая мама не будет работать, семья окажется в крайне стесненных материальных условиях...»

Б. Л. Леонидова, публицист, автор более десяти книг по вопросам воспитания, нравственности, морали. Мне думается, в нападках на детские сады и ясли все же несколько сгущены краски. Там, где с детьми настоящий, хорошо подготовленный воспитатель, дело

обстоит не столь страшно. Важно лишь сократить группы. Сколько об этом писала та же «Литературная газета»! Не менее важно и наладить, наконец, оплату труда этих воспитателей, сделать этот труд престижным. Тогда появится возможность настоящего отбора на вакансии дошкольных воспитателей...

Но я хотела сказать о другом. О том, что уже сейчас кажется наиболее важным. Да, молодые мамы сегодня не хотят отказаться от работы ради детей. Один из аргументов — трудно жить на зарплату мужа. Кстати, и мужья сегодня с удовольствием поддерживают этот аргумент.

Не спорю — трудно, поскольку заработки у большинства молодых невелики. И все же вижу здесь определенное следствие «общественной ориентации». Полагаю, эту-то ориентацию и необходимо менять.

Вспомним довоенное время. Сколького из того, чем «оснащена» сегодня, и самым скромным образом, обеспеченная семья, тогда не было и в помине! А сколько при этом женщин пребывало в роли домохозяек? Несравнимо больше, чем сейчас. Главенствовала тогда иная общественная ориентация женщины: на семью, на детей. Трудно сказать, в какие годы происходил психологический скачок в нашем сознании, который вдруг сделал **качество жизни ребенка** категорией менее значимой в глазах семьи, чем наличие в этой семье определенного набора престижных вещей.

А ведь по прошествии лет каждая разумная мама понимает: нет беды страшнее, чем «упущенный» ребенок.

Я бы прямо обратилась к молодым: если вы заводите семью, прежде чем завести ребенка, хорошенько подумайте, как вы организуете его детство. И может быть, вы сумеете вовремя настроить себя на самый правильный выбор: вы предпочтете прожить несколько лет поскромнее, чем, скажем, ваши сверстники, зато

молодая мама сумеет сама поставить своего малыша на ноги, сама научит его первым словам, сама прочтет с ним первые книжки и нарисует первые картинки. И из первого класса сама будет его встречать на пороге дома...

Из молодости такой загляд в будущее, такой срок кажется долгим. Из зрелости он выглядит почти мимолетным... А выигрыш для семьи — безусловен! Выигрыш для ребенка — бесценен. Это выигрыш на всю его жизнь.

Ведущий. Но есть ситуации, когда молодая мама растит малыша одна. Для нее без работы действительно нет жизни. И значит, детские учреждения для нее — неизбежность.

Быть может, выход в «мини»-детсадах? В Эстонии их, к примеру, вначале в порядке эксперимента организовало Министерство бытового обслуживания. В чем суть?

Есть в Таллинне комбинат бытового обслуживания «Экспресс». И вот проявил инициативу Ильмар Эдуардович Тамм, директор комбината, а подхватили педагоги, недавно ставшие пенсионерами. Дома, в том случае, если квартира просторна и удобна, организовали «мини»-садики для ребят. Численность такого детского коллектива — три человека. Плата — 60 рублей в месяц за каждого.

Все воспитатели таких «учреждений» прошли аттестацию Министерства просвещения. Занимаются по общей детсадовской программе. Плату за детей родители вносят в кассу комбината бытового обслуживания. Отсюда — и официальная зарплата педагогам, отсюда — средства на все нужды «мини»-садов.

Некоторые скажут: «Дорого». Но давайте задумаемся. Когда в группе три ребенка, а не тридцать, то вы можете быть спокойны: чадо ухожено, как следует накормлено, умыто-одето. И самое главное — у воспи-

тателя есть возможность «разглядеть» вашего ребенка, узнать его, правильно отнестись к тем или иным его особенностям. У него есть возможность индивидуального подхода к личности маленького человека. Медлителен — его научат быть собраннее. Застенчив — помогут стать уверенней в себе. Физически слаб — закалят. И откроют искорки его даровитости, и помогут им разгореться.

Дорого ли — 60 рублей? Может, и не очень?

Прикиньте-ка, сколько теряется на больничных листах, когда болезнь вынуждает сидеть с малышом дома. А его здоровье, которое ни за какие деньги не купишь?

Быть может, за «мини»-садами будущее?

Идеальный вариант — когда мама-педагог и сама может возглавить такой детский коллектив. Тогда ее задача — утвердиться официально и действовать.

Об одном «мини»-садике мы хотим рассказать.

ДОМА У МАРИИ ПЕТРОВНЫ

Мелодичный звонок в дверь. На пороге — вихрастый трехлетний мальчуган.

— А мне галмоску купили! — малыш протянул свое сокровище.

Мария Петровна с интересом взяла игрушку.

— Вот это подарок! — улыбнулась она. — Будем играть, да?

— Будем, будем! — малыш уже снимал башмаки. Он сидел на скамеечке в прихожей, пыхтел, но с делом справлялся плохо.

— Идите, Анечка, — Мария Петровна улыбнулась его маме. — И не переживайте. Еще денек-другой, и научится ваш Сережа расшнуровывать ботинки. У него тут и учительница есть.

Молодая Сережина мама выскользнула за дверь, а на пороге уже стояла Оля.

— Ну что же ты, Сережа,— явно подражая взрослым, склонилась она к малышу.— Сколько раз я тебя учила — подцепи шнурок пальцем и тяни.

Ольга здесь старшая: недавно исполнилось пять лет, поэтому родители ее не сопровождают. Тем более что живет она в этом же доме, этажом выше. Скинуты туфельки, надеты шлепанцы, в сандалиях и парень с «галмоской».

Мария Петровна уже раскладывала завтрак: ароматная геркулесовая каша, дымясь горячим парком, ложилась в тарелки. «Опять Колючик запаздывает,— беспокоилась.— Уж не случилось ли чего?» Тарелка Колючика стояла пока пустой. Только расселись за столом, как в дверь позвонили.

— Идет! — крикнула Ольга, и мигом юркнула к двери. Ну, конечно, это Коля-Колючик!

Запахавшаяся мама его, не заходя, извинилась:

— Опаздываю! — и исчезла...

Степенный черноглазый Колючик, деловито посопев, разулся, вымыл руки, основательно уселся завтракать. Стремительная Ольга уже приканчивала компот. Четырехлетний Колючик рассмешил:

— Ба, положи еще сахарку, а то у меня язык будет слабый.

Весь «детсад», трое ребятишек, звали ее «ба». У них не было своих бабушек, а к воспитательнице привязались быстро. Мария Петровна не возражала: «ба» нравилось ей самой.

Всего год, как вышла Мария Петровна на пенсию. А была учителем начальных классов. Немного отдохнула и... заскучала. Свои дети живут далеко, внуки уже в школе. И она решила: создам-ка в своей двухкомнатной квартире «мини»-садик для соседских ребятишек.

Сереже удалось тайком пронести на кухню гармошку, и в самый неподходящий момент руки нырнули под стол, растянули мехи, гармонист запел: «Тли танкиста...» Все удивленно уставились на него.

— Кто же за столом поет? — спросила «ба».

— Не знаю...— сконфузился Сережа и тихонько захихнул гармошку под стул.

После завтрака занялись уборкой. Мария Петровна мыла тарелки и чашки, а все трое, вооруженные полотенцами, вытирали. Олечка убирала посуду в буфет. Мальчики (у каждого веник) подметали пол на кухне.

— Смотрите, какие вы молодцы,— хвалила Мария Петровна.— На пол совсем не накрошили. И стол чистый. Даже Сережа научился беречь скатерть.

Тут надо заметить, что Мария Петровна заранее договорилась с мамами малышей о том, что она постарается привить им разнообразную бытовую культуру. В частности, научить есть на скатерти, пользоваться салфеткой, владеть искусством сервировки стола, уметь пользоваться ножом и вилкой и так далее. Каждая мама принесла все необходимое для этого. И стирку скатертей и салфеток мамы по очереди взяли на себя.

Наступило время гулять — благо лес рядом, микрорайон новый. Мария Петровна знала, что в детском саду утренние часы предпочитают отдавать занятиям. Но она придерживалась иной точки зрения. Если на дворе хорошая погода — максимум времени дети должны провести на воздухе. А занятия... Да ведь самые интересные для ребят занятия — в игре. Вон у нее даже Сережа знает счет.

— Сереженька,— играет она с ребятами,— ты запомнил, сколько мячей мы взяли из дома?

— Тли.

— Посмотри-ка, сколько у нас осталось.— Оля прячет один мяч.

— Лас и лас,— считает малыш.— Два.

— Не лас, а раз,— поправляет Оля. И поучает: — Пожалуйста, повторяй за мной: рыба, роза, рак.

Оля занималась с логопедом и теперь распространяет свои познания на малыша.

— Ой, это со? — погнался Сережа за бабочкой.

Оля засмеялась:

— Это гусеница с крыльями!

Колючик кружил вокруг Марии Петровны:

— Ба, почитай, пожалуйста!

Расселись на бревнышке посреди полянки, «ба» раскрыла книжку про Буратино. Сначала слушали, разинув рты, но через четверть часа заерзали — захотелось размяться.

Сережа стал осваивать «галмоску» — «ба» показывала, куда лучше пальчики ставить, чтобы «Три танкиста» сыграть. Удивительное дело — этот карапуз запоминал все с легкостью.

Ольга тем временем, напевая: «Рисуйте-рисуйте не ради молвы...» — рисовала лес, цветы, всю гоп-компанию, мусоля во рту карандаши. Она любила этим заниматься и в сумочке всегда носила принадлежности художника.

Колючик собирал одуванчики, сочиняя на ходу волшебную историю про них.

Мария Петровна прислушалась к его бормотанию, попросила Колючика рассказать сказку всем. И тот начал новую импровизацию словами: «Когда зима растаяла и снежок ушел спать...» Всем очень понравилось, но «гвардия» проголодалась.

Был вкусный обед. «Ба» заготовила его с утра, чтобы больше времени быть с детьми. Ольга как старшая подкладывала картошки уставшему от репетиции музыканту: «Ешь больше, смотри, какой ты Кашей безмерный!» В результате опрокинулась чашка, «молочко упало», дети расстроились. «Ба» всех успокоила, докормила, уложила спать. Сереже помогла раздеться

Оленька, у Колючика затруднений с этим было мало: он отличался ловкостью и любил ходить босиком, без колгот, что облегчало раздевание перед сном. Все наказания игнорировал, тапки, случалось, выкидывал в окно. Взрослые пытались одевать его насильно, но потом смирились и теперь следили за тем, чтобы он вовремя мыл ноги.

После сна был чай с ватрушками, которые напекла Сережина мама. «Кончил дело — гуляй с мелом!» — бодро сказал Колючик, зажав в кулаке кусочек мела. Прихватили велосипед и снова на улицу. Теперь втроем разрисовывали асфальт. Мария Петровна сидела тут же, на раскладной табуреточке, которую брала с собой на прогулки. Надоело рисовать — взялись за Ольгин велосипед. А сама Ольга, раскрасневшаяся, подскочила к Марии Петровне:

— Ба, смотри, что я написала.

На асфальте кривовато было выведено: «Мама». Мария Петровна обняла девочку: «Ну вот, теперь ты совсем большая». Увидев эту сцену, мальчики ревниво подбежали к «ба».

— Ребятки, — торжественно сказала она, — Оля написала свое первое слово — мама. Это большое событие. Давайте его отпразднуем.

— Давайте! — обрадовалась детвора.

— А знаете, как? Устроим концерт. Побежали скорее под нашу любимую березу. Там будет концертный зал. А артистами будем все мы. Помните, мы учили песенку «Солнечный круг»? Ее споем хором. А потом будут стихи. Коленька, ты что прочтешь?..

Вечером за Сережей пришла мама:

— Ну, как он?

— У Сережи начинают проявляться музыкальные способности, — ответила Мария Петровна. — Давайте подумаем, может быть, купить ему инструмент посерьезней.

— Но он же еще совсем маленький,— гладила мама по голове своего вихрастого сына.

— Ничего. Моцарт тоже рано начал.

Олю забрал папа. Узнав об успехах дочери, засиял:

— Ну, теперь осваивай слово — папа.

За Колей, как обычно, мама зашла позже всех, в руках — тяжелые хозяйственные сумки. Мария Петровна пригласила ее в гостиную. Вынула из вазы одуванчики, собранные мальчиком:

— Ваш сын очень тонко чувствующий мальчик. Послушайте сказку, которую он сочинил...

— Ой, извините, мне так некогда... И цветы себе оставьте, а то по дороге растеряю.

— Ну хорошо, он расскажет дома.

— Спасибо, мы побежали...

Дверь захлопнулась. Мария Петровна собрала раскиданные игрушки, пристроила в прихожей трехколесного коня...

«Мини»-садик закрылся до завтра.

Ведущий. Приживется ли в стране такого рода начинание? Не погибнет ли под натиском тех, кто в силу зашоренности мышления не видит необходимости вырастить здоровым и жизнерадостным хотя бы следующее поколение, хотя бы какую-то его часть...

В воздухе уже веет запретом на такого рода инициативу. Но люди продолжают искать. Вот пример. Молодая мама и ее соседка одновременно возвращаются из декретного отпуска. Обе переходят работать на полставки. И вот решение: день с малышами сидит одна мама, день — другая. Так тоже можно продержаться с детьми дома какое-то время. Именно продержаться, потому что, к сожалению, администрация предприятий, как правило, недовольна такой ситуацией и торопит женщин возвращаться на полную ставку, подогревая это угрозой увольнения...

Свой опыт накапливают МЖК — молодежные жи-

лищные комплексы, там, где они созданы не формально, а на основе живой инициативы людей.

Есть и еще один резерв.

ВЕРНУТЬ В СЕМЬЮ БАБУШЕК И ДЕДУШЕК!

Ведущий. Молодящиеся бабушки, которые не хотят бросить работу, не хотят отказаться от своих интересов,— явление вполне естественное. Кстати, по свидетельству психологов, период от пятидесяти до шестидесяти лет у женщин является расцветом их творческих способностей. Не расточительно ли вырывать этот потенциал из области общественно-значимой и переключать на семью?

Васильченко. Я хотел бы пропеть гимн в честь бабушек и дедушек. В честь семьи, которая объединяет три поколения. Здесь должны быть старики, средний возраст и дети. А когда дети в яслях, а старики в доме для престарелых, это что-то абсолютно противоестественное!

Давайте восстановим бабушек и дедушек в семье, их ласку, их бесценную роль в семье, где есть малыши!

Дроздов. А давайте-ка взглянем на вопрос с другой стороны. Предположим, «деловая» бабушка пренебрегла внуками, отдав предпочтение работе. Но ведь срок расставания с работой неизбежен. Внуки тем временем подросли, не зная привязанности, близости, необходимости бабушки. Что в перспективе?

Человек не чувствует себя одиноким, когда он необходим, когда вокруг него люди. Но силы уходят. Человеку все труднее совершать практические поступки. Он становится не нужен...

Мы часто сетуем: молодежь разучилась любить и уважать людей старшего поколения. Может быть, мы

не прививаем любовь к мудрости? Наши дети, наше молодое поколение подрастает вне «ориентации» на старших. Но не обратная ли это сторона — отношения старших, бабушек, дедушек к внукам?

Ведущий. Но у этой проблемы есть и еще одна сторона. Любовь множит любовь. Сегодня же распространено явление: эгоизм, который множит только эгоизм. Прислушайтесь к бабушкам и дедушкам. Все же очень многие из них не представляют себе более счастливого времяпрепровождения, чем общение с внуками. Это взаимно обогащает, облагораживает, разумеется, если заковано на любви. А как ведет себя молодая семья? Самым главным для себя она считает отделиться от «предков», разъехаться. Опять-таки, не общественное ли мнение с неизменным постоянством насаждает такой настрой. Вспомним: молодоженам торжественно вручают ключи от квартиры. Вот вам обособленное жилье! А может быть, следовало бы вручить ключи просто от большой квартиры, в которой было бы удобно жить всем поколениям семьи, не стесняя друг друга. Или выдать ключи от двух квартир на одной лестничной площадке, забрав у семьи прежнюю квартиру. Быть может, тогда в сознании молодых не формировался бы стереотип жизни в непреклонном отрыве от старших. И не возникало бы в дальнейшем столько проблем с малышами. Кстати, ведь даже работающая бабушка, если она живет под одной крышей с малышом, неизбежно примет посильное участие в его выхаживании, в его воспитании — словом, умножит атмосферу любви вокруг него, атмосферу его «защищенности».

Насколько эта связь важна для маленьких, подтверждает вот такой случай. Его рассказала молдавская художница Валентина Георгиевна Русу-Чобану. (Кстати, весьма плодотворно работающая бабушка.)

«...Как-то заболела внучка. Мечется в жару, пла-

чет. Не знаем, чем ей помочь. Невестка упорствует — на руки не берет, чтобы не приучать. Я не выдержала, вынула девочку из кровати, прижала к себе. Держу ее на руках и чувствую, как она обмякла, успокоилась. Несколько часов просидела с нею и... вылечила! Спал жар! Оказывается, маленькому человеку нужно было именно тепло взрослого. Мы почему-то нередко упускаем это из виду. Привыкаем подчас, годами общаемся с детьми в приказном, поучающем тоне — и только. Глубочайшее заблуждение! Дефицит любви и нежности непременно заявит о себе в более поздние годы...»

Вот как мудрость и любовь заменили лекарства. Пригодился, конечно, и жизненный опыт, ведь невестка не брала на руки свою дочку не потому, что не любила, а потому, что педагогика так ее наставляла. Чутье же и знание жизни подсказали бабушке отринуть нелепый запрет, какими, увы, изобилует наша действительность.

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН: МЫСЛИ ВСЛУХ

— Константин Яковлевич, насколько важен контакт младших со стариками, милосердие к старым, как вы считаете? Ведь не секрет, что сегодня в нашем обществе остро ощущается дефицит такого милосердия.

— Не бывает так, не может быть, чтобы одно поколение существовало изолированно от других. Это бессмысленно. Ощущение связи заложено в нас самой природой. Когда я написал стихотворение «Я люблю тебя, Жизнь» и в нем строки: «Будут внуки потом — все опять повторится сначала», мне было тридцать лет, а моей дочери меньше, чем сейчас внучке. Связь поколений — это непрерывная цепь людей, пронизанная

сложнейшими токами: связь между родителями и детьми через поколение между дедами и внуками, а еще связь между людьми, чужими по крови, но близкими духовно... Но и спор поколений — тоже закон жизни. Каждое новое поколение хочет оспорить опыт предшественника. Этот закон действует не только в широких общественных масштабах, но всегда проявляется и в семейных отношениях. Ведь в этих отношениях всегда почти присутствует механизм несовместимости. Со стороны вместе с зятем или невесткой вторгается новый мир, чужой. И для пришедшего, молодого, все обострено — он тоже попал в новый мир. Что способно помочь «выстоять» в этой всегда сложной ситуации? Доброта. Милосердие.

Самая трудная полоса наступает, когда кто-то из стариков остается один. Это резкая ломка жизни, жесточайший удар. Эти люди больше, чем прежде, нуждаются в детях, внуках, просто в близких. Старикам хочется любви, внимания. И если взрослые дети не всегда удовлетворяют эту потребность, то со стороны маленьких они находят необходимый отклик.

— Что, по-вашему, самое нужное для пожилых людей в этот момент?

— Наверное, не ошибусь, если скажу, что самое важное, нужное, самое естественное общение для пожилых людей — это общение с внуками. Радость этого общения ни с чем не сравнима. Может быть, эта близость с внуками объясняется тем, что, согласно утверждениям биологов, наследственные коды передаются через поколение, через голову родителей...

— Эта мысль нашла свое выражение и в этих ваших стихах:

Передаются через поколенья,
Через рожденных пами же связанных
Черты лица, характера горенье —
Неповторимость наших позывных...

— С детьми, с внуками старые люди как бы продлевают свою жизнь. Они рассказывают внукам о тех временах, когда были маленькими, как подросли, что видели, что пережили. Дети необыкновенно восприимчивы к этим рассказам. Важно дать детям «напитаться» ими. Ведь и они исподволь формируют и доброту, и милосердие, и внимание...

Однако нельзя к молодым подходить формально, предполагать заранее, что наша жизнь должна быть им интересна, потому что мы пережили важнейшие события, защитили Родину. Постоянное повторение этого уже привело к тому, что у современных молодых — налицо усталость от восторга перед предыдущим, то есть нашим поколением. Не надо к молодым выходить с назиданиями, нужен чисто человеческий контакт. Нужно говорить о том, что мы были так же молоды и так же, как они, мечтали, дружили, ошибались, искали, любили. И была война. И многие не вернулись... Способ передачи нашего опыта, нашего примера должен быть как можно более естественным. В этих отношениях я тоже за правду без фальши, без ложного пафоса. Без позиции: «Вы, молодые, нам задолжали...»

Очень тяжела судьба людей, у которых нет детей, нет внуков. Мы знали многих родителей наших погибших товарищей. Они на много лет пережили своих детей, и это самое противоестественное, что может случиться в жизни. Но как они любили нас, товарищей своих сыновей, как радовались, когда мы приходили! Таким был Павел Григорьевич Антокольский. Его сын погиб на войне. Он написал поэму «Сын». Всю жизнь он тянулся к молодым, был окружен ими. Поэты-фронтовики Луконин, Недогонов, Гудзенко, Межиров, Винокуров воспринимали его как отца...

— Константин Яковлевич, вновь хочется обратиться к вашим стихам. В них немало строк о том, что ста-

рость надо понимать и принимать, быть снисходительным к ее причудам, что жизнь прекрасна и должна быть такой до конца:

Не стоит спорить со стариками —
Мстив щемящий в ночи возник,—
Пускай им кажутся сорняками
Растения, выросшие без них.
Пугаясь моды, как смен погоды,
В воспоминаньях пускай парят.
— Вот в наше время! Вот в наши годы! —

Пускай с достоинством говорят.
Пускай считают нас слабаками.
На них и вправду земля стоит.
Не нужно спорить со стариками.
...Чего так рьяно? А сам старик.

Или вот еще о стариках:

Их бесстрашные сердца,
Все почти отстукав,
Оптимизмом до конца
Раздражают внуков.

— В стихах много сказано. Хотелось бы еще добавить вот что. Старость часто становится синонимом одиночества и одиночества. Это понятно — нет уже многих из тех, кто в жизни шел рядом, трудно заводить новых друзей. Внимание к старикам-родителям — это само собой разумеется, речь тут даже не просто о материальной помощи, но и о необходимости душевной связи. Когда этого нет — налицо результат человеческой неполноценности, духовной несостоятельности. Ужасно, когда в отношении к старикам присутствуют корыстные мотивы. Это отражено во всей мировой литературе. Старость ведь бывает не только недоверчивой и подозрительной, но и, наоборот, чересчур открытой, незащищенной...

Ведущий. Наш вопрос публицисту Майе Яковлевне Искольдской, которая беседовала с Константином Ваншенкиным. Вы солидарны с поэтом? Вы разделяете его позицию?

Искольдская. Безусловно. И сама делаю все, чтобы не только пропагандировать подобное отношение к связи поколений. Я очень много времени и сил отдаю своим внукам...

РЕБЕНОК НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОДИНОК!

Ведущий. Известный американский детский врач Бенджамен Спок утверждает: если в семье один ребенок и в силу тех или иных обстоятельств вы не можете родить второго, возьмите малыша из детского дома. Это в корне изменит атмосферу семьи. Снизит уровень эгоизма и детей, и взрослых. Конечно, проблем и хлопот станет больше. Но жизнь, повторяем, летит быстро, и в годы зрелости вы поймете, каким верным был этот шаг.

Мы привели эту мысль Спока не только для того, чтобы дать еще один ориентир молодой семье — как помочь себе, своим детям в преодолении чувства одиночества. Мы хотели остановить внимание на проблеме: ребенок-сирота. Точнее, на проблеме преодоления того сиротства, на которое обречены ребятишки — воспитанники детских домов.

25 августа 1988 года постановление Совета Министров СССР «О создании детских домов семейного типа» подсказало путь такого преодоления.

Постановление родилось не на пустом месте. Семейные детдома у нас существовали уже давно, только... неофициально. По сути своей сегодня это своеобразные кооперативы, где объединяются усилия частного лица и государства. Прибыль от их деятельности од-

на — здоровье ребятишек, их счастье иметь родителей и свой дом. А берут детей в семью из детских домов, домов ребенка, из интернатов. В одной из публикаций журнала «Трезвость и культура» рассказывается о таком опыте. Зоя Владимировна Бородаевская из новосибирского Академгородка, Галина Веньяминовна Рожкова из Иркутска, Элеонора Сергеевна Павловская из Риги — имена трех матерей из тех, кто уже ряд лет брал к себе в дом сирот, опекал, лечил, подкармливал. Помогали женщинам и родные их дети. Интересно, что выбирали они самых заморенных, больных. Почему? Чтобы спасти.

Много трудностей пришлось пережить матерям милосердия: сопротивление местных властей (скажем точнее: их равнодушие, непонимание, леность), людскую молву (всем не угодишь: то дети слишком хорошо одеты, то у посторонних появляется острая потребность объяснить детям, что мама — перодная...), да и просто нехватку денег. Зарабатывали женщины сами, благо руки у них золотые. И шили, и трудились в совхозе вместе с детьми, и мыли ногами подъезды... «Ну вот! — скажет иной читатель. — И зачем такое «счастье»?» Да, эта работа требует подвига. Полной самоотдачи. Доброты, мужества, трудолюбия, настойчивости, запаса физических сил.

А зачем такое «счастье» женщинам-матерям, о которых мы упомянули? Односложно не ответишь. Наверное, главное, ради чего они шли на лишения, — сбегать, отогреть хрупкие одинокие детские души, чтобы каждый ребенок вырос полней, устойчивой к невзгодам личностью, любимым человеком, нужным кому-то целиком, со всеми своими особенностями.

Постановлением о семейных детских домах государство выразило свою волю. Отныне местные власти должны заботиться о том, чтобы для семей, решивших взять на воспитание сирот, были выстроены детские

городки — от десяти до двадцати домов с земельными участками. В городке предусмотрены детсад, средняя школа с клубным комплексом, спортивно-оздоровительный центр с бассейном. Конечно, в таких сообществах и атмосфера будет иной, предстоит построить мир новых отношений детей и взрослых, семьи и общества.

Советский детский фонд решил создать всесоюзный попечительский совет в помощь семейным детским домам. Это тоже должно облегчить им жизнь.

Начало положено. И все же прежде чем взять на воспитание детей, надо взвесить: способны ли мы на главное чувство, которое соединит нас воедино?

Орлов. Это чувство — любовь. На любви основаны отношения в семье, от нее зависит и прочность уз. Любовь нуждается в постоянной поддержке, и «пища» для нее — радость. Как психолог я вывел такую формулу: «Искусство любви есть искусство радости; способность быть любимым состоит в способности радоваться тому, что тебя любят; это стимулирует к любви тех, кто тебя любит».

Но было бы наивным думать, что любовь всегда благо. Она может выращивать как добродетель, так и порок. Если мать радуется тому, как дерется ребенок, то нетрудно представить, что она растит хулигана и насильника. Если агрессия положительно подкрепляется, это путь к формированию агрессивной личности. Если положительно подкрепляется ложь, вырастает лжец. Злорадность — это в прошлом радость по поводу нанесенного зла. Поэтому любовь — благо не само по себе. Любовь хорошего человека способствует развитию хороших качеств. Любовь плохого человека — формированию порока, зла. Наличие любви повышает эффективность воспитательного влияния, независимо от знака «плюс» или «минус». Об этом следует знать.

При отсутствии любви даже хорошие люди не могут воспитать хорошего человека. А что такое любовь, каковы ее смысл и сущность, далеко не простой вопрос, так как в одежду любви часто рядится то, что не имеет никакого к ней отношения, а часто даже противоположно ей. Нередко только в беседе с психологом мать узнает, что ее отношение к дочери или сыну — только кажется любовным. На самом деле это самокомпенсация, эгоизм, тщеславие. А когда они не удовлетворены, появляются раздражение, гнев, отчаяние и соответственно агрессия.

А. А. Бодалев, доктор психологических наук, профессор, вице-президент АПН СССР. Пусть простят коллеги-медики, если я допущу не абсолютно точную статистику. Но мой ленинградский друг Александр Иванович Захаров рассказал мне: он проверил несколько тысяч ленинградских школьников и обнаружил, что из нормальных ребят, занимающихся в нормальных классах, 10—12 процентов — предневротики. Причина? Неправильно развивающиеся отношения с товарищами, с учителями, с родителями. Не эти ли дети — резерв отряда одиноких?

ЭТОТ ХРУПКИЙ МИР ДЕТСТВА

Ведущий. Профессор Орлов, который присутствует за нашим «круглым столом», высказал как-то такую интересную мысль: «Давайте запомним, что сила порока не в самом пороке, а в ослаблении добродетели, вызванном потерей связей с другими, в страдании одиночества, в отсутствии любви. Ни одно переживание не проходит бесследно. Угнетение и боль, идущие от близких, окутывают их образ в душе ребенка непроницаемым фоном страдания. Сам этот образ приобретает способность вызывать тяжелые переживания.

Ребенок стремится изолироваться от близких, воздвигнуть между ними и собой непроницаемый барьер одиночества! Это необходимо знать рьяным папам и мамам, которые озабочены насильственным, с помощью угроз и наказаний, внедрением в детей добродетели».

В этой связи нам кажется уместным привести несколько маленьких зарисовок «с натуры». Их автор — доктор медицинских наук, врач-психиатр Валентина Дмитриевна Москаленко. По характеру работы Валентина Дмитриевна самым пристальным образом исследует мир семьи своих маленьких пациентов, что и делает ее наблюдения очень интересными: ведь это взгляд не педагога, а врача-психиатра. (Публикация журнала «Трезвость и культура».)

В ОВОЩНОМ МАГАЗИНЕ

Меня часто поражает такая диспропорция. Родители так много, часто с избытком заботятся о теле своего ребенка и так мало о его душе, как будто он сейчас, в детстве, еще не человек, а только будет им потом. Как бдительно следят, чтобы ребенок побольше съел (могут и перекормить), тепло оделся (могут и перекутать), но редко скажут что-нибудь такое, отчего повышается самоуважение, уверенность в своих силах. Поскольку в своей работе врача-психиатра я постоянно ищу начало конфликта, послужившего пусковым моментом невротической реакции, то на улице, в магазине невольно прислушиваюсь, как родители разговаривают со своими детьми.

— Ну как ты держишь дыню? Сейчас уропишь. Положи на прилавок, да не в грязь. Ну какой ты...

Это из разговора матери с шестилетним сыном в овощном магазине. В каждой фразе подтекст: ты недотепа, ты неуклюжий, ты ничего не умеешь толком де-

лать, даже дыню подержать. Сын же держал дыню совершенно естественным для его возраста образом, напругая все свои силенки. Он не уронил ее, не испачкался и... ничего не ответил маме.

Понятно, пока он существо зависимое. Перевес сил не на его стороне. А как обидно, что тебя считают недотепой, да еще кто — самый близкий, самый дорогой человек, мама. Эти слова могут оставить свой след если не в сознании (вроде бы дети обиды быстро забывают), то в подсознании. Слова для ребенка сопровождались чувством униженности, обиды, стыда, ведь вокруг люди, они все слышали. Такие слова обладают большой силой внушения. И еще. Эмоциональная память — самая прочная из всех видов памяти. Во взрослой жизни незначительный вроде бы инцидент может неожиданно напомнить о себе если не неврозом, то определенным отчуждением от матери.

Если каждый день говорить ребенку, что он трус или непонятливый, тупой, то он и станет таким.

НЕ БУДУ!

При всей сложности психики ребенка в основе его развития лежат два простых и универсальных механизма — подражание и противодействие. Если в семье царит мягкий психологический климат, уважение друг к другу, в том числе старших к младшим, то преимущественно «работает» механизм подражания. Если же ребенку «вдабливают» определенные, пусть и правильные, принципы, но в форме назойливой дидактики, то это вызывает у него реакцию противодействия.

Дети от природы исключительно восприимчивы. Они хорошо знают особенности своих родителей, могут точно предсказывать их реакцию на тот или иной поступок. К пятнадцати-шестнадцати годам подростки проч-

но усваивают иерархию духовных ценностей семьи. И сколько ни прививай им, скажем, трудолюбие — никогда не добьешься успеха, если все пятнадцать лет до этого перед сыном был живой пример ленивого отца. Сколько ни говори ему: «Курить вредно, не кури», — он этому не внемлет, так как с детства прочно запечатлен в сознании образ «настоящего мужчины» с обязательной сигаретой.

Юноши стремятся стать сильными. Тренируют мышцы и характер. С уважением говорят о волевых людях, презирают нытиков. В этом проявляется их жадное стремление к самосовершенствованию. Пример человека с сильной волей должен быть у сына дома. Иначе он найдет такой пример вне дома. Авторитеты за пределами своего дома возникают неизбежно, но если они все вне дома, то родители и дети не будут духовно близкими людьми.

Ребенка воспитывает весь уклад жизни семьи. Если отец мало бывает дома, но сын знает, что он в это время делает чрезвычайно важное дело, разве сын не гордится таким отцом? Обычную жалобу родителей: «Нет времени воспитывать» — следует понимать как заявление об их неумении сделать собственную жизнь разумной, интересной. Разве можно воспитывать с такого-то часа по такой? Воспитывает все, даже пример отсутствующего родителя.

Тот, кто работает с детьми, видит, как цепко они помнят все хорошее о своих родителях, как подчеркивают их достоинства, гордятся их успехами.

ПОВОРОИ СО МНОЮ, МАМА

Из социальной психологии известно, что потребность в общении есть величайшая человеческая потребность. Если она не удовлетворяется, то многие чи-

сто человеческие качества не развиваются. Крайний случай — воспитание в «условиях Маугли». Результаты всем известны. Без общения, без социального окружения не получается человек. В обычной жизни таких условий не бывает. Ребенок живет среди людей и так или иначе реализует свою потребность в общении. Однако «качество» общения может быть разным, над улучшением его можно работать бесконечно.

Если бы в конце каждого дня родители вспоминали и анализировали, о чем они говорили со своими детьми, то наверняка сделали бы вывод: в основном разговоры велись вокруг материальных потребностей, о выполнении ребенком ежедневных обязанностей по дому или о выполнении школьных уроков. Реже ведут с ребенком разговоры, касающиеся духовных потребностей или состояния его души. «Читаешь, а что там интересного?», «Поссорился с другом, а из-за чего? Может, ты не прав?», «У тебя сегодня необычное настроение. Что-нибудь случилось?».

Дети так же, как и взрослые, испытывают потребность в общении, эмоциональной поддержке, сопереживании.

Иные родители не замечают, что в их доме чаще звучат монологи, чем диалоги. Искренне желая детям добра, родители без устали чему-то их учат, наставляют, иногда полностью подавляя активность и инициативу. Где же доверительная, дружеская беседа?

* * *

Ведущий. Итак, легко ли быть маленьким? Такое название мы дали этой главе. Подводя итог разговора, скажем: мир детства хрупок, предельно уязвим. И если взрослый равнодушен к этому миру, если не дает себе труда для подлинного душевного, духовного вставания в этот мир, он готовит благодатную почву для большой беды — одиночества своего ребенка,

его «потерянности», слабости, то есть полной неустроенности в жизни. Неустроенности вопреки наличию зачастую огромного арсенала знаков внешнего благополучия — от квартиры с магнитофоном и коврами до сберкнижки «на момент совершеннолетия».

Я, БОГАТАЯ, БЫЛА БЕДНА...

ДЕШЕВКА

Ведущий. Эту главу мы начнем с репортажа. Старшее поколение горожан (село той поры еще не знало таких явлений) смолоду помнит этот термин. Дешевка — синоним понятия «проститутка». Было еще словцо: «гулящая». А предполагали термины «дешевка» и «гулящая» совершенно разный «род занятий». Гулящая — это все же некто не столь падшая...

И казалось тому, нынче старшему поколению, что вот-вот уйдут из обихода клеймящие словечки, потому что уйдет сам «промысел», породивший их.

Не ушел! Сегодня, можно сказать, даже расширился. И даже сбросил с себя прежнюю стыдливость. Торговать своим телом стало (в определенных кругах) даже чуть ли не престижным.

Мы в московской гостинице «Севастополь». Здесь первыми в Москве стали применять указ Президиума Верховного Совета РСФСР об административной ответственности за проституцию.

В гостинице нас встретил Виктор Андреевич Залеский, начальник отделения милиции. Показал указ:

— Теперь мы можем наказывать проститутку за их непосредственную «работу». Раньше этого делать не могли: их ведь у нас «не существовало». А бороться со злом было необходимо, поэтому мы привлекали их за тунеядство, пьянство, возбуждали дела о лишении ро-

дательских прав, выселении из Москвы. По указу же можем теперь штрафовать на сто, на двести рублей. В целях выявления венерических заболеваний, СПИДа можем направить на медицинское обследование.

Конечно, указ чем-то облегчил работу. Но считать, что с его помощью зло будет побеждено,— наивно. Обременителен ли штраф для женщины, которая за ночь может заработать больше?

— Кто они, ваши постоянные «клиентки», те, что «промышляют» в гостинице?

— Назову их. Возможно, это заставит их хоть устыдиться. Елена Задбоева приехала в Москву из Бурятии уже давно. Нигде не работает, часто появляется в гостинице пьяной, пристаёт к иностранцам. Отделение милиции по месту жительства, куда мы постоянно шлем запросы о принятых мерах, отделяется обещаниями, а Задбоева продолжает у нас свои похождения. А вот две печально известные подруги (матери передали им по наследству «науку любви») — Жанна Царькова и Светлана Коноводова. Обеим только по восемнадцать лет, а «промышляют» уже как минимум по пять. Знакома нам и Виктория Кудинова. Девочка появилась на свет от связи матери с иностранцем, негром. И вот она повторяет похождения своей матушки. Вообще мы тут, в отделении милиции, убедились: за каждой нашей «клиенткой» — неблагополучие в ее бывшем отчем доме. Да вы и сами можете потолковать с ними. Подежурьте с нашими сотрудниками, и случай непременно представится.

Мы воспользовались предложением.

Полночь. Закрывается гостиничный бар. Мы с сотрудником милиции — в фойе.

Из дверей бара устремляются две «путанки» с иностранцами. Милиция их ждет: знает уже в лицо. Кстати, иноземным словом «путанки» чаще всего называют проституток. Может быть, потому, что звучит оно как

производное от русских «путаться», «беспутная»?..

Вот одна из «путанок», Елена, сидит, закинув ногу на ногу, держится за щеку:

— Зачем вы меня сюда притащили? У меня зубы болят.

— Где вы работаете?

— В валютной «Березке», забыл, что ли?

— Там вы уже с мая не работаете...

— Слушай, пусти, у меня папа генерал! Он тут всем головы посвернет!

Сотрудник милиции терпелив.

— Как вы попали в интуристовский бар? Туда пускают только тех, кто живет в гостинице.

— У швейцара спроси.

— У швейцара спросим. Но хотелось бы узнать у вас.

— Прошли, да и все.

Вот типичная деталь. О ней не раз говорила центральная печать, да, видно, мало — ничего не меняется. Швейцары пропускают в питейные интуристовские заведения за взятку. Действуют по принципу: живешь сам — дай жить другим. В результате облегчают работу проституткам, фарцовщикам, словом, всем «темным» личностям, что трутся возле иностранцев. Кстати сказать, администрация гостиницы, чтобы выполнить торговый план, закрывает на это глаза, а иногда и сама разрешает впускать с улицы всех подряд.

— В который раз вы у нас, Елена?

— Да ты что, начальник! В первый. Пусти домой, меня ребенок ждет.

— Бедный ребенок...

— Да, я порядочная женщина, у меня есть муж и ребенок.

— Ну муж у вас, как выяснено, фиктивный. А ребенок с кем же сейчас?

— С моей матерью. Ой, отпусти, у меня мать больная. А отца у меня нет, я тебе наврала. Родители давно развелись, отец нам совсем не помогает, мы в такой нужде живем...

«Нужда» налицо: Елена словно сошла с обложки модного журнала.

Место Елены занимает ее подружка, Татьяна.

— Вы работаете? — спрашивает сотрудник милиции.

— Учусь в университете.

— Кем же вы станете, когда его окончите?

— Буду преподавать в школе. Научный коммунизм.

— Интересно, сколько же денег обещали вам соседи по столику?

— Они нас просто угощали. На стипендию-то не шибко разгуляешься.

— Но есть много других способов заработать деньги.

— На это не хватает времени.

Мы уединяемся с Татьяной, чтобы поговорить «по душам».

— Таня, ты приходишь «работать» в гостиницу. Но ведь с иностранцем можно познакомиться и в университете.

— Да что с них толку? Они такие же нищие студенты...

— Скажи, тебя не угнетает такая жизнь?

— Нисколько! Мне даже интересно.

— Ты живешь с родителями?

— Нет, в общежитии. Я приехала из провинции. Отца у меня нет. А мама ни о чем не догадывается...

— И давно ты начала такую жизнь?

— С четырнадцати, еще дома.

— И мама так ничего и не знает?

— Ой, мама! Да ей бы в своей жизни разобраться.

Да еще свести концы с концами. Она же за всю жизнь лишней пары колготок позволить себе не могла!

...Мы уходили из гостиницы со смешанным чувством брезгливости и... вины. Потому что не сама собой становится девочка «дешевкой». Дешевкой, хоть сегодняшние ее «гонорары» от иностранцев весьма солидны. Дешевкой — потому что никакие деньги не компенсируют потерю, которую терпит женщина, торгующая своим телом, потерю души, потерю человеческой сути и, что глобальнее всего, потерю будущего: ведь дети такой матери почти стопроцентно обречены на изломанную судьбу, на одиночество. Какая трагическая цепь!

Ведущий. Мы начали с этого репортажа не случайно. Пришло время обсудить за нашим «круглым столом» ту сторону жизни человека, в которой мы в большинстве своем крайне невежественны.

Вот доведись нам сию минуту выйти на московские улицы позадавать встречным вопрос — в чем природа, где корни такого явления, как подростковая проституция, вероятно, большинство ответов свелось бы к одному: «В распушенности! В безнравственности!»

Но распушенность, безнравственность — это ведь уже следствие. Где исток?

Ботнева. В семье. Исток заложен в самом раннем детстве, до трех лет.

ПОВТОРИТ ЖИЗНЬ КУКУШКИ

Ботнева. Педагоги и мы, врачи, в частности, представители той отрасли медицины, которой занимаюсь я — сексопатологии, знают: дети, лишенные любви матери, не избирательны в выборе друзей. Придет время, и они так же случайно будут выбирать сексуального партнера. Вот откуда оно — столь поражаю-

щее нас явление проституции, в том числе ранней, подростковой. Это — вина родителей. Это они своей не любовью заложили в девочку в возрасте до трех лет тягу к ласке любой ценой, к первой встреченной ласке, и полное безразличие к тому, кто будет следующим сексуальным партнером. Так в 10, 12 лет начинается бурная попытка любой ценой компенсировать недополученное в раннем детстве. Организм девочки инстинктивно рвется к этой компенсации. В то время как ее ровесница, растущая в родительской любви и ласке, совершенно чужда такого рода порывам. Именно она, любимая, будет впоследствии требовательна в выборе будущего мужа. Именно она будет сравнивать его с отцом, с дедом... В основе ее нравственного критерия — любовь.

И еще об одной стороне вопроса.

Психологи знают, что человеческое умение общаться формируется в ролевых играх; в активных, шумных — мальчишеских и «семейных» — девичьих. Хотелось бы спросить: кто сегодня наблюдает такие игры? Кто видит, чтобы дети, скажем, в Москве играли вот так? Не играют! Ведь то, что происходит в детском саду, игрой-то назовешь с большой натяжкой. Это скорее организованные занятия на определенно заданную тему. Скажем, игра в космонавтов или (для девочек) игра во врачей. Такие игры готовят ребят к идеальному общению в школе и на работе, но отнюдь не к главным ролям: мужчины и женщины. А дома? Здесь тоже подлинного, естественного общения у ребенка не возникает — не с кем. Братьев и сестер нет, у родителей свои проблемы. Это раньше у ребят была модель не суррогатной, а настоящей мамы...

В последнее время я читала лекции по половому воспитанию и пыталась объяснить педагогам, что половое воспитание и половое просвещение — это совершенно разные вещи. Воспитание идет с того момента,

когда ребенок начинает подражать. А кому подражать мальчику, если его воспитывает одна мама? Кому подражать девочке, если мама алкоголизована или ведет жизнь кукушки?

Игры детей — зеркало, отражающее жизнь взрослых, моделирование собственного дальнейшего поведения.

Девчушка, укачивая куклу, приговаривает: «Это хорошо, что папка от нас ушел... Нам не нужен папка-алкоголик... Нас теперь никто бить не будет, а денежки мы и сами заработаем».

Создаст эта девочка устойчивую семью? А может, в играх с подружками она бы узнала, что бывают и другие семьи, где папа любит своих детей.

Ролевые игры со сверстниками поправляют поведение детей с различными отклонениями. Например, мальчик, играющий один в куклы, обычно выполняет роль мамы. Знаете, чем это грозит? Гомосексуализмом. Между тем, в играх с девочками ему роль мамы никогда не достанется. Будет упрямиться — станет посмешищем.

В период полового созревания нарастают трудности, связанные с нарушением общения. Половое созревание у юношей совпадает с периодом юношеской гиперсексуальности. Заложенное в детстве отсутствие эмоциональных привязанностей, неумение и неспособность общаться приводят к безразличным, бездуховным связям, отклонениям в половом влечении, суррогатным формам половой активности. Чаще других на ранние половые связи идут «недоласканные» в детстве девочки не только из неблагополучных семей, но и из формально благополучных, где отсутствуют теплые отношения.

Знают ли в семье, что у девочек с началом полового созревания возникает острая потребность не в половой близости, а в ласках, в воздействии на эроген-

ные зоны? Не знают. Присмотритесь к отношениям в семьях, и вы увидите, что с подростками, в том числе и с девочками, взрослые, как правило, суровы, сдержанны, неласковы. У «недоласканных» же девочек возникает кратковременный всплеск этой потребности. Ради ласк они могут идти на половые связи, случайные и кратковременные, не думая о том, что они — лишь временные партнеры юношеской гиперсексуальности.

Еще несколько слов. Кто такие рокеры, панки, металлисты — все эти неформальные объединения? Моё мнение — это суррогатные объединения одиноких подростков. Это «переросшие» дети с нарушениями психосексуального развития. Потребность любви, которой не было и нет. Детские игры, которые не доиграны...

В. И. Чемоданов, заведующий лабораторией НИИ физиологии детей и подростков Академии педагогических наук СССР. Продолжу мысль Ирины Леонидовны Ботневой. Товарищи, давайте смотреть на вещи по-честному. Мы иногда благодушно так говорим — вот, дескать, есть у нас проблемы личности, которые идут рука об руку с очень многими социальными проблемами. Благодушие здесь неуместно. Давайте прямо скажем: одиночество связано с раздвоенностью нашего мировосприятия, двойственностью морали. В чем суть? Скажем, официальная мораль, ее натиск, который крепчал, трактовал: мы живем прекрасно. Другая, «личная» мораль заявляла о неудовлетворенности собственной жизненной ситуацией. Не толчок ли это к чувству одиночества? Или, например, мать и отец внушают: будь нравственным, только нравственность сулит счастье. А на экране телевизора этот же подросток видит, какие радости «срывает» человек низменной морали, прелюбодей и т. д.

Человек сильный в таких условиях адаптируется. Слабый ищет себе утешение — кто в алкоголе, кто в

других асоциальных формах «удовольствий». Это проблема очень важная. Кстати, и вещизм — явление того же порядка...

Что нас всех еще очень беспокоит? Я занимаюсь проблемами подростков в период полового созревания. И это очень сложно. Есть этап полового развития, когда мощный гормональный пресс давит на человека. Кстати, он является во многом доминирующим в развитии личности. Гормоны настолько загружают молодого человека, подростка, что в этот момент он очень сложно взаимодействует с окружающими. Тут и решается вопрос, будет он одинок или не будет. Если он впишется в окружающую социальную среду — все в порядке. Если он вступит с ней в конфликт — дело плохо. Он будет искать какие-то «боковые» компенсаторные механизмы. И из этих компенсаторных механизмов наиболее распространены агрессия, алкоголь, наркотик. Где поводыри? Кто они? Один из самых мощных, конечно же, родительская любовь. Есть она — найдутся слова, чтобы объяснить подростку то, что, порой кажется, словами и не выразишь. Есть любовь — отыщется и время для бесед. Точнее — для соразмышлений с подростком. Соразмышлений, а не голых назиданий.

Нет любви — кричи караул! Ибо каждый день «формальных» родительских усилий будет лишь увеличивать пропасть между старшими и младшими. Ни ребенка, ни подростка (как и нас, взрослых) не проведешь во всем том, что касается любви, нежности, ласки.

Вот где и закручиваются те драмы, те трагедии, которые позже выливаются в полный разлад личности с обществом, а потом подчас и в полную потерю личности.

Ведущий. Вывод напрашивается такой: дети, которых не долюбили в детстве, вырастают с риском от-

клонений в сексуальном развитии, с сексуальными нарушениями. Как это связано с одиночеством, Ирина Леонидовна?

Ботнева. Они связаны очень тесно. Ведь сексуальные нарушения не дают человеку создать семью, что ведет, безусловно, к одиночеству. Таких, к сожалению, очень много. Я вот подсчитала, и мне даже стало нехорошо. Подумайте: три процента населения у нас в стране — гомосексуалисты. Значит, только в Москве 240 тысяч. Повторяю: это люди, которые не могут создать семью.

Чемоданов. Ирина Леонидовна, мы думаем сейчас над школьной реформой. Какова ваша точка зрения на раздельное обучение? Поможет ли это в решении проблем, о которых мы говорим сейчас?

Ботнева. Если бы меня спросили как сексопатолога, я бы сказала, что первые четыре класса детей следует обучать раздельно. Именно для того, чтобы привить им, развить в них мужские и женские черты. Пока-то мы растим их «бесполоыми». С самого раннего детства, с ясель, где они «коллективно» сидят на горшках. А их спальни! А их переодевания на глазах друг у друга! Вот она — изначальная «размытость» представлений о своей главной сути девочки и мальчика, мужчины и женщины в будущем.

Как-то не принято ссылаться на буржуазный опыт. Но все-таки вспомним известное нам по литературе: «барчуков» мальчиков и девочек, если это не груднички, держали ли в одной спальне?..

Чемоданов. Но неумение общаться при раздельном обучении также наносит ущерб. И мне кажется, это вступает в противоречие с детсадовской фазой, когда важны ролевые игры.

Ботнева. Ну почему же, в детском саду необходимо играть. А усиление противопоставления полов должно быть до определенного уровня. Если девочка

дружила только с мальчиками, а в пятом классе у нее появилась подруга, которая потом находится рядом всю жизнь — случается страшное, во всяком случае, с точки зрения нас, сексопатологов. Однажды к нам в центр пришли две женщины. Подруги с пятого класса, живут на Украине. Одна из них — с явно выраженной трансформацией роли, с мужскими замашками. У обеих есть семьи, но подруги привязаны только друг к другу, никакой адаптации к семье. Вот вам и пример. Причем процесс в этом случае необратим: в 30 лет ролевые нарушения уже не выровнять.

ОДИНОКИЕ ИЗ «ГРУППЫ РИСКА»

Ведущий. Сценарист Л. Загальский и режиссер А. Никишин сняли на ЦСДФ фильм для видеосалонов «Группа риска». Хотелось бы поговорить о нем как об иллюстрации огромной проблемы, которую мы сейчас обсуждаем. Кинолента показала, насколько серьезен размах гомосексуализма в стране. В то же время очень интересен подход авторов к героям фильма, людям «дна». Вот как о своем взгляде на них рассказал журналу «Огонек» Леонид Загальский:

«Мы всегда говорили о групповых взаимоотношениях — существовала общественная мораль, общественная этика. Мы никогда раньше не поднимали вопроса об индивидуальной морали и этике. Вообще об индивидуальном гуманизме. Мы долго не говорили о личности в ее единственном числе.

Давайте задумаемся, перед нами живое существо — пусть проститутка, наркоман, гомосексуалист. Конечно, приятно встать над ними и произнести: «Я выше». Но это не гуманно. Гуманно встать с ними вровень, посмотреть им в глаза и попытаться понять, почему они такие. Конечно, я осуждаю проституцию, наркоманию

как социальное явление. Но я против экстремистских мер.

А когда мы показываем гомосексуалиста, переодетого в женскую одежду, в данном случае нас интересует толпа, собравшаяся вокруг (большой человек не всдаёт, что творит). Толпа говорила сама за себя: тот же экстремизм, жажда унижения человеческого естества.

Если говорить вообще о проблеме гомосексуализма, то я не представляю себе, как можно отделить в ней социальное, нравственное от биологического и медицинского. Во многих странах разрешены браки между гомосексуалистами, усыновление детей. Конечно, можно и по сей день говорить, что это гримасы капиталистического строя. Мы сейчас касаемся вопросов, к которым одноклеточная философия не подходит, нужен иной уровень понимания жизни (нас сейчас все к этому призывают). И в этом отчасти должно проявиться новое мышление».

Авторы не ставили перед собой задачу эти явления анализировать, хотели только их показать. Но на наш взгляд, им удалось сделать гораздо большее: заставить людей задуматься над этими явлениями. Пусть зрительские мнения, опубликованные в том же «Огоньке», полярны: от «запретить» до «показать фильм на широком экране». Вот, например, отзыв архитектора Елены Гудковой:

«Осуждать увиденное не могу и не хочу — от подобного только сжимается сердце и болит душа. Что ж, может, теперь мужчине с женщиной интереснее: нет всяких мелочей, затрудняющих общение, больше взаимопонимания. Это явление не сегодня возникло. И развилось, вероятно, в годы, когда сгоняли в лагеря миллионы и миллионы, надолго отрывая от естественной и нормальной жизни.

...Общество, обличая эти «группы», не предлагает

взамен других «радостей», а может, и не радостей, просто мало-мальски нормальных условий жизни, удовлетворения потребностей. Что-нибудь, кроме зарплаты в сто рублей и бесконечных запретов».

Это попытка найти корни негативных явлений. А вот еще одна, инженера Эльдара Разроева: «Хотя в фильме один из героев, наркоман, говорит, что жизнь у нас чудесная, то, очевидно, только потому, что эту чудесную жизнь долго не увидит. А жизнь тяжелая. Даже когда по улице идешь, видишь по лицам: люди сломаны. Это ведь не от простой жизни. Жизнь ломает людей, калечит. И каждый ищет свой выход».

Олимжан Ирисметов, студент медицинского института, считает: «Если мужчина живет с мужчиной — ну бог с ним, это слабость, болезнь. Но когда гомосексуалист в поисках добычи начинает заманивать подростков, это уже полное извращение. Так что мы должны быть жестоки. А обращаться с ними надо, как говорил Тарас Бульба: «Я тебя породил, я тебя и убью». Ибо такой человек не нужен обществу».

Заметим: будущий врач рассуждает как прокурор. Да, существует в уголовном законодательстве наказание для тех, кто совращает несовершеннолетних. Но к чему может привести такой экстремизм, бездумное требование физической расправы?..

Пожалуй, резкость суждений — результат невежества, многолетнего замалчивания явлений, к которым приводит и одиночество в раннем детстве. Теперь мы вооружены новым знанием. И скорее всего, молодые родители, которые прочтут нашу книгу, с этих позиций и посмотрят ленту «Группа риска», как фильм-предупреждение. Увидят выросших одиноких, недолюбленных в прошлом детей. И возможно, по-новому построят отношения со своими малышами. Станут жить с ними как друзья, а не как враги.

Кстати, здесь уместно вспомнить историю, в которой нам пришлось принимать профессиональное, журналистское участие.

...Мать обратила внимание, что ее дочка, девятиклассница, стала пропадать по вечерам из дому. День, другой, третий...

А надо заметить, что девочка эта росла трудно. Была слаба здоровьем, нервна, раздражительна, вспыльчива. Лет с двенадцати матери требовались поистине героические усилия, чтобы не испортить отношений с дочкой, не потерять ее доверия.

Ответит ли сейчас на вопросы матери: «Где ты бываешь по вечерам? С кем ты?» Не ответила. Точнее — грубо отрезала: «Не твое дело!»

И снова — отсутствие дома до 12 ночи.

Мать потеряла покой. Но будучи человеком сильным и умным, а главное — ответственным за судьбу девочки, которой она дала жизнь, мать сделала все, чтобы разобраться, понять, что происходит с дочерью.

Скрываясь, с предельной осторожностью, мать пошла по следам дочери. И нашла компанию, которая затянула девчонку. Недобрую, страшную компанию.

Знаете, что сделала женщина, узнав, на каком гибельном краю оказалась ее дочь? Врач по образованию, она завербовалась на Крайний Север. И увезла с собой дочь. Женщина, которой было за сорок, не богатрского здоровья, не побоялась в корне изменить свою жизнь, отказаться от привычного уклада бытия и круга друзей ради того, что она считала главным, ради судьбы своей дочери.

Многое перенесла эта женщина. Но она оказалась вознагражденной. Вознаграждением ее стала сложившаяся судьба дочери. А ведь это означает и счастливую судьбу матери, не так ли?

ПОДНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

Ведущий. А теперь затронем еще одну «зону одиночества». Прикоснемся к трагическим судьбам тех, кто оказался за чертой здоровых взаимоотношений с обществом — скатился на путь алкоголизма.

Вот одно из типичных писем.

«Пьет и давно мой сын. Ему всего двадцать пять лет, но посмотрели бы вы на него — старик! Душа кровью обливается от такого зрелища!

Лечился мой сын уже два раза. Прошел по полному курсу всех положенных лекарств. Но толку нет. Становится только хуже. Если после первого лечения он продержался без выпивки почти полгода, то сейчас покатился по наклонной буквально через несколько недель. Это при том, что я создала ему дома обстановку почти тюремную.

У меня на душе черно. Прихожу к выводу, что вылечить алкоголика невозможно.

Плачу дни и ночи.

Или правда, что алкоголизм неизлечим, и тогда пусть те, кто спился, докатываются до края? Или все-таки есть надежда, что пропойцу, такого, как мой сын, можно вернуть к нормальной человеческой жизни?»

Что это, если не крик об одиночестве, о полном отчуждении от общества и даже от матери?

Добавим, что читатели ставят и другие вопросы. Например, какова роль семьи в том, чтобы поднять пьющего к нормальной жизни? Может ли помочь семья? Как правильно вести себя, скажем, жене при пьющем муже или мужу, если пьет жена? Как поступать друзьям дома?

Таким образом, и наш разговор должен, видимо, построиться вокруг проблем, связанных с семейным, бытовым аспектом отчуждения пьющего человека и воскрешения его к здоровым контактам с близкими, с об-

ществом. Тем более что дом, семья стали теперь главным «вместилищем» пьянства, поскольку из мест «официальных» его удалось за последние годы основательно потеснить.

В. В. Грушин, врач-психолог НИИ скорой помощи имени Н. В. Склифосовского. Давайте начнем вот с чего. Разберемся, что такое пьянство с точки зрения психологии человека. Постараемся уяснить, почему тянутся к рюмке. Это ведь важно знать. В том числе и тем, в чьей семье есть это горе — пьющий человек.

Известно, что питье не может принести радости как таковой. Питье — это скорее «посредник», способный как-то упростить путь к радости, к удовольствию, объяснить, почему человек пьет, практически очень трудно, почти невозможно. Ведь это то же самое, как сделать попытку ответить на вопрос, почему человек хочет радоваться, хочет быть в том или ином необычном, «не приевшемся» состоянии.

Видимо, потребность переживать такого рода состояние присуща самой природе человека. И всю свою историю человечество так или иначе искало выходы из обыденности. Скажем, что такое средневековые рыцарские турниры? Или что такое ссоры влюбленных? Недаром ведь сказано: милые бранятся — только тешатся. Иными словами — сбрасывают налет привычности, способный «затянуть» серой пеленой даже праздник любви.

Отсюда мысль, которую очень важно усвоить: человек должен жить в условиях, которые исключают необходимость употребления алкоголя. Он должен быть научен умению радоваться. Он должен уметь «уходить» от обыденности в мир книг, искусства, спорта, товарищества, если хотите — религии.

Мы пока не можем похвастаться уровнем воспитания в семье, школе, гарантирующим получение той гармонической личности, которой посильна эта задача.

Значит, нужно искать выходы для сегодняшнего дня. На мой взгляд, это самые разнообразные сообщества людей. И не нужно пугаться и шарахаться, полагая, что куда-то не туда может завести молодых та или иная групповая общность.

Известны, скажем, случаи такого рода. Парень в тяжелом состоянии наркотической «ломки» прибрел в общину, где шло моление. Поняв, что с ним, люди стали молиться за него. И это эмоциональное потрясение — молятся за него! — вытянуло парня.

Н. А. Вагин, научный сотрудник НИИ скорой помощи имени Н. В. Склифосовского. А знаете, почему «вытянуло»? Его не карали. Его жалели! К нему были гуманны. Я думаю, здесь стоит поразмышлять вот над чем. Ведь мы все, и врачи, и просто граждане, видим: карающие, устрашающие меры по отношению к пьющим не дают результатов.

Кстати, даже письмо, с которого начался наш разговор, объективно подтверждает эту истину. Женщина признается, что создала сыну, вернувшемуся домой после лечения от алкоголизма, обстановку «почти тюремную». А результат — обратный желаемому.

Причем, мне вполне понятно, почему женщина в своем доме пошла по отношению к пьющему сыну по пути, так сказать, самому жесткому. Ведь этому ее учит общественное отношение к пьющим: запрещать, карать, изолировать...

Ведущий. То есть оказывать дополнительное давление на больного. Он живет в постоянном ожидании кары, в страхе, от этого ему, конечно, не легче. Где ж ему голову преклонить? Вот тут время вспомнить о сообществе, которое, по нашим наблюдениям, как раз способно помочь пьющему в борьбе с самим собой, о «Московских начинающих». Это филиал АА («Алкоголикс Анонимос»), международной организации анонимных алкоголиков, стартовавшей в США. Что дает

АА? Возможность исповедаться, открыться понимающим людям всю боль своей души, что очень важно любому человеку, а этим больным тем более. Они помогают избавиться от алкогольной зависимости. Как? На основе 12 заповедей АА, делясь опытом, с уважением относясь друг к другу, друг друга любя. Они называют АА духовным мостом между людьми, возрождающим забытые чувства, возможности, например, «роскошь человеческого общения». Есть еще много аспектов, подтверждающих, что АА — это реальная помощь алкоголикам.

О результатах «Московских начинающих» говорить пока рано: сообщество организовалось сравнительно недавно. Но международный опыт показывает: клубы анонимного общения спасли более миллиона жизней.

Начало положено и у нас. Его положили сами лечащиеся алкоголики. И все-таки дело идет со скрипом. Само окружение, общественный настрой пока весьма антагонистичны по отношению к больным алкоголизмом.

Вагин. Вспомним: мы отменили больничные листы для пьяниц. На работе мы всячески изобретаем, как бы похлеще их зацепить. Тут и публичное осмеяние в стенном «Еже» или «Крокодиле», тут и выбрасывание из очереди на жилье и так далее.

Но можно ли представить себе такую же «суровость», скажем, по отношению к онкологическому больному? Да никогда! Просто невысказано. А между тем алкоголик — такой же больной. И тоже редко излечимый. Редко — потому что пока мы (я имею в виду медицину и общество в целом) плохо ищем пути, способные привести к исцелению. Мы упорно держимся за приемы и средства, которые давно доказали свою несостоятельность. Мы упрямы, вместо того чтобы быть подвижными в своем поиске и прежде всего — гуманными. Алкоголизм — это физическая зависимость че-

ловека от алкоголя, это зависимость, когда состояние облегчается новым приемом спиртного. Значит, гуманизм требует лечить, а не карать.

В чем суть лечения?

Грушин. Я думаю, суть проста. Допустим, медикаментами, иной терапией человека вывели из состояния зависимости от рюмки. Но ведь он попадает в ту же среду, которая привела его к алкоголю. Значит, задача врача в том, чтобы в ту же среду он вернулся другим. А роль семьи — жены, матери, всех окружающих в том, чтобы помочь ему стать другим (как это делают клубы анонимного общения).

И вот эта задача — самая трудная.

Вагин. А я бы подчеркнул, что это задача и общества, и трудового коллектива, в который он вернется.

По-моему, нужно сформировать общественное мнение так, чтобы оно видело в человеке, преодолевающим тягу к алкоголю (а это — пожизненный процесс для бывших алкоголиков), — сильную личность, заслуживающую уважения.

И еще. Была у человека водка. Приносила ему «кайф». Как помочь ему получать «кайф» без алкоголя, коль он вступил на путь трезвости? В нашем обществе таким средством могут быть деньги, другие материальные блага. Пусть человек, не пропивший зарплату, испытает радость, истратив деньги на что-то интересное, престижное для него.

Вот кому-то, возможно, моя мысль покажется бредовой, но я прямо по предприятиям продавал бы тем, кто преодолевает в себе пьяницу, самые лучшие товары! И в санаторной или туристической путевке я бы не отказывал такому человеку (его ведь вычеркивают из списков), а спешил к нему с предложением престижной поездки, увлекательного отдыха. Бредовой моя мысль покажется тому, в чьем представлении алкоголик — это безвольный подзаборник. Но, надеюсь, меня

поймет каждый, кто знает, что алкоголизм — это очень трудно излечимая болезнь. И корни этой болезни — социальные.

Ведущий. Все, о чем мы сейчас говорим, напрямую адресуется и семье.

В. Д. Москаленко, доктор медицинских наук, руководитель отделения генетики ВНЦ медико-биологических проблем наркологии Минздрава СССР. Несколько месяцев назад я вернулась из Америки. Я там знакомилась с постановкой борьбы за трезвость именно в семье. И была поражена тем, насколько серьезна в США эта работа.

Кстати, на днях, вот посмотрите, я получила открытку от американки, в семье которой мне довелось побывать. Она — мать шестерых детей. Двое из них — алкоголики. Открыткой она сообщает, что один из этих больных только что отпраздновал семь месяцев со дня своего второго рождения — со дня отказа от алкоголя. Праздник был семейным, очень радостным.

Ну а когда я только познакомилась с этой женщиной, то узнала: для того чтобы помочь своим сыновьям, она в свое время поступила на специальные курсы. Эти курсы вооружают знаниями о болезни, знаниями о том, как правильно вести себя с такими больными, чтобы добиться исцеления.

Пройдя курсы, человек становится настоящим помощником в деле борьбы за трезвость. И для своих близких. И для многих других страдальцев.

Я посещала летнюю школу при Ратгеровском университете в штате Нью-Джерси, там занятия длятся неделю. А есть еще и другие, курс которых рассчитан, скажем, на месяц, на полгода. Каждый может выбрать для себя наиболее приемлемый.

И знаете, что интересно. Скажем, жена алкоголика получает такое напутствие специалистов-психологов: «Не будь чрезмерно строгой, придирчивой. Не контро-

лируй мужа. Не окружай запретами. Этим ты ничего не добьешься».

Или: «Не теряй самообладания. Не давай себе утонуть в своем горе. Имей свои интересы. Следи за своей внешностью. Встречайся с друзьями».

В школе, где я занималась, были и психологи, и электрики. Все пришли сюда добровольно, чтобы получить знания. Были здесь и пьющие. С одним из них я разговорилась. Он как раз электрик. Я спросила:

— Почему вы здесь?

Он ответил:

— Я алкоголик в четвертом поколении.

— Вы задумываетесь о пятом? — поинтересовалась я.

— Именно это и привело меня сюда. У меня дочь. Я не хочу, чтобы она повторила мою судьбу.

— Как вы используете свои знания?

— Мне они помогают держаться. И еще я могу помочь тем, кто меня окружает на работе. Могу подсказать, что делать, чтобы избежать деградации, не потерять работу и т. д.

Ведущий. В США есть не только подобные школы, но и детище АА, основанное на его же двенадцати заповедях, содружество «Ал-Анон». Оно объединяет родственников и друзей алкоголиков. И существует для тех, кто признает алкоголизм «семейной болезнью». Для тех, о ком сказал однажды один из организаторов АА Билл В.: «Любая семья, жена и дети, которые вынуждены жить с алкоголиком в течение ряда лет, скорее всего сами обречены быть нервно больными людьми, с искаженной психикой. Это неизбежный процесс».

Москаленко. Мы называем это «коалкоголизм», то есть «сдвиги» у близких в результате проблем живущего рядом алкоголика.

Ведущий. Вот что рассказала об «Ал-Аноне» Мэри, приехавшая к нам в страну погостить из США:

«Когда я училась в колледже, мы с мужем много пили, особенно он. Однажды, когда он был очень пьян, я позвонила в АА, и там мне посоветовали обратиться в «Ал-Анон». Я начала ходить на их собрания. В результате поняла, что изменение моего отношения к мужу и должно стать той силой добра, которая способна ему помочь. А еще я поняла, что сама больна алкоголизмом и нуждаюсь в такой помощи, тогда пришла в АА. С тех пор прошло много времени, в корне изменилась моя жизнь. И больше всего на земле я люблю моих друзей из АА».

Грушин. Это очень важно, то, о чем вы говорите. Американец не боится сказать: «Я — алкоголик». Не боится, потому что его не стыдят. Наоборот, его уважают: он преодолагает тягу к спиртному, он — сильный.

У нас же такого нет. Ни в обществе. Ни в семье. Покарать — проще простого. А помочь... В чем, с моей точки зрения, суть АА? Они ведут себя как алкоголики, только у них происходит смена «кайфа». Нельзя вылечить алкоголизм, но можно добиться стойкой ремиссии, что и происходит в анонимных клубах.

Где же у нас поиск форм — как подойти к пьянице, чтобы он пришел к идее необходимости исцеления?

Вагин. А путь к исцелению — это всегда индивидуальная работа врача с пациентом. И тут очень важно, каков врач. Так же как в семье, где есть пьющий, важно, каковы близкие. Очень существенно, чтобы не «каратели» заставили человека лечиться, а он сам (с помощью близких) пришел к выводу, что это ему необходимо. И знаете, что еще очень важно? Он должен знать, что если он пойдет лечиться — то ему действительно помогут!

Кстати, для подавляющего большинства больных крайне важен принцип анонимности, не только для

свободного общения, но и при лечении. Теперь представьте, каких успехов может добиться жена, которая на весь дом кричит: «Ах ты, чертов алкоголик!»

Грушин. К нам в больницу, как правило, приходят с идеей: «Научите пить умеренно...»

Вагин. Да-да. Мало кто идет с идеей полной трезвости. Приходится объяснять: вы не научитесь пить умеренно. Дорожка проторена. Вы — алкоголик.

Вот тут и начинается работа. Мы по многу часов разговариваем. Чтобы выявить в человеке все хорошее, что в нем еще не погибло. Найти. Запомнить. А потом — гипноз. Чтобы «поднять» человека. Поднимаем. И уже затем вместе с ним внимательно просматриваем, что же он понаделал, понатворил в своей жизни.

Так работаем мы — психиатры, мы лечим не алкоголизм, а личность.

Наверное, что-то поучительное здесь может почерпнуть и тот близкий больному человек, который хочет способствовать его излечению. Поднять павшего трудно. Но считать эту задачу безнадежной было бы ошибкой. Ходят по земле, трудятся, смеются, любят, растят детей люди, стоявшие некогда на краю пропасти. Будем же оптимистами.

Кстати, именно оптимизм привел нас к идее кооператива, в котором будет проводиться анонимное лечение от алкоголизма.

Скоро такой кооператив заработает.

Бедуший. Значит, это еще одна надежда для алкоголиков, для их близких, для вас, читатели, незримо присутствующие за нашим «круглым столом». А поднять человека, вытащить из трясины небытия, называемого алкоголизмом, из мрака отчуждения, одиночества и потерянности не поздно и в шестьдесят лет. Во всяком случае, специалисты это утверждают.

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

Ведущий. Обратимся к письмам. К письмам девочек об отношениях с матерями. К письмам матерей.

«Мой лучший друг мама...» Каждый год в предмартовские дни тысячи школьников пишут на эту тему сочинения. Пишут о материнской ласке и заботе, о неумолимых материнских руках, о бессонных материнских ночах. Пишут о достижениях своих мам в труде и творчестве, о мужестве в испытаниях. Наивные коротенькие сочинения младших и большие, полные серьезных наблюдений и зрелого чувства сочинения старших. Они могут составить светлую книгу о материнстве, написанную детьми. Но вот парадокс: врачи, педагоги, журналисты все чаще сталкиваются с ситуациями, когда либо дочь, либо мать взывают: «Вмешайтесь, разберитесь, подскажите, помогите!» Это мольба тех, кто хочет иметь маму-друга, дочь-друга и у кого эта мечта, это стремление не сбываются.

Письмо из Узбекистана от Аси Д., тринадцати лет:

«Почему, за что мама так несправедлива ко мне? Я стараюсь выполнять все, что она говорит. Я понимаю, она приучает меня к труду, и я убираю комнаты, подметаю двор, ухаживаю за Ромой и Раей. Но всегда чего-нибудь не успеваю к мамину приходу. Она долго мне все объясняет всевозможными ругательствами и часто пощечинами. Она мне ничего не прощает. Мама мне ничего не разрешает. По ее словам, читать — глаза портить, вышивать — время тратить, играть — «большая кобыла». А мне так хочется ее любить... Мы с подругами приготовили подарок к мамину дню рождения. Вышили косынку и фартук, положили в красивый пакет и собрали букет. Но мама на подарок смотреть не стала, цветы бросила на помойку. Я очень плакала, а мама закричала: «Не реви! Что я тебя об-

лизывать должна за твой веник?» Она часто называет меня «дармоедка», «слепая карга».

Я больше не могу жить с мамой. Пожалуйста, помогите мне уехать в Уфу к дедушке с бабушкой или устроиться в интернат».

Письмо из Москвы, от Ксении Т., одиннадцати лет:

«Я нахожусь то у мамы, то у бабушки. У бабушки я делаю уроки, с бабушкой летом мы куда-нибудь уезжаем. У бабушки я отдыхаю. А у мамы я работаю. Там двое маленьких детей. Славику три, Саше годик. Мне с ними приходится все время заниматься, и я очень устаю. К бабушке меня отпускают, когда дети выкупаны, накормлены и уложены спать, и я не успеваю делать уроки. Бабушка просила маму отпускать меня пораньше, но мама велела ей не вмешиваться и сказала, что если захочет, то вообще не будет отпускать. Я этого очень боюсь...»

Письмо из Уфы, от Светланы Н., шестнадцати лет:

«У нас в семье существует нетерпимость к правде и эгоизм. Я так и сказала маме: «У вас с папой товарно-денежные отношения». Отец дает ей деньги, она покупает вещи — вот вся жизнь. Мне тоже покупает. За каждую вещь требует благодарности. Сегодня она опять стала говорить, какие кофточки продаются в магазине. Я не выдержала и закричала: «Не падо мне кофточек! Я голая согласна ходить, ты только выслушай меня хоть раз!» Когда я пробовала ей говорить: «Ты меня не понимаешь», она мне ответила: «Я понимаю, когда вызывают в школу и говорят о твоей неуспеваемости». Хочется бежать отсюда. Я пробовала пойти работать, чтобы никак, ни материально, ни морально, не зависеть от родителей, но меня не взяли. Через месяц мне будет шестнадцать, но я не хочу, чтобы они даже поздравляли меня. Я не хочу жить с ними...»

Письмо из Житомира от М. Н. — матери тринадцатилетней Наташи:

«Когда родилась Наташа, счастливей меня не было. Именно потому, что родилась девочка. Вот кто будет понимать меня, любить, думала я. А сама уже была переполнена любовью.

Что случилось потом?.. Сейчас я почти ненавижу Наташу. Неуклюжая, неряшливая какая-то, толстая. Пытаюсь ограничить ее в еде — слезы: «Ты меня голодом моришь...» Пытаюсь увлечь физкультурой — ни в какую, ленива. Учится без интереса, плохо. На работе стыдно за нее. И что меня больше всего бесит: к вечеру прихорашивается, даже волосы щипцами подвигает (это вместо того, чтобы лишний раз душ принять) и — на улицу. А там — «стая», такие же, как она, девчонки. Куда-то спешат. Чему-то радуются. Жду ее, волнуясь. А придет — не знаю, какими словами отругать. Так и живем...»

Письмо из Москвы от Р. Г., матери двадцатидвухлетней Марины:

«...Такой эгоистки, как моя дочь, я не встречала за всю свою пятидесятилетнюю жизнь... По характеру работы я имею право на пенсию с сорока пяти лет. Я и собиралась уйти. Марина в крик: «Ты что, с ума сошла, в пенсионерки записываться?» Было ей тогда семнадцать. Подумала я, подумала, решила остаться. А тут дочка моя возьми да выскочи замуж, да приведи мужа в нашу квартиру, да роди сразу. И началось: «Мам, ты когда на пенсию уйдешь?.. Мам, мне одной с Олечкой трудно... Мам, держи Олечку, мы с Юрой в кино... Мам, дай десяточку до получки, ты же богаче всех у нас...» А то, что я после работы усталая — на это ноль внимания. А то, что я себе три года обновок не покупала — тоже не замечает.

Как жить? Сейчас трудно, а впереди-то старость...»

Ведущий. Мать и дочь — близкие из близких... Увы, живя под одной кровлей, они порой оказываются не вместе, а всего лишь рядом. Много говорено об ост-

рой горечи супружеского «одиначества вдвоем». Ну а у матери и дочери «одиначество вдвоем» разве не еще тяжелей, не еще противоестественней? Что, если сделать попытку проанализировать эти письма сейчас, за нашим «круглым столом». Быть может, это даст кому-то в дальнейшем добрую подсказку, как повести себя в том или ином случае. А точнее — даст подсказку, как же реально воплотить в отношениях с дочерью любовь, как избежать нелюбви.

Орлов. Есть такое выражение: благими намерениями вымощена дорога в ад. Я бы перефразировал: благими намерениями вымощена дорога в одиночество, в отчуждение...

Каждое из писем, приведенных здесь, представляет собою маленький человеческий документ, отражающий характер семейных отношений, сложившихся из повседневных забот, радостей и неприятностей. Эти отношения, если смотреть на них глазами психолога, не являются результатом какого-то злого умысла или особой жестокости и испорченности как детей, так и матерей. Они чаще всего поддерживаются благими намерениями, искренней заботой о детях и, более того, стремлением сделать их трудолюбивыми, талантливыми, умными, способными на большое чувство.

Однако ни родители, ни дети не в состоянии задуматься над тем, как, к каким последствиям приводят эти их сознательные и в общем-то благие усилия. Родители об этом не задумываются по разным причинам: некогда, нет нужных знаний по психологии человеческих отношений, мешают раздражение и гнев, чувство стыда или страх за детей и многое другое. Достаточно прочесть внимательно письма, как станет видно, что родители не замечают тщетности своих воспитательных усилий. Например, мама Аси Д. из Узбекистана настолько занята трудовым воспитанием своей дочери, что не замечает того, что это превращается в безза-

стенчивую и отчужденную эксплуатацию домашнего детского труда. Но поскольку девочка не успевает и, видимо, не умеет все хорошо делать, это раздражает мать и их отношения становятся насыщенными страхом и недружелюбием. Раздражение настолько велико, что мать не может удержаться от крайностей, каковыми являются пощечины, оскорбления и издевательство. То же происходит и с Ксенией Т., правда, ее не бьют. Если бы спросить этих мам, как понимают они свои отношения с дочерьми, то они, как правило, будут говорить о своем благом воспитательном устремлении, а раздражительными и агрессивными они становятся лишь только потому, что их дочери не соответствуют их ожиданиям, им стыдно за них и от этого они, матери, приходят в трудно сдерживаемую раздражительность и временами испытывают ненависть к своим детям. Дочери отвечают тем же, так как вражда рождает вражду, ненависть рождает ненависть... При этом как родители, так и дети остаются в неведении относительно того, что РАДОСТЬ рождает РАДОСТЬ и ЛЮБОВЬ рождает ЛЮБОВЬ.

Ведущий. Юрий Михайлович, вы психолог. Раскройте для читателя (а возможно, и упомянутых родителей и детей) механизмы, которые порождают такого рода отношения. Можно ли эти отношения изменить, можно ли ненависть сменить на любовь, раздражение и гнев — на спокойствие и мир?

Орлов. Для начала хорошенько запомним формулу: **ни одно переживание не проходит бесследно.** Что такое результат переживания радости или страдания? Это характер тех следов, которые остаются. Если радость сочеталась с каким-либо поведением или ситуацией и если это достаточно часто повторялось, неизбежен результат: данное поведение станет усиливаться, желание к повторению будет возрастать. Таков закон психологии. Обращаясь к жизни школьника, скажем:

если работа по дому, выполнение уроков, общение с кем-либо будут сопровождаться приятными переживаниями, постепенно эти поступки приобретут способность сами по себе вызывать приятные переживания, точнее, ожидание приятных переживаний. Можно сказать, если работа по дому будет сочетаться с радостью, приходящей от близких или от самого результата труда, то постепенно будет образовываться любовь к этому труду. Мама, понимающая данный механизм, будет стремиться к тому, чтобы выполненная дочкой работа, пусть самая незначительная, вызвала не только одобрение, но и неподдельную радость. Радость заражает ребенка. Как говорят психологи, вызывает эмоциональное подкрепление. Сама того не замечая, мама будет способствовать развитию любви к домашнему труду.

А что будет происходить, если всякий раз, когда домашняя работа не сделана, мама примется вызывать у ребенка плохие чувства? Стремясь избавиться от неприятностей, ребенок будет выполнять мамини задания. Но труд превратится для него в средство защиты, избавления от неприятностей. Труд станет **защитно-оборонительным поведением**. Ребенок с такой установкой не сможет сам по себе, без принуждения и толчков извне выполнять работу. А главное — она не принесет ему радости.

Дети, выросшие в семье, где их добродетели, скажем, трудолюбие, постоянно поддерживаются страхом наказания, становятся ленивыми. Появляется склонность избавляться от общения с родителями. Поддерживаемые постоянным страхом наказания добродетели погружаются внутрь, становятся бессознательными. Появляется постоянное чувство вины и страха, причину которых сам ребенок может и не понимать. Образ матери или близких в этом случае приобретает способность сам по себе вызывать тяжелые чувства, принуж-

дающие к отчуждению от дома. Это отчуждение не остается незамеченным. Оно вызывает в матери раздражение и даже ненависть.

«Сейчас я почти ненавижу Наташу», — пишет одна из матерей. Она видит: Наташа способна испытывать радость общения только вне дома. «Куда-то спешат. Чему-то радуются. Жду ее, волнуюсь. А придет — не знаю, какими словами отругать. Так и живем...» Читателю нетрудно увидеть: образ матери в душе Наташи насыщен сильными эмоциональными переживаниями с отрицательным знаком. Специалисты в таких случаях говорят: между матерью и ребенком возник эмоциональный барьер. Этот барьер и является границей, которая отделяет мать от ребенка, границей ОДИНОЧЕСТВА В СЕМЬЕ. «Ребенок передо мной, — сознает мама, — но я одна».

Такого рода барьеры могут сформироваться в связи с домашним трудом, в связи с подготовкой уроков, с переживаниями, возникающими в отношениях матери и детей.

Ведущий. Юрий Михайлович, не таков ли и механизм отчуждения супругов, супругов и их родителей, братьев и сестер, друзей?

Орлов. Да, он тот же. ОДИНОЧЕСТВО ПОРОЖДАЕТСЯ ИСКУССТВЕННО, В НЕПРЕДНАМЕРЕННОМ ПОСТРОЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ БАРЬЕРОВ.

Чем больше неприятных переживаний испытывает человек в своем окружении, тем в большей степени он отделяется, внутренне отгораживается от окружающих. Так и оказывается он одиноким в окружении семьи, коллег, знакомых. И не имеет значения, откуда берутся плохие переживания, чем или кем они порождаются. Неприятности могут быть следствием несовершенства, эгоизма и глупости самого человека, страдающего от одиночества. Они могут быть и следстви-

ем особенностей характера окружающих его людей, членов семьи, матери.

Однако отрицательные эмоции могут оказаться и результатом сильного желания принести благо другому. Скажем, мать, которая стыдится за дочку (она-де полновата, выглядит некрасиво), может с такой настойчивостью (угрозами, окриком) принуждать к соблюдению диеты, что результат будет обратным желаемому. Возникнут стойкие эмоциональные барьеры в общении. Рождается одиночество. Страдает мать, еще больше — ребенок, в котором образуются невротические комплексы, чувство неполноценности.

Это чувство в какой-то степени ослабевает в общении вне дома, с подругами, которые принимают девочку такой, какая она есть, а возможно, и не считают столь уж непривлекательной, играют с ней.

А теперь предположим, что подружки будут вовлекать такого подростка в порочные развлечения, соблазнять возможностями радости в сексе, опьянении, курении, наркомании. Могут справиться слабые силы самоуважения ребенка с таким искушением? Вероятнее всего, нет. Человек, полностью лишенный поддержки дома, семьи и, следовательно, уже одинокий, потянется за случайной радостью...

Давайте запомним, что сила порока не в самом пороке, а в ослаблении добродетели, вызванной потерей связей с другими, в страдании одиночества, в отсутствии любви.

Последствия насилия и наказания разнолики. Это страх перед тем, что тебя будут бить, это и утонченные страдания, болезненные. Они могут терзать душу ребенка чувством вины, стыда или своей полной ненужности, одинокости или презрения. Последствия чрезмерной дисциплины, когда ее диктует чувство вины, сравнимы с последствиями от прямых оскорблений.

Повторяю: ни одно переживание не проходит бесследно!

Знание этой формулы полезно, так как каждый из нас, будь это отец или мать, муж или жена, друг или подруга, знает, что переживания накапливаются и создают довольно устойчивые психические образования, изменяющие характер и работу нашей души. Отрицательные переживания создают комплексы, эмоциональные барьеры, одиночество, тревогу и страх даже в ситуациях, когда нет никакой угрозы. Положительные переживания создают внутреннюю энергию тех поступков, которые они сопровождают и награждают.

Ведущий. Но тогда почему, стремясь к хорошей цели, папы и мамы, мужья и жены создают эмоциональные барьеры и одиночество?

Орлов. Ответ один. От невежества, нетерпимости и эгоизма. Правда, эти слова сами по себе ничего не объясняют, если мы не понимаем тех душевных движений, механизмов, которые при этом действуют.

Культивирование радости в человеческих отношениях является наилучшей стратегией воспитания. Точнее, имя этой радости — любовь. Именно любовь блокирует стремление одного человека манипулировать другим, превращать его в орудие достижения своих целей. Ведь любовь представляет собою способность человека испытывать радость от радости другого, способность наслаждаться наслаждением другого. Это установка на другого человека, чтобы самому насладиться отраженной его радостью.

Любовь побуждает мать строить свои отношения с ребенком так, чтобы не производить на него отрицательное воздействие, не вызывать в нем боли. Ведь эта боль немедленно отражается в сознании и душе матери и причиняет ей еще большую боль. Можно сказать с уверенностью, что любовь — первый и надежнейший предохранитель матерей от глупостей и жестокости.

Когда мать приходит в ярость от того, что ребенок ее получил двойку или совершил проступок, в ней говорит не любовь, не забота, не стремление причинить благо ребенку. Здесь налицо ущемленная гордость, тщеславие (ребенок не оправдал ожиданий, ребенок недостаточно красив и т. д.). Это проявление примитивного самоутверждения и компенсации своих недостатков через ребенка, то есть простой эгоизм, себялюбие. Именно эти чувства и движут матерью, которая наивно полагает, что она бьет или устраивает моральный террор ребенку в семье ради его же блага, так как она сильно его любит. Нетрудно понять, что кошмар одиночества и отчуждения, частично приоткрытый в приведенных выше письмах, проистекает из **НЕДОСТАТКА ИЛИ ОТСУТСТВИЯ ЛЮБВИ.**

Когда нет любви, люди склонны манипулировать друг другом и приспособливать более слабого для выполнения своих дел, удовлетворения своих потребностей, склонны превращать другого человека в **СРЕДСТВО.** Но если человек любим — он становится **САМОЦЕЛЬЮ И ДОЛЖЕН БЫТЬ САМОЦЕЛЬЮ!**

Страдания родителей — следствие того, что они не смогли воспитать в детях любовь к себе. Вот тогда-то и дети становятся беспощадными к своим родителям.

Одна центральная газета опубликовала целую подборку материалов о том, как дети прилагают усилия, платят деньги, преодолевают бюрократические препоны, с необыкновенным рвением добиваясь возможности спровадить своих родителей в дома престарелых. А сколько родителей, которые сами спасаются от собственных детей в богадельнях! Мы думаем, это происходит от того, что старые родители невыносимы, не понимают младших, или полагаем, что уж очень плохие дети у них выросли, эгоисты. В ожесточенной борьбе за престиж, деньги, статус отбрасывают с дороги все, в том числе и стариков-родителей. Но мы

почти не задумываемся над подлинными причинами этих явлений. А они — в отсутствии любви.

Отсутствие любви порождает **НЕТЕРПИМОСТЬ**. Это когда думают, что любить можно только хороших, умных, прилежных, добрых, талантливых, ласковых. Люди часто нетерпимы к слабости, усталости, подавленности, болезни, страху, стыду, чувству неполноценности другого человека. Когда родители объединяются со школой на основе принципов принудительной педагогики, завуалированной возвышенными словами «долг», «ответственность» и другими, то неминуемо возникают переживания, создающие мощные эмоциональные барьеры между поколениями в семье, неминуемо возрастают масштабы одиночества детей в семье со всеми последствиями, о которых родители не задумываются.

Надо задуматься. Однако для этого надо располагать знаниями о психологии человека. А если этих знаний нет? А если хорошую книгу по психологии семейного воспитания невозможно купить? Если они вообще не выпускаются? Если курса семейного воспитания нет даже в учебном плане пединститута, не говоря уж об институтах культуры или медицинских институтах? Как думать, если нет необходимой специальной подготовки, необходимой грамотности?

Когда нет любви — другой человек рассматривается как средство. Общение выступает как взаимодействие разумных эгоистов. Следствие этого — блокирование возможности познания человека человеком. Другой человек в этом случае воспринимается просто как совокупность способностей и возможностей, как совокупность плохих и хороших черт, а не целостно. Когда нет любви между родителями и детьми, возникает тенденция расчленения целостности индивида на отдельные свойства. Отношения приобретают шизоидный, как говорят психиатры, характер. Если мать преуспела

в этом манипулировании детьми (заметим, даже из благих побуждений!), то ребенок начинает себя воспринимать как совокупность хороших и плохих свойств, а не целостно. Происходит саморасчленение, которое завершается состоянием ОДИНОЧЕСТВА. Сейчас в психиатрии даже появился термин — ШИЗОФРЕНО-ГЕННАЯ МАТЬ. Им обозначается крайняя степень отчуждения, потеря эмоциональных связей, достигаемая за счет усилий такой матери. Здесь полностью теряется как способность к пониманию другого человека, так и способность к самопониманию. Страдания, порождаемые этим состоянием, невыносимы, и понятен крик о помощи: «Не надо мне кофточек! Я голая согласна ходить, ты только выслушай меня хоть раз!» Однако мать не в состоянии выслушать, она не понимает. Не зря она говорит дочери в ответ: «Я понимаю, когда вызывают в школу и говорят о твоей неуспеваемости». Мама честно призналась, что она воспринимает только школьные способности дочери к арифметике или литературе. Но она не понимает своего ребенка в целом, как человека. Не понимает ее души, индивидуальности и боли, которая разрывает девочку изнутри.

Когда школьники в сочинениях пишут, что любовь — это способность понимания другого, они интуитивно подмечают важное свойство любовных отношений людей. Однако было бы неправильно думать, что любовь происходит от понимания. Скорее наоборот: первична любовь, именно благодаря ей происходит понимание.

Первичность любви в отношениях людей не просто панацея от одиночества. Любовь является необходимым условием нормальной жизни человека и формирования его лучших свойств. Благодаря любви процесс воспитания человека «становится на автомат». Хорошо известно, что приятные, положительные переживания, если они подкрепляют какое-то поведение,— развивают

это поведение. Если труд, учение будут сопровождаться приятными переживаниями, как мы уже заметили выше, возникнут трудолюбие и любовь к учению.

Ведущий. Юрий Михайлович, раскройте, пожалуйста, «механизмы», с помощью которых родители скрывают нелюбовь к детям.

Орлов. Когда нет любви, родителям приходится быть очень внимательными и бдительными, чтобы вовремя положительно подкрепить трудовые усилия ребенка. При отсутствии любви возможности положительного эмоционального подкрепления малы: придется дать ребенку конфетку, или пообещать отпустить в кино, или еще кое-что сделать. Нужно быть бдительным, чтобы не пропустить случай и наградить ребенка за успех. Сколько забот! Придется постоянно думать о ребенке. Тут и работать некогда. Трудно без любви воспитывать.

В любовных же отношениях этот процесс межличностного взаимодействия, ведущий к положительному эмоциональному подкреплению нужного поведения, происходит автоматически. Ведь любовь как раз и состоит в том, чтобы переживать переживание другого. Если поведение ребенка соответствует системе ценностей матери или отца, само восприятие этого факта — радость для родителя. Эта радость по закону любви производит отраженную радость в ребенке. Оказывается, что он автоматически (по законам межличностного взаимодействия) получает сильное подкрепление своего поведения! Оказывается, для воспитания при наличии любви достаточно просто жить и непосредственно воспринимать ребенка, близко, непосредственно и живо радоваться или страдать по поводу событий его жизни. Если близкий совершает поступок, неприятный другому, то это отрицательное переживание немедленно вызывает, усиленное тоже, отрицательное переживание в виновном и способствует подавлению нежела-

тельного поведения ребенка или даже мужа. Оказывается, не надо стоять с ремнем над ребенком, грозя немедленным возмездием за проступок. Эту работу берет на себя богиня любви и незаметно делает свое дело изнутри. Воспитание ставится «под автомат». Наказание и плохие переживания приходят изнутри, из совести, из самосознания провинившегося, а не извне — от матери или отца. Их образ остается насыщенным хорошими, а не плохими чувствами. Любовь, воспитывая, не угрожает возникновением барьеров одиночества.

Ведущий. Иногда говорят: «Любовью можно испортить. Пороки кроются в чрезмерной любви. Держи тело в холоде, душу в страхе — и вырастет хороший человек».

Орлов. Твердо скажу одно: закаливание помогает. А насчет остальных рекомендаций следует особо поразмыслить...

* * *

Ведущий. Мы озаглавили эту главу строкой Марины Цветаевой. Приведем все стихотворение:

Новый год я встретила одна.
Я, богатая, была бедна,
Я, крылатая, была проклятой.
Где-то было много-много сжатых
Рук — и много старого вина.
А крылатая была — проклятой!
А единая была — одна!
Как луна — одна, в глазу окна.

О чем эти стихи? О том, сколь бедным становится тот, кто одинок, даже при всем великолепии молодости, сил, красоты... И размышления этой главы — о том, какие пути-дороги в человеческих отношениях помогают обойти эту горькую долю стороной.

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

КАК ВАЖНО БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Ведущий. В этой главе хотелось бы сделать еще одну попытку сообща поискать, какие пути помогают избежать одиночества. Прямых рецептов тут, конечно, быть не может: сколько людей, столько характеров. Но что-то общее, главное существует. И о нем следует знать.

Помните, у Блока: «Благословляю все, что было! Я лучшей доли не искал. О сердце, сколько ты любило! О разум, сколько ты пылал!»

Однажды мне довелось услышать эти строки из уст поэта Павла Антокольского. В подмосковном Шахматове, на зеленой поляне вблизи бывшей усадьбы Бекетова — деда Блока, шел поэтический праздник. Меня поразило тогда, что из великого множества стихов Блока Антокольский (а ему тогда было за восемьдесят) выбрал эти строки. И читал он их, не подберу более точного слова, восторженно!

Потом нередко думалось: почему старый поэт выбрал столь оптимистические строки? И приходил ответ: видимо, они соответствовали умонастроению Антокольского. И это вызывало новую волну удивления. Ведь на долю Павла Антокольского выпало немало трагических дней. Вспомните его пронзительную поэму «Сын», ее финал:

Прощай, моя радость,
Прощай, мое солнце,
Прощай, моя молодость,
Милый сыночек.
Пусть этим прощаньем
Окончится повесть
О самом глухом из глухих одиночек...

ских пауков, профессор Юрий Сергеевич Николаев. Вот кого можно без преувеличения назвать великим оптимистом! А как иначе оценить хотя бы его многочисленные исследования по проблеме лечебного голодания? Это ведь подтверждение капитального запаса «чувства жизни» — планомерная «добыча фактов» о феноменальных возможностях человека, его организма. Да и сама внешность Юрия Сергеевича — тому подтверждение. Не он ли — перешагнувший рубеж восьмидесятилетия — подтянутостью, элегантностью, молоджавостью едва ли не превосходит всех нас, собравшихся за этим столом?

Юрий Сергеевич, скажите, в чем ваш секрет молодости?

Николаев. В увлеченности. Наука требует страсти, самоотдачи, самоотверженности, если хотите, одержимости. Разве иначе можно добиться ощутимых результатов? Так, впрочем, и в любом деле, выбранном на всю жизнь.

Ведущий. Расскажите, как вы строите свой рабочий день.

Николаев. Встаю в шесть утра, и целый день — ни секунды свободного, «ленивого» времени. А были годы, когда мне и суток не хватало. Но я был счастлив! Не одна интересная книга осталась непрочитанной, не один хороший спектакль я пропустил, а не жалею. Я шагал по дорогам науки, отдавая ей все. Я до сих пор поклоняюсь тому же идолу.

Ведущий. Считаете ли вы себя оптимистом?

Николаев. Безусловно. Жить в таком режиме и ритме, как я, по силам только оптимисту. Пессимист давно сложил бы «крылышки».

Ведущий. Как вы считаете, откуда в человеке оптимистическое начало?

Николаев. Из семьи, безусловно. — Я очень многим обязан своему отцу, Сергею Дмитриевичу. Он был

экономистом. Перевел с английского несколько книжек прогрессивного американского экономиста Генри Джорджа, который еще в конце прошлого века писал о причинах промышленных застоев и бедности в США.

Мое знание английского языка идет от отца, который был полиглотом, от отца же и моя увлеченность, которой он в свою очередь «зарядился» от Генри Джорджа.

Отец верил в силу разума и был большим энтузиастом. Сейчас трудно представить себе, но отец ездил и к Столыпину, и к царю Николаю Второму, пытался доказать неверность налоговой системы на землю. От отца же мне передалась любовь к Толстому, близость его философии. Согласно отцовским принципам однажды наша семья оставила Москву и уехала жить на Кубань, чтобы быть ближе к земле, работать на земле.

Я благодарен родителям за эту школу. За то, что я занимался тяжелым физическим трудом и в нем закалился, за то, что полюбил ходить босиком по росе... Сколько человек получает от своих корней! И как я признателен родителям за то, что они не скупилась на внимание к нам, детям! Мама, Лариса Дмитриевна, во всем поддерживала отца и тоже была подвижницей. Например, организовала в Москве первую вегетарианскую столовую. Благодаря родителям и мы выросли вегетарианцами... В двадцать лет я заболел полиартритом. Меня вылечил друг нашей семьи — врач Николай Григорьевич Судковой. Вылечил голоданием. И я увлекся этим методом лечения. Стал психиатром и продолжал работу в области разгрузочно-диетической терапии. Кстати, люди, которые постоянно воздержанны в еде, гораздо оптимистичнее тех, кто регулярно переедает.

Ведущий. Юрий Сергеевич, увлеченность питает дух, а тело?

Николаев. Кузьминский парк. Здесь я бегаю по

полчаса каждое утро. Вообще все свободное время отдаю спорту — гантелям, упражнениям из йоги. Ем только тогда, когда проголодаюсь. К табаку и спиртному испытываю физическое отвращение. Такими выросли и мои дети: Нина и Валентин. Моя увлеченность, полученная в дар от отца, теперь ведет их в науку. Считаю это одним из важнейших родительских достижений...

Есть поговорка: «В здоровом теле — здоровый дух». Я переиначил ее для себя: «При здоровом духе — здорово и тело».

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД — СЛАДОК

Ведущий. Думается, общий ориентир нами нащупан: ребенка нужно постараться зарядить «чувством жизни». Но вероятно, на этом благом пути родителей подстерегает немало подводных камней — неожиданных ошибок. Вспомним предостерегающее слово Маяковского: «Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп...» Где средоточие наибольших просчетов в семейном воспитании?

Орлов. Готов рассказать об одной из самых распространенных, с психологической точки зрения, ошибок в воспитании. Давайте просмотрим связи таких явлений, как радость ребенка и... возможные запреты, «ставка» в воспитании на запретительство. Мне думается, рассмотреть эту связь важно именно потому, что духовно здоровыми, а следовательно, жизнерадостными людьми хотят видеть своих детей все родители. И едва ли не все совершают поступки, которые напрочь лишают их возможности добиться желаемого.

Ведущий. Вы имеете в виду воспитание с помощью запретов?

Орлов. Да. Прислушайтесь к «жизни», скажем,

скверика, где гуляют мамы и бабушки с малышами. Главенствующей интонацией старших будет здесь: «Не ходи», «Не трогай», «Не бегай»...

Между тем психологический механизм запрета не однозначен и далеко не так безобиден, как кажется на первый взгляд. Не от него ли формула: «Запретное — значит, приятное»? Установка на запрет — всегда следствие системы воспитания в семье, в школе. Воспитание, опирающееся только на запреты, постепенно способствует выработке психологии: «Запретный плод — сладок».

Ведущий. Юрий Михайлович, откуда оно берется — воспитание на запретах?

Орлов. Это всегда прямое следствие домостроевских представлений о том, что дозволенность чего-то развращает и портит ребенка. Ну, раз разрешение портит — нужны запреты! И не подозревает такой родитель, что постепенно ребенок находит пути к преодолению запретов. Появляется новая формула поведения: «Преодоление препятствий повышает удовольствие». Таким образом, само препятствие и запрет начинают выступать как элемент техники получения радости.

Скажем, давно установлено, что мышечная радость и наслаждение от движения у детей становятся сильнее, если движения, резвость — запрещены. Нарушение запрета само по себе уже манит радостью. Если получение удовольствия через нарушение запрета повторяется достаточно часто, происходит социальное научение. Уже маленький ребенок, который недавно начал ходить, старается выбегать на дорогу, так как это запрещено бабушкой, и к удовольствию от бега добавляется радость от нарушения запрета, от того, как его ловят. Получение шлепка при этом не подавляет радости. Такого рода ситуации могут бесчисленно повторяться и в отношении сластей, недозволенных

занятий, склонности ребенка к риску, достижения одобрения среди сверстников и т. д. Законы психологии не подчиняются социальным установкам или решениям. И если ситуации запрета повторяются достаточно часто, неизбежен процесс научения. Его результат — запрет и возможность его нарушения — становится притягательным. Не это ли — предпосылки не только наркомании, но и половой распущенности, вандализма и других деструктивных форм поведения? Причем склонность к таким формам получения удовольствия тем больше, чем меньше вообще жизненных радостей у данного человека.

Формирование психологии здорового образа жизни невозможно без учета приведенных соображений. И родители, если они в самом деле заботятся о своих детях, должны знать последствия своей запрещающей педагогики и соответственно корректировать свое поведение, чтобы уменьшать массивированное запрещающее воздействие на ребят. Граница между запретами и дозволенностью подвижна и определяется, с одной стороны, требованиями культуры, а с другой — особенностями психологии запретителей.

Ведущий. Юрий Михайлович, вы употребили фразу — домостроевские представления. Как вы толкуете понятие домостроя?

Орлов. По-моему, в основе его — невежество и страх. Во всяком случае, запреты обычно диктуются страхом и невежеством. Поэтому так необходимо просвещение родителей в области семейной педагогики. Если мать осознала, что ее всепоглощающая любовь к ребенку повышает в нем склонность к наркотикам и недозволенным радостям, она найдет в себе силы изменить свое поведение. Если отец знает, что массивированное запретительство, продиктованное и сверхзаботой о ребенке, приводит к противоположным результатам, повышая вероятность компенсаций путем

отклоняющегося поведения, он в состоянии скорректировать свои воспитательные воздействия. Но прежде всего родители должны разбираться в детской психологии, знать, чем могут быть продиктованы поступки ребенка.

Ведущий. Но основная масса сегодняшних родителей — люди достаточно молодые. Откуда им знать о домострое? Вероятно, их подход к воспитанию детей сформирован всем укладом окружающей жизни?

Орлов. Да. Психология умножения запретов, как путь достижения воспитательной цели, в нашем обществе культивировалась под влиянием централизованно-командного управления. Этому способствовало и всемерное умножение различного рода ограничений, осуществляемых ради некоторых «возвышенных, воспитательных целей». Она не могла не проникать в семью, в школу. Той же цели служили и религиозные традиции.

Ведущий. А что, если свести запреты к оптимальному уровню?

Орлов. Если регулировать поведение подрастающего поколения не только запретами, но и такими стимулами, как самоуважение, чувство достоинства, развитие внутренней свободы, морального самосознания — вероятность отклоняющегося поведения, несомненно, уменьшится.

Правильная установка на радость и удовольствие — тоже профилактика отклоняющегося поведения. Когда радость превращается в самоцель, человек стремится к счастью как к таковому. Он не задумывается, что радость может быть и пассивной, то есть полученной от воздействия каких-либо стимулов, от манипуляции другого человека. К такой радости стремится человек инфантильный, чья эмоциональная жизнь находится примерно на уровне трех-пятилетнего ребенка, чей подъем духа связан с усилиями лю-

бящих матери или бабушки. Фиксация на такого рода установке большей частью происходит вследствие прекращения эмоционального развития ребенка. К ней может привести и чрезмерная материнская любовь.

Установка на пассивное получение удовольствия отнюдь не безобидна. Став взрослым, человек распространяет ее на окружающих, которые якобы чем-то обязаны ему. Это стремление быть «объектом любви» отличается от потребности получать радость в активной деятельности, формы которой достаточно разнообразны. Оно-то и приводит к тому, что человек реализует свою потребность в радости — в наркотическом дурмане. Здесь ничего не надо делать, достаточно принять некое вещество — и определенная доза удовольствия будет получена...

Вот почему родители должны усвоить, что лишение ребенка самостоятельности, жесткое программирование его жизни ведут к пассивности. Пассивность же — к пессимизму и одиночеству. Запреты, которые главенствуют в жизни подрастающего человека, делают его беззащитным перед совращением пороками.

Ведущий. Юрий Михайлович, есть ли объяснение такому психологическому процессу, как радость?

Орлов. Достижения науки позволяют считать, что состояние радости имеет гормональную поддержку. Активная личность, способная получать радость в конструктивной деятельности, в общении, в успехе, имеет тренированную гормональную систему, которая обеспечивает этот уровень эмоциональной жизни. Убывают эмоции — убывает радость, снижается выработка этих веществ. Введите наркотик: ситуация тут же нормализуется. Но организм сам уже откажется вырабатывать соответствующие вещества: наркотик «блокирует» механизм, их производящий.

Вот почему, кстати, введение наркотика для чело-

века с низким уровнем концентрации этих веществ оказывается роковым. А на человека жизнерадостного, с сильной гормональной поддержкой уровня положительных эмоций такая же доза зелья не окажет рокового влияния. Сдвиг в его балансе будет незначителен. Следовательно, воспитать здорового, жизнерадостного человека — значит воспитать личность, застрахованную от пороков и их последствий, в частности от одиночества.

А жизнерадостность откуда черпать, спросят меня. Ей нужно учиться..

ХОЗЯЙКА ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ

Когда стоишь посередине ее не слишком просторной квартиры — ощущаешь, как погружаешься в солнечную теплоту. На стенах картины. Да какие! Выложены из кусочков янтаря. Он не полирован, не шлифован, просто найден на морском берегу, отмыт, потом тщательно подобран по тону, по размеру в строгом соответствии со вкусом исполнительницы. Солнечный камень то плещется золотыми складками царского одеяния (картина «Царь Федор Иоаннович»), то искрится снежной пеленой (картина «Зимовье»).

— И белый — тоже янтарь?

— Да. Правда, редкий.

— И вот тот, красный?

— Да, да. Тоже, конечно, редкий. Но меня море одаривало.

Хозяйка подходит к столу. В руках, как бы сказать поточнее, янтарный булыжник.

— Вот какое чудо однажды к ногам выбросило.

— Зинаида Ивановна, вы, наверное, с детства рисуете?

— Не умела и не умею. А картины... Возможно,

они от любви к природе с детства, от наблюдательности.

Она задумывается.

— А может быть...

И произносит несколько слов, точно выражающих мысль, в поисках которой мы, собственно, и встречались в последнее время с разными интересными людьми. Разыскали и ее — Зинаиду Ивановну Слето, самодетельную московскую художницу, в прошлом педиатра, в еще более отдаленном прошлом — фронтового врача.

Приведем слова Зинаиды Ивановны позже, а сначала — совсем о другой женщине, ответ для которой мы и искали в интересных встречах.

Лежит и лежит на редакционном столе письмо. Ответа не просит: «К единомыслию мы все равно не придем». Это одна из заключительных фраз письма. Скрытая в нем безнадежность вызывает потребность в откровенном разговоре, как и просто тревога за неведомого, далеко живущего человека.

Начиналось так. На одну из публикаций откликнулась женщина, которая поименовала себя Н. Н. (В дальнейшем она открыла свое имя, но мы будем пользоваться шифром.) Н. Н. писала, что работает, живет обеспеченно, а вот настроение скверное, ничто не радует. Напротив, разнообразные жизненные наблюдения угнетают.

Ответ из редакции в адрес Н. Н. содержал попытку как-то ободрить женщину, помочь ей увидеть в тех же явлениях, которых касалась она, и светлые краски.

И вот новый ответ из Краснодара. «К сожалению, я не вычитала в вашем письме ничего для себя нового. Дорога на работу и обратно занимает у меня достаточно много времени, я успеваю просмотреть центральные газеты и давно подметила два их любимых

«конька». Первый: если тебе плохо — сам виноват; второй: если тебе что-то не нравится — борись.

Однако я, например, не борец. Я унаследовала от матери чуткую душу, от отца — врожденное понимание нужд и бед земли. И уж позвольте мне быть самой собой...» А дальше вновь о сложностях мира, о разных грустных судьбах и в палитре красок — только черное с серым.

К счастью, в мире существуют люди, которые рассуждают и поступают иначе, чем она, в противном случае, то есть погрузись мы все в скорбь по несовершенству мира, наверное, не существовало бы и того, что окружает нас — самого мира. А еще, если вдуматься, за позицией Н. Н. просматривается некоторое любование собой, да, пожалуй, и высокомерие к тем, кто не разделяет ее отношения к жизни.

Есть еще ряд аргументов в противовес позиции Н. Н. Ее, скажем, не устраивает «загрязнение среды» водохранилищами гидростанций, но читает она не при свече, да к тому же, как человек разумный, считает, что вернуться к свече или лучине невозможно. На электрической энергии сегодня базируется производство всего того, чем жив человек. Она же, эта энергия, освобождает нас от мускульного перенапряжения, оставляет время и силы для умственной работы, в том числе и для раздумий о мире и назначении в нем человека.

Но понятно и другое: эта женщина — человек несчастливый. Поэтому отправимся на поиски аргументов против той позиции, того отношения к жизни, которые ей присущи. Кстати, если судить по редакционной почте, не ей одной.

Помните знаменитое изречение Козьмы Пруткова: «Если хочешь быть счастливым — будь им»? Мысль предполагает и иное прочтение. А именно: проще всего быть несчастным. Точнее, несчастнень-

ким. Проще погрузиться в свои, а то и чужие неурядицы, житейские сложности и заботы и отдаться их гнету, чем противостоять ему, этому гнету. Противостоять — значит напрягаться. Собирать силы. Вводить их в действие. Не противостоять, идти на поводу у своего настроения усилий не требует.

Козьма Прутков навел на воспоминания школьных лет.

...Преподавателя литературы звали Александр Михайлович Малин. Он был старик. Жил одиноко, в десятиметровой комнате огромной коммунальной квартиры. Можно предположить, что его преследовали и гипертония (его щеки были иссечены синими жилками), и остеохондроз (трудно порой ему было подняться со стула и разогнуть спину). Но как он входил в класс! Походка была пружиниста и легка, черный костюм (единственный!) безукоризненно отутюжен. И всегда, даже когда было очевидно, что он нездоров, в нагрудном кармане пиджака сиял белоснежный платок.

Наш учитель каждый урок литературы начинал с урока оптимизма. С урока, который безмолвно возвещал: человек могущественнее «набора неурядиц», начиная от необходимости перед лицом вечно негодующих соседок кипятить свои носовые платки и кончая неизбежными каждый вечер свиданиями с одинокой старостью...

Спустя десятилетия свежа память об этом человеке, преподавшем уроки бодрого, деятельного отношения к жизни.

Некоторые считают: оптимизм — достояние сильных (понимай: здоровых, благополучных). Собственно, об этом писала и Н. Н. Но давайте вернемся на один из первых праздников, посвященных Александру Блоку на его родине — в Шахматове под Москвой (мы уже упоминали о нем в начале главы). Поляна —

зрительный зал, дощатый помост — сцена. Праздник открывает поэт Павел Антокольский. Ему восемьдесят. Через год с небольшим его не станет. Он выходит к микрофону и молодым голосом читает: «Узнаю тебя жизнь, принимаю...»

Трудной была жизнь Блока, ранней была смерть. Но страдания лишь высветили для него всю значимость радости, имя которой — жизнь.

Почему он так воспринимал жизнь? Наверное, потому, что с детства своими близкими был научен оптимизму, при нем не брюзжали, не сетовали по мелочам, силы и время отдавали служению высоким идеалам. И он рос в сознании: смысл и оправдание твоей жизни — польза людям. А значит, каждый поступок, каждое конкретное дело — на благо им. И если говорить о силе, лежащей в основе оптимистического настроения, то суть ее отнюдь не в физической мощи и не в житейском благополучии. Ее суть в умении человеческой души быть созидательницей, накопительницей добрых примет.

В жизненной повседневности с ее заботами и суетой, печальями и невзгодами очень легко проглядеть то, что способно одарить радостью, а значит, и сил прибавить. Легко пройти и не задержаться взглядом на пронзительной синеве ранних зимних сумерек. Привычнее позлословить насчет снега, которого навалило выше колен. Не увидеть чудо нового дома, который вырос на знакомой улице за считанные месяцы, а раньше такой строился годы. Опять же привычнее «пройтись» насчет статистики, что строительство не поспевает за требованиями жизни.

Откуда это? А от тех, кто когда-то водил нас за руку и не остановился, не показал, не объяснил... От тех, кто не знает, что одуванчик — это тысяча серебряных парашютистов, а не только сорняк, который необходимо изводить с корнем.

Есть люди, которые склонны считать позицию примерно такого толка единственно правильной. Дескать, вот ведь она, правда-матка. И снег не счищен, и дома медленно строятся. И нечего «запудривать мозги» разговорами о том, что достигнуто, сделано, преобразовано.

Не ее ли исповедует и Н. Н., автор письма из Краснодара? Но разве тот, кто настроен оптимистически, не видит недостатков? Да именно оптимист идет первым на борьбу с ними! Потому что верит, что одолеет, верит, что справится, убежден, что не бряужание, а действие, конкретное дело — в основе прогресса. Действие, а не созерцание и вселенская скорбь.

Вновь обратимся к трудам И. И. Мечникова, к его «Этюдам оптимизма». Есть в книге глава, в которой ученый специально исследует природу пессимизма. Очень интересна статистика, которую он приводит. Так, обследования подростков показали, что тяжелые ощущения воспринимаются ими гораздо острее, памятнее, чем приятные. Рассуждая, скажем, на тему «болезнь и здоровье», 88 из 109 фиксируют внимание на том, что болезнь — зло, и только 21 — на том, что здоровье — благо. Ученый приходит к выводу, что человеческие чувства, в том числе и «чувство жизни», иными словами, оптимизм, требуют специального упражнения.

«Я унаследовала от матери болезненно чуткую душу, а от отца — врожденное понимание нужд и бед земли...» — написала Н. Н. Прекрасное наследие. Жаль только, что к нему не было добавлено **желание** брать уроки оптимизма.

А теперь вернемся к Зинаиде Ивановне Слето, художнице, оранжировщице янтаря. Вот что сказала она об обстоятельствах, приведших ее в искусство. При-

чем искусство, которое и в прямом смысле слова несет отсвет солнца.

— Должно быть, меня война к этому подготовила: горе, которое я видела вокруг; фронтовой госпиталь открыл для меня очень многое...

Она была мобилизована в 1941 году. А вскоре жизнь обрушила на нее страшные беды: на фронте погиб муж, в тылу погиб восьмилетний сын — его не удалось спасти от дифтерита. Восход и заход солнца, сияние дня, сумерки — все слилось для нее в черную пелену. Казалось, нет силы, которая способна эту пелену раздвинуть. Но такая сила существовала. Это были боль и страдания людей рядом. Они вернули ей жажду жить, бороться.

Она потом работала без устали. Сутками. Случалось, без еды, нередко в экстренных ситуациях отдавала раненым свою кровь...

Вот здесь, среди бед и страданий, она впервые соприкоснулась с интересным наблюдением: как только начались наши первые победы на фронтах, раненые стали поправляться быстрее. Неосвязаемым, но реальным лекарством был для них оптимистический настрой души.

— Я уже была на пенсии. Болела. Врачи посоветовали летом ездить в Прибалтику. С того и начался мой янтарь. Ползаю на коленях вдоль прибоя и собираю по зернышку. Вот я и выздоровела.

Зинаида Ивановна ласково поглаживает «булыжник», который лежит на ее столе.

— Теперь, если представляется возможность, с удовольствием показываю свои работы. И нередко читаю в глазах людей удивление: фронтовичка, за семьдесят — и янтарь?.. А я объясняю, как работала над каждой картиной, и советую: увлекайтесь! Находите радость вокруг себя — она повсюду. И делитесь ею.

...Не знаю, убедит ли этот рассказ женщину, ко-

торая написала: «Уж позвольте мне быть самой собой». Но есть надежда, что сей спор кому-то и западет в душу. Кому-то из молодых поможет отыскать такие слова, поступки, такие дела, чтобы паделить своих детей бесценным настроем — оптимизмом. Бесценным спутником жизни, спутником, поважнее которого мало что сыщется.

ШКОЛА ОПТИМИЗМА

Ведущий. Мы все недавно прочли стихи Ильи Сельвинского, написанные им в 1937 году:

Нас много одиноких. По ночам
Мы просыпаемся и шарим спички,
Закуриваем. Стонем по привычке
И мыслим о начале всех начал.
В окошко бьются листья золотые,
Они в гербах и датах. Полночь бьет.
А мы все курим, полные забот
Нас много одиноких. Вся Россия.

Эти строки дают толчок еще одному повороту в наших раздумьях. В связи с этим расскажем об одной интересной недавней встрече.

Марьяна Александровна и Виталий Васильевич Зайцевы. Первое впечатление: приветливы, добры. Расположенность к людям очевидна. Заподозришь ли, что на долю этих мужа и жены когда-то выпали жестокие испытания. Испытания, способные сломить, навсегда озлобить...

Это случилось в декабре 1946 года. Марьяне 24. Виталий старше. Они недавно женаты. Счастье, радость переполняют их. И вдруг... Как часто людские судьбы в те годы перечеркивало это «вдруг». Арест. Тюрьма. Обвинение: причастность к «делу Аллилуевых». А суть «дела» та же, что в сотнях, тысячах дру-

гих случаев: произвол Сталина. Именно Сталина. По его распоряжению расторопные холуи «ликвидировали» (поначалу спрятали в тюрьмы) всех, кто так или иначе был связан с женой «вождя», с ее близкими, кто был с ними дружен или просто знаком. Давно не было в живых Надежды Сергеевны Аллилуевой. Но что-то терзало Сталина, что-то толкало его к тому, чтобы стремиться: пусть и близких Надежде Сергеевне людей не останется на земле...

Обиталищем всех, кого приписали к «делу Аллилуевых», стала владимирская тюрьма. О методах, которыми из арестантов выбивали нужные показания, уже не раз было сказано в печати: побои, пытки, всевозможные провокации, ложь, клевета — все шло здесь в ход.

Можно ли при этом устоять? Можно ли не сломаться, не пасть духом? Можно ли сохранить в себе Человека?

Зайцевы сидели в одиночках. Марьяне и мужу предстояло провести в каменном мешке десять лет без права переписки. На языке тех лет это означало, что возврата не будет. «Оттуда» не возвращаются...

Трагическая обреченность. Постоянный страх смерти. Но Марьяна понимала: нельзя распускаться, иначе — конец. Каждое утро она начинала с зарядки. Затем приводила себя в порядок, словно собиралась в гости. Затем начинались занятия. Она постоянно заказывала в тюремной библиотеке книги (благо, этого не отняли). Читала. Учила стихи. Иногда декламировала для себя, вслух. Пела. Она научилась перестукиваться с соседями. Научилась радоваться малейшей радости, какую могла подарить та страшная жизнь.

Но самое удивительное, что чувство жизни, развитое в ней, помогло выжить не только ей. Через несколько лет после освобождения (это произошло пос-

ле смерти Сталина) Зайцевы навестили человека, который был начальником владимирской тюрьмы в пору их ареста. Человек этот, с необычайной фамилией Крот, запомнился им «нетипичностью» поступков. Дело в том, что он чем мог старался скрашивать существование арестантов.

Разыскали Зайцевы этого человека. Пришли к нему. Начался взволнованный разговор. Неожиданно Крот замолчал, посмотрел на Марьяну Александровну и произнес: «Этой девочке я обязан жизнью». И рассказал, что каждое утро в те проклятые годы он шел на работу, в тюрьму с одной мыслью: застрелиться. Совестьливый человек, он нес в душе непосильную тяжесть — вину и стыд перед безвинно заключенными. Камера Марьяны была напротив его кабинета. Прежде чем войти к себе, он заглядывал в глазок двери напротив. Видел, как Марьяна делает зарядку, слушал, как читает стихи. И он, живший на свободе здоровый человек, заряжался силой от хрупкой женщины, жизнь которой висела на волоске. Оторвавшись от глазка, он пересекал коридор и поглубже в стол прятал пистолет, который несколько минут назад намеревался разрядить в свое сердце...

Жизнелюбие целительно! Оно спасает даже от такого натиска отчаяния и одиночества, когда единственным выходом кажется уход из жизни.

ДЕФИЦИТ ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЯ

Ведущий. Мы обстоятельно поговорили об оптимизме. Но думается, стоит коснуться и иных сторон личности человека, способных держать его в активной, созидательной позиции. И значит — способных помочь ему под натиском жизни.

Вспоминается исследование, проведенное психоло-

гами Эстонии. Оно выявило: одна из первостепенных, наиболее значимых самооценок для мужчины: «Кто я?» То есть: «Что я значу среди людей?» Не противоречие ли между личностью и государством — нередкий источник чувства одиночества, особенно у людей немолодых?

Бодалев. Полагаю, что у нас десятилетиями формировалось невежество в части познания человека. Начиная с детского сада, школы, техникума, ПТУ и кончая вузом, наша молодежь не проходит целенаправленную и глубокую подготовку в области человековедения. И каждое новое поколение вырастает и включается в трудовую жизнь, не владея знанием того, что же такое человек и как личность, и как индивидуальность. Это страшное упущение, которое, мне кажется, ведет в конце концов к тем проблемам, о которых мы сейчас с тревогой говорим.

К чему я клоню? К тому, что дефицит практического человекознания мешает нашим начальникам, учителям, врачам, нашим дражайшим половинам... хорошо нас понимать. Именно поэтому они плохо учитывают наши потребности, наши притязания. Так же поступаем и мы сами по отношению к окружающим, не владея этими знаниями. Так же и наше общество десятилетиями провозглашает лозунг: «Все для человека, все во имя человека». А на деле — нарушает этот принцип.

Не случайно же сегодня так много говорится в печати, да и в официальных правительственных программах о необходимости гуманизации нашего общества. Так, скажем, выясняется, что многие здоровые, добрые, социально ценные потребности, которые несут в себе подростки, не удовлетворяются школой, учителями, комсомольской, пионерской организациями. В чем дело? Да в том, что наша педагогика от школы до вуза и так называемая производственная,

комсомольская и даже партийная — в основном мероприятийна. Она не рассчитана на то, чтобы доходить до каждого конкретного человека, охватывать его индивидуально, учитывать его неповторимое своеобразие, делать поправку на его склонности, способности, потребности.

Мы страшно много проиграли в нашем обществе из-за того, что ориентировали учебно-воспитательную работу, начиная с детсада, на подготовку и формирование середнячка: середнячка учителя, врача, художника и т. д., практикуя, главным образом, фронтальный поход. Мы упустили важную «добавку»: не создали условий, чтобы каждый человек мог проявить себя на максимуме своих склонностей и способностей. Чтобы каждый человек мог испытать жизненный успех, пережить глубокое удовлетворение от того, что он совершил. Иначе опускаются крылышки. Человек неизбежно начинает искать удовлетворения в другом...

Ведущий. Расскажем об опыте, который прямо перекликается с проблемами, затронутыми А. А. Бодалевым. Речь пойдет о сообществе единомышленников, куда входят и дети, и взрослые. Это молодежное спортивное объединение в Иркутске. Его возглавляет человек, который щедро дарит другим свои силы, умение, тепло.

В народе называют сообщество «школой Романова», по фамилии ее основателя. Это хозрасчетное объединение с собственным счетом в банке. Чем привлекательна «школа»? Прежде всего — личностью ее создателя. Антон Васильевич Романов — спортсмен, в 1974 году закончил Иркутский университет, кандидат философских наук, физик, изучал природу молний. Спортивную школу возглавил в 1982 году.

Когда общаешься с этим человеком, то понимаешь, почему ученики с уважением называют его Учителем:

в нем сочетаются доброжелательность и ум, мужественность и спокойствие (чего так не хватает в наше время).

Мы встретились в его кабинете в небольшом трехэтажном здании на берегу Ангары. Здесь — центр объединения, центр школы: спортзалы, раздевалки, душ, сауна. Даже собственная столовая, где по очереди кашеварят дневальные.

— Антон Васильевич, ваша история далеко неординарна: физик, философ, а руководите спортшколой, которую сами же и создали. Как это случилось?

— Больше десяти лет назад я был командиром комсомольского оперотряда при Кировском РК ВЛКСМ Иркутска. После работы, иногда по выходным мы помогали милиции — боролись с преступностью: усаживали хулиганов, брали с поличным фарцовщиков, ловили уголовников. Но со временем я заметил: мы боремся, а преступность в городе не уменьшается. В конце концов понял: преступность не одолеть лишь карающими методами. Откуда они берутся, «негативные элементы»? У каждого человека есть свой творческий потенциал, который требует выхода. Самоутверждение необходимо, чтобы чувствовать себя личностью. И вот если потенциал не реализуется в значимой, полезной деятельности, человек становится социально опасным. Где реализовать свои возможности подростку, если он растет в атмосфере равнодушия, школьного формализма, вечной занятости родителей? Вот и идет он в подворотню искать единомышленников, которые поймут, посочувствуют. Там он проходит свои «университеты». Я решил противостоять этому, создать сообщество, цель которого — воспитать сильного человека.

— Культ силы? Но разве не это же — «программа» молодежных группировок, скажем, в подмосковных Люберцах, где наращивали железные бицепсы,

чтобы бить «чужих»? Или в городах Поволжья, «прославившихся» молодежными «войнами» — район на район?

— Наше объединение — альтернатива подобным уродливым группировкам. Мы предлагаем выход из катастрофического положения, в котором оказались многие города страны, не умея справиться со стихией молодежного экстремизма. Ведь что произошло? Подросток, боясь нападения, по сути в целях самозащиты вступает в хулиганствующие группировки. Как ему помочь? Надо сделать его сильным. Помочь научиться защитит не только себя, свое достоинство, но и слабого — ребенка, женщину, старика. Такова наша программа. Мы занимаемся различными видами борьбы — самбо, классической, вольной, рукопашным боем. Это закаляет личность, организует волю. Такой человек, как правило, не страдает и одиночеством: уверенность в своих силах делает его общительным, контактным... У нас есть секции бокса, ОФП, настольного тенниса, фехтования, легкой атлетики, бейсбола. Параллельно идут занятия ушу, йогой, аутотренингом. Осваиваем виндсерфинг, играем на досуге в шашки, шахматы, совершаем велопробеги, ходим пешком в Саяны... Культ силы процветает в атмосфере бездуховности и цинизма. Мы же рассматриваем физическую силу как компонент гармонической личности, в единстве физического, нравственного, интеллектуального развития. Вот обязательства — их принимают все, кто к нам приходит: «Вступая в ряды членов МСО, ставлю своей целью самовоспитание, всестороннее развитие лучших черт своего характера, укрепление здоровья на благо нашей Родины и всего человечества. Добровольно даю слово: подчиняться требованиям дисциплины, не использовать свои знания в преступных целях, быть правдивым, не употреблять алкоголя, табака, наркотиков, чтить и ува-

жать наставника наряду с родителями...» А для начала надо было построить свой дом.

— У вас это неплохо получилось. Ведь мы разговариваем в том самом доме, верно? Но как удалось его построить? Какими силами? Где взяли средства, стройматериалы? Как вообще пробились сквозь рутину запретов, стоящую на пути любой инициативы? Ведь вы начинали в годы застоя. Да и сегодня это, пожалуй, сделать непросто.

— Нужна была не просто крыша над головой, не просто свой спортивный зал, а действительно собственный дом, который бы нас объединил. Ведь именно этого не хватает подросткам. Строили дом сами, и это очень важно. Ребята почувствовали свою значимость, ощутили радость создавать что-то реальное своими руками. Созидательная деятельность — необходимый элемент культуры человека. Кто научился созидать, никогда не станет разрушать. А толчком послужило вот что. На пустыре в Академгородке я давно приметил остов разрушенного здания. Здесь когда-то готовили бетонный раствор для строительства городка. Принадлежали эти развалины Академгородку. И когда в 1982 году мы пришли сюда, встретили нас в штыки. «Хозяев» не убеждало даже то, что в руинах бетонно-растворного узла нередко собираются темные личности, а мы берем территорию, так сказать, под свою охрану. К счастью, у нас нашелся единомышленник — Анатолий Леонидович Коцарь, председатель местного райисполкома. Это он проявил снисхождение к нашей самовольной «выходке» — захвату развалин. Это он как мог способствовал тому, чтобы нам не мешали работать. Мы сами добывали материалы, без которых дом не восстановить. И рабочей силой были сами — все, кого увлекала идея создания школы. Строили в свободное время. Усваивали уроки бескорыстия. На фасаде «развалин» ви-

сел портрет Павки Корчагина — как символ жизни во имя других, высшего проявления человеческого духа. Деньги на стройматериалы добывали тоже своим трудом — на других объектах. Реставрировали красивое старинное здание в центре Иркутска. Сажали деревья. Кстати, позже мы не раз использовали свои строительные навыки. Восстановили несколько подвалов, где теперь наши филиалы. Отремонтировали бывшую водонапорную башню, там занимаются наши альпинисты. Сейчас реставрируем старинные дома на Байкале, где у нас две спортивные базы.

В общем, наше «вторжение» кончилось благополучно — в 1986 году решением Свердловского райисполкома Иркутска Молодежное спортивное объединение (МСО) утвердили официально.

— Антон Васильевич, у вас занимается много подростков. Насколько здоровыми они приходят к вам? Какую спортивную подготовку дает им средняя школа?

— Вы затронули острейший вопрос. Из тех, кто к нам приходит, очень мало стопроцентно здоровых людей. Потому что никто не учит быть здоровым, даже элементарному: как правильно дышать, одеваться, питаться, выработать для себя оптимальный режим физических нагрузок. Мы прививаем эти навыки. В частности, организовали у себя столовую с вегетарианской кухней, к тому же почти исключая соль, сахар, масло. Ребята привыкают к рациональному питанию, учатся готовить.

Одна из причин болезней, конечно, в плачевном уровне физкультуры как в школе, так и в институте. Об этом много говорится, много пишется, но... Мне хотелось бы только сказать о современном комплексе ГТО. Он абсолютно не дает практических навыков подготовки ни к труду, ни к обороне. Главным критерием физического воспитания в учебных заведениях

ях должен стать уровень здоровья. Как у нас в «школе».

— Но здоровье — это не только спорт и труд. Необходимо эмоциональный заряд для оптимизма, для особого состояния души, при котором жизнь — радость. Отсутствие радости, засилие обыденности — у истоков всех неблагоприятий подростков, в том числе и преступности, и наркомании. Вы согласны?

— Безусловно. С самого начала мы нацелились на эмоциональное развитие ребят. К примеру, у нас есть школа танцев. Как правило, молодые люди не умеют танцевать, а ведь это и язык общения, и язык самовыражения. Ребята обучаются и вальсу, и брейку. Причем не просто умению красиво, пластично двигаться, но и понимать, чувствовать музыку. А это в сочетании дает прекрасный эмоциональный заряд.

Мы проводим и лекции по истории культуры, дискуссионные клубы, где каждый может «выпустить пары» и высказать свою точку зрения на разные проблемы. Интеллектуальную встряску дают деловые игры. А сколько было радости, когда поехал наш грузовик! Мы восстановили его из списанной рухляди. Вернули к жизни такую же списанную яхту, на которой потом ходили по Байкалу. Многие впервые увидели, как прекрасно наше «славное море»...

— Антон Васильевич, вы организовали в Иркутске уже три конкурса красоты. Такая работа с молодежью кажется вам интересной? Ведь у многих реакция на такие конкурсы однозначна: они унизительны для женщины...

— Человеку необходим эстетический идеал. Его нам преподносят кино и телевидение, а по сути навязывают свой вкус, зачастую далекий от совершенства, режиссеры. Мы стремимся найти девушек не про-

сто внешне красивых, но умных, обаятельных, умелых, физически развитых — действительно достойных. Наши конкурсы — это воспитание красотой, когда идеалом становится гармоничная личность. Но у нас они превратились в настоящие городские праздники. Сегодняшние темпы жизни таковы, что обычай ходить в гости отмирает. Где встретиться, чтобы помузицировать, почитать стихи, спеть, потанцевать? Мы — сделали конкурсы такими вот «клубами» активного общения, где каждый может проявить свой талант.

— Антон Васильевич, вы работаете с молодежью седьмой год. Дала ли «школа» Романова тем, кто вышел из этих стен, импульс для дальнейшего совершенствования, развития?

— Около десяти тысяч человек прошли нашу школу за эти годы. Причем не только подростки. Инженеры, студенты, рабочие. Около тысячи человек занимается сейчас. Уверен, что наши уроки помогли и помогают становлению характеров, личностей, верных нашим идеалам. К примеру, Володя Ларионов закончил мединститут и занимается биологическими проблемами спорта — научно развивает то, что было заложено в «школе». С ним в лаборатории работают еще трое наших. Володя Чепурной защитил кандидатскую, ходил яхтенным капитаном в кругосветку вместе с другом и нашим же воспитанником Сергеем Грефенштейном. Оба они изучают применение лазеров для диагностики функционального состояния организма — опять с нами прямая связь. Георгий Гречаный — генетик, кандидат биологических наук. С ним мы задумали секцию генетики в нашем центре. Дерзкая идея? Но осуществимая.

Многие мои ученики приводят в центр своих детей. Потому что наш дом стал для всех нас не просто местом общения, но и второй семьей.

СОЛНЦЕ ЖИВЕТ В ЧЕЛОВЕКЕ

Чемоданов. У нас сейчас принцип гласности. Мы многое можем говорить. Давайте же прямо спросим о школе: помощник ли она подростку в трудную пору переходного возраста? Нет!

Только умный высокообразованный наставник способен помочь, скажем, подростку в его социальном становлении, в выборе ценностей, гражданских ориентиров. Значит, должность учителя должна стать конкурентной. Ах, сколько бы выявилось «учителей» (беру это слово в кавычки), кому, будь конкурс на замещение учителя, никогда не доверили бы ребячьи души. Это те, кто сам заражен и бездуховностью, и вещизмом, кто сам годами не берет в руки книгу (за исключением сугубо специальной), кто сам давно утратил подлинные качества гражданина, патриота, просто думающего человека.

Ведущий. Хотелось бы подчеркнуть: в печати, на телевидении такие понятия, как бездуховность, вещизм стали сегодня, можно сказать, примелькавшись, привычными. А вот подлинного противостояния этим явлениям пока нет.

Видимо, нужно искать, какие общественные силы должны быть подняты, чтобы вместо слов появились дела. Например, клубы, подобные «школе» Романова, наверняка нужны не только в Иркутске.

В порядке полемики: сегодня в нашем обществе широко развиваются производственные кооперативы. Но может быть, с неменьшим вдохновением нужно браться за создание инициативных групп, способных увлечь пристрастием к поэзии, вообще к книге, музыке, философии?.. Не интеллектуальный ли вакуум — среда обитания одиночества?

Пока лишь в немногих городах страны выявлены энтузиасты, способные понять и поддержать подрост-

ка в его трудном переходном возрасте, сделать из него — личность. Но они, безусловно, есть. Задача — помочь им «выйти в люди». Задача — везде, где можно, найти условия, создать условия для их работы. Так, как это сделали в Армении...

Сегодня невозможно себе представить Армению без Музея современного искусства, без Центра эстетического воспитания детей. Их связывает не только общая цель — воспитание искусством, но и общий руководитель и создатель Генрих Суренович Игитян. Его кабинет больше похож на боевой штаб: постоянно звонит телефон, приходят сослуживцы, единомышленники Генриха Игитяна; жизнь здесь кипит.

Словно подтверждая это, Генрих Суренович произносит:

— Успех — это успеть, говорила Марина Цветаева. Одной фразой все объяснено. Время — это деньги, время — это жизнь! Поэтому так важно не упустить то, что щедро заложено в детях: феномен способностей. Отсюда и наше начинание — мы создали в 1970 году Детскую картинную галерею, которая через восемь лет превратилась в Центр эстетического воспитания. Сейчас в нем занимается пять тысяч детей.

...Солнечный Мартирос Сарьян написал детям к открытию картинной галереи: «...с этого дня вы будете иметь собственный очаг, свой дом. И подобно ласточкам, не забывающим своего гнезда и каждой весной строящим и обогащающим его, вы всегда будете обогащать ваше гнездо и превратите его в сокровищницу подлинного искусства, одухотворенную вашими искренними переживаниями... Пусть краски, брызжущие из вашей души, блестят так же, как ваши глаза»...

— Энергия человека жаждет выхода, — продолжает Игитян. — Тем более, мощная энергия ребенка.

И мы, взрослые, опытные, должны умело и тактично направить ее в верное русло, чтобы она не превратилась в разрушительную силу. Человек обязательно должен свободное время отдавать любимому занятию. Прививается эта необходимость с детства. Наш центр сегодня — это музей и тринадцать студий. В музее экспозиция детских работ, в студиях же занимаются живописью, скульптурой, керамикой, ткачеством — всеми видами декоративно-прикладного искусства. В распоряжении маленьких артистов сцена детского театра, филармония. Самое главное, что вместе с эстетическим воспитанием дети у нас приучаются к труду. И какую бы специальность они ни получили потом, в них навсегда сохранится любовь к искусству, к прекрасному, к природе. А такой человек, как известно, не способен на плохой поступок...

Кстати, оказалось, что после создания нашего центра в городе резко сократилась детская преступность. Я и не предполагал подобных результатов. Теперь я уверен: те дети, которые занимаются у нас, не пойдут по кривой дорожке, не попадут под дурное влияние. У них есть куда употребить энергию и время — они увлечены любимым делом.

Несколько слов о педагогах. У нас талантливые педагоги! И это бесценно. Разбудить увлеченность в детях под силу лишь тому, кто сам незауряден, кто сам интересен, ярк как личность. И еще. Если, скажем, американских детей обучают развлекательно, то у нас — серьезно, по-взрослому, профессионально. И в этом случае обучение искусствам становится и источником нравственности, доброты, красоты, оптимизма.

У нас жесткие условия: на получал в школе двое — прощайся с центром. Поэтому сорванцы, которые приходят к нам, начинают лучше учиться, подтягиваться. А прийти может каждый, кто захочет. У нас, так сказать, «неотобранные» дети. В каждом челове-

ке живет солнце — каждый человек талантлив. И наша цель — раскрыть этот талант как можно раньше, а значит, и помочь человеку найти свое назначение в жизни среди людей.

Мы ищем для ребят выходы в большой мир, в жизнь без прикрас, чтобы они учились распознавать добро и зло не только по книжкам. Вот почему так значимы стали для наших воспитанников выставки в доме для престарелых, в детском доме, в трудовой колонии для правонарушителей. Каждая такая встреча заставляет ребят задуматься о чужом горе, о человеческих трагедиях. Уверен: эти раздумья не проходят бесследно... Собственно, тому есть и подтверждения. Скажем, по ребячьей инициативе создан музей детского творчества в колонии. Вдумайтесь в этот факт. Дети становятся посланцами доброты и добра. Дети помогают оступившимся в пути людям вновь ощутить красоту мира.

Я часто думаю над словами Нодара Думбадзе о том, что человеческая душа во сто крат тяжелее тела, поэтому надо помогать друг другу нести свои души. И к этому надо готовить с детства.

С выставками армянских художников и лучших детских рисунков Генрих Игитян побывал в разных городах нашей страны и за рубежом. Особенно детские картины потрясли американских сверстников. Из всех поездок Игитян привозит рисунки детей. В музее есть специальный международный отдел, где экспонируются детские работы из 110 стран.

— Взяли шефство над обычной общеобразовательной ереванской школой, которую превращаем в «школу театрального искусства имени Чехова». Построили в ней сцены. Собираем в ней наиболее одаренных «артистов». Планируем создать здесь и школьный телецентр. Суть работы привычная для нас: приобщить детей к искусству.

Нам повезло: нашу позицию разделяют Центральный Комитет компартии республики, общественные организации. Благодаря их помощи удалось «потеснить» торговлю в центре Еревана: для наших студий освободили целый ряд помещений. Это было очень трудно — пришлось преодолевать невероятное сопротивление торговых организаций. Ходили и доказывали: надо, чтобы детские творческие студии располагались именно в центре города, рядом с Домом народного творчества, Союзом художников Армении, музеями Сарьяна, современного искусства, рядом с театрами. Такая близость важна. Она тоже воспитывает.

Работая с детьми, я часто обращаюсь к воспоминаниям моего друга, талантливейшего живописца Минаса Аветисяна: «Мама латала темные брюки, и я попросил, чтобы заплатки были красные, и еще синие, и еще желтые... А мама грустно улыбнулась и сказала, что они должны быть в тон. И еще я чистил башмаки сразу красным, коричневым, желтым и черным гуталином. И за это мне здорово влетало...» В каких неожиданных формах пробуждалась в будущем художнике любовь к цвету! И в какую сложнейшую, богатейшую цветовую симфонию она вылилась в профессиональном творчестве!

Мы всегда на стороне детей, отстаиваем их право на самобытность творчества, сотворение своего мира фантазий.

Сейчас Центр эстетического воспитания детей имеет двенадцать филиалов в республике. Если сбудутся наши планы, то к концу следующей пятилетки их станет вдвое больше — 24!

Для нас начали строить новую «жилплощадь» в середине Еревана. Друзья по этому поводу шутят, что скоро от центра Еревана ничего не останется: все займут дети. Хотим организовать в новом комплексе... совхоз. Да-да, настоящий совхоз, с животными, с

опытным полем. Пусть городской ребенок, который никогда не видел корову, научится за ней ухаживать, любить животных, пусть копается в земле, сажает деревья. Хотим, чтобы детям было интересно жить, чтобы они стали ближе к природе.

Что бы я хотел сказать специально — молодым мамам и папам? Я бы напутствовал их так: не пропустите солнце в душе вашего малыша. Оно живет в нем в каждом! Не дайте ему затянуться пеленой серой обыденщины! Возьмите малыша за руку и приведите его туда, где ему помогут выплеснуть свою солнечность — в мастерстве, в искусстве, в спорте. И кем бы он ни стал потом, он на всю жизнь обретет опору в осознании себя личностью. Личностью. Личностью, а не «винтиком» в каком-то едином, обезличенном механизме, именуемом «масса».

РАСПАХНИТЕ «ОКНА БЕЗЗАБОТНОСТИ»

Ведущий. За нашим «круглым столом» — ученики профессора Николаева. В последние годы они проделали очень интересную работу, которая дает подсказку каждому, кто стремится укрепить свою личность, кто вообще разделяет идею о необходимости постоянного самосовершенствования. Вместе с помощниками они провели уже несколько двухнедельных походов на полном... голодании. При этом группа проходила по двадцать километров в день, у каждого за плечами — по двадцать килограммов груза. Результат? Все участники походов стали здоровее и физически, и духовно. И еще один результат: те, кто страдал от натиска чувства одиночества, избавились от этого чувства. Слово — Валерию Борисовичу Гурвичу.

Гурвич. Разрешите небольшое вступление. Я хочу немного поразмышлять вот над чем. Существует та-

кая вещь, как отрицательный эмоциональный стресс. Он настигает и оптимистов, и пессимистов. Что это значит? Это значит, у человека накапливаются отрицательные настроения, возникают психологические срывы. Это следствие в целом развития общества: и жизненный темп, и техническая революция, и поток информации. Это издержки и сталинизма, и застойных времен, когда тускнели идеалы — все в комплексе... Человек испытывает колоссальное давление, подчас непосильную нагрузку, перегрузку. И вот парадокс: большие пешие переходы, да на голоде, да с грузом за плечами — это ведь тоже стресс. И тоже отрицательный. Но по моим расчетам, поход, как самоиспытание, добровольное подвижничество, должен был снять эмоциональную перегрузку, должен был научить расслабляться.

Голод в данном случае был не просто испытанием. Важно, что благодаря ему людям удавалось сделать шаг вперед в своей жизни.

Н. И. Бабенкова, кандидат исторических наук, доцент МВТУ имени Баумана. Позвольте мне вмешаться. Ведь я — активный участник этих походов. Они буквально спасли меня от одиночества.

У меня образовался свой круг единомышленников, близких духовно. У нас схожие интересы, идеалы, образ жизни. Мы можем исповедаться друг другу. Самое важное — мы друг другу нужны. А голодание, когда ставишь себе определенную задачу, действительно помогает ее решать. Я, например, испытала в голодных походах счастье, радость, сопричастность не просто к опыту, но к жизни неравнодушных людей. Общение с ними было прекрасным. Общение продолжается.

Пусть простят меня врачи-ортодоксы, но я должна сказать, что медицина зачастую бессильна помочь человеку, выбитому из колеи нервными перегрузка-

ми. Я лежала в больнице, пачками пила снотворное, но ничто мне не помогало. Постепенно разлаживался весь мой организм — я простужалась, получила остеохондроз, даже ходить уже не могла. И вдруг с чьей-то подсказки я поняла: единственное, что может спасти — это здоровый образ жизни. Что я вкладываю в это понятие? Голодание. Вегетарианство. Занятие спортом. По утрам, например, купаюсь в пруду круглый год, включая зиму. Теперь я не одна. Разделено главное — мое духовное начало.

...Вообще же тема одиночества — всемирная и всевековая. Взять, например, Шопена. Когда он умирал, ему сказали: «С вами вся Польша». На что он ответил: «Мне не нужна вся Польша, мне нужна пара заботливых, нежных, ласковых рук». Валерий Борисович, простите, что я перебила вас.

Гурвич. Напротив. Вы дополнили разговор. И я продолжу. Итак, одиночество в современных больших городах все чаще рассматривается как серьезная социальная проблема. Но я знаю, что многие люди разных профессий, высокой эрудиции считают подобный взгляд поверхностным. Они полагают, что трудности современной городской жизни — это лишь предрасполагающий, «пусковой» момент в проблеме человеческого отчуждения, одиночества. Главное же в появлении «переживания одиночества» — неподготовленность личности к жизни, ее незрелость, недостаточно сформировавшееся мировоззрение.

Как в этом случае помочь молодому человеку, подростку? Возвращаюсь к опыту походов, причем обычных, без задачи на сверхвыносливость. Кстати, как-то в таком походе, на привалах у костра, была обсуждена и проблема одиночества. Мне запомнилось, например, такое суждение: «Когда я вижу человека, переживающего одиночество, мне кажется, что свою единственную, неповторимую и драгоценную жизнь

он спрятал в футляр и как бы рассматривает ее со стороны и жалеет. Но он при этом не совершает ни малейшего усилия для ее освобождения, для раскрытия и реализации жизненной судьбы. Мне хочется подтолкнуть его сделать первый шаг...»

Или такая мысль: «Туристический маршрут, неважно, будет это поход выходного дня или многодневный, не является ли он в миниатюре той же дорогой жизни с ее испытаниями, радостями преодоления, познания?»

Человечеству на протяжении всей истории его существования, становления и развития было присуще стремление выйти за пределы известного опыта, территории, уровня знаний.

Люди попадали в непредвиденные, трудные, опасные, экстремальные ситуации и побеждали. Оказалось, что эти преодоления, поражения и победы бесценно одаривают человека в познании и окружающего мира, и себя самого.

Мне довелось слышать и такие сетования:

«Все-таки жестоко отказывать в сочувствии и помощи людям, полным сил, переживающим одиночество и остающимся пассивными. Они не виноваты в том, что несамостоятельны, в том, что жизненные обстоятельства и стрессы утомляют и пугают их, увеличивают чувство беспомощности, замыкание в себе, то есть переживание одиночества. Виновато скорее семейное и школьное воспитание, не сформировавшее у них стремления к преодолению возникающих трудностей, сохранению в стрессовых ситуациях внутренней устойчивости, уверенности в себе, умения занять себя и жить интересно. В целом это определенная культура поведения личности, обусловленная сознанием своего достоинства, собственной ответственностью за все, что с нами происходит...»

Да, соглашаюсь я, и восстановить душевное равно-

весне, вернуть ощущение полноты жизни, пробудить активность одиноких людей, конечно, не так просто. Вот почему, видимо, в наши дни и стало возникать такое множество всевозможных неформальных групп, объединений.

Но ведь тот же поход выходного дня — самый настоящий неформальный клуб под открытым небом. Есть в этом клубе стены, которые беспредельно раздвинуты, люди, посещающие его еженедельно и круглогодично, в любую погоду. Они образуют костяки групп, а в теплые солнечные дни появляется много эпизодических участников.

В таком своеобразном клубе человек, испытывающий дефицит общения, встречает разных людей. Отправляясь в поход, он не всегда знает, какую встречу ему подарит судьба. Много одиноких людей перестают быть одинокими в выходные дни. А затем и не только в выходные.

В новом служебном коллективе человек скован из-за необходимости зарекомендовать себя. Даже в компании друзей мы многое «должны». Скажем, склонен сегодня молчать в углу — к тебе начнут приставать с расспросами, принудят к участию в общей программе.

В походах выходного дня человек может сохранить свой «суверенитет», оставаться наедине с собой и в то же время быть с людьми. Вступивший на тропу всегда окружен доброжелательными единомышленниками. Для любого человека важно ощутить душевное равновесие, чувство внутреннего комфорта. Природа естественно способствует этому. В сложной и напряженной деловой и семейной жизни или при переживании одиночества необходимо на какое-то время расслабиться нервно и мышечно, изменить однообразный стереотип жизни. «Окна беззаботности» и дарит поход. И еще. На дальних маршрутах, где люди

остаются один на один с природой, они получают новые жизненные навыки. Физическая выносливость и ограничения в пище, неприхотливость, пренебрежение жизненными тяготами, неудобствами, терпимость и самообладание, доброжелательное отношение к людям, готовность прийти на помощь — вот чем обогащается человек в походе. И после походов все это остается с ним. Он как бы неизбежно нравственно вырастает. А ведь это значит — он обретает новую привлекательность в глазах окружающих.

Итак, если в один из ближайших выходных дней вы оденетесь по погоде, захватите немного еды, кружку с ложкой, выберете подходящий маршрут, ранним утром сумеете покинуть хижину своего одиночества и поспешите на вокзал, вам откроется иной, живой, интересный мир, вас встретят люди, которые поймут и пойдут рядом, и, возможно, у вас начнется новая, захватывающая жизнь.

Ведущий. Интересной получилась цепь взаимосвязанных понятий: воспитание оптимизма — здоровый образ жизни — сообщества единомышленников. Цель, уводящая от одиночества. Звенья, названные нами, не единственные, конечно. Можно насчитать еще множество. Все они тесно переплетаются, порой трудно определить, которое важнее. Важны все!

Чем, к примеру, способна одарить человека любовь к животным? Если у вас есть собака, вы защищены от стрессов — четвероногий друг мгновенно снимет напряжение. Он и выгуливает хозяина. Он же сыграет роль... свахи — право, гораздо легче познаться, заговорив о своих любимых четвероногих. Животные помогают скрашивать часы одиночества старикам. Или семьям, пережившим трагедию потери ребенка.

Словом, те, кто любит животных, знают, как много дает человеку их ответная любовь.

...Да. Звеньев много. Но бесспорно, на наш взгляд, одно: если тебе плохо — прислушайся к себе. И выбери звено, за которое сможешь вытянуть свою цепочку.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Человек не должен быть одинок. Ни при каких обстоятельствах! Вся нравственность, накопленная человечеством за многие тысячелетия, свидетельствует: человеку можно и должно помочь преодолеть тяготы того состояния, когда ему кажется, что он остался один на один с суровой, подчас трагической жизненной ситуацией или просто перед лицом жизни. Человеку можно и должно помочь и раньше, еще на подступах его к психологическому дискомфорту — ощущению одиночества.

Люди помнят: в русских деревнях исстари заботливо опекали каждого, кто так или иначе оказывался обездоленным судьбой. А скажем, в обычаях осетинского народа из века в век велось: нет в семье детей — из многодетного дома отдадут своего малыша «в дети». Оказался одиноким человек средних лет, старик — его примут в семейный дом на правах старейшины, примут как родного. И он, на правах родного, станет трудиться в доме, опекая всех и каждого, покуда хватит сил...

Мы хотим сегодня вернуть в нашу повседневность, в нашу ежеминутность начала доброты и сострадания, понимания и милосердия. Думается, сделать это удастся, если мы воскресим к жизни ставшее едва ли не рудиментарным состояние человеческой души, имя которому — Совесть.

И тогда встанут на свои места ныне разбросанные, порой развеянные, а то и растоптанные, предста-

вления наши о том, что же есть главные ценности бытия. А ведь это — человек! Это дети. Это наши старики. Это мы сами

Это гармония, в которой свое естественное место занимает малыш, требующий от близких всеотдачи души, и незнакомый нам подросток, требующий нашего тепла и внимания, и наши дальние знакомые, чья жизнь тоже потеряет какую-то толику тепла вне нашей памяти и участия, и так далее, и так далее.

Словом, давайте наконец вспомним, что мы — мир людей, а значит, друзей, а не врагов, как, к сожалению, нас приучали думать (или ощущать) многие десятилетия.

Вооружимся этим настроем и теми знаниями, которыми располагают учения, исследующие человека.

Постараемся, чтобы ни один среди нас не содрогнулся от холода одиночества.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ЛЮБВИ...	7
Одна из острейших проблем XX века	7
Моя любовь к тебе...	12
Перед лицом любви	15
Но нелюбовь твоя меня гнетет...	22
Цветок на асфальте	28
«Жить в детей»	31
Слепая любовь?	38
А что в «запасниках» души?	46
Дар сродни искусству	51
«ЕСЛИ Б МОЯ МАМА ПЕСЕН МНЕ НЕ ПЕЛА...»	56
«Потерянные» парни — поиски преодоления	61
Найти радость	70
Когда жизнь потеряла смысл...	74
В ладонях — детство	80
ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ МАЛЕНЬКИМ?	85
Благо ли — детские ясли?	85
Дома у Марии Петровны	90
Вернуть в семью бабушек и дедушек!	96
Константин Ваншенкин: мысли вслух	98
Ребенок не должен быть одинок!	102
Этот хрупкий мир детства	105
В овощном магазине	106
Не буду!	107
Поговори со мною, мама	108

Я, БОГАТАЯ, БЫЛА БЕДНА...	110
Дешевка	110
Повторит жизнь кукушки	114
Одинокие из «группы риска»	120
Поднять человека	124
Еще раз про любовь	133
В ПОИСКАХ ВЫХОДА	147
Как важно быть счастливым	147
Запретный плод — сладок	151
Хозяйка янтарной комнаты	156
Школа оптимизма	163
Дефицит человековедения	165
Солнце живет в человеке	174
Распахните «окна беззаботности»	179
Вместо заключения	186

**Юлия Георгиевна Хорицкая,
Светлана Матвеевна Шевченко**
У ОДИНОЧЕСТВА ХАРАКТЕР КРУТ...

Заведующий редакцией
А. Бармасов

Редактор
Л. Беклешова

Художественный редактор
М. Кудрявцева

Технический редактор
О Иванова

Корректоры
Т. Семочкина, Л. Сидоренко

ИБ № 4476

Сдано в набор 02.10.89. Подписано к печати 20.02.90. Л22039.
Формат 70×108^{1/32} Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ л. 8,40. Усл. кр.-отт. 8,75. Уч.-изд. л. 8,12. Тираж 25 000 экз. Заказ 250.
Цена 35 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Хорицкая Ю. Г., Шевченко С. М.

X79 У одиночества характер крут...— М.: Моск. ра-
бочий, 1990.— 189 с.— (Семейный круг).

Цель авторов этой книги — помочь молодым родителям правильно сориентироваться в тех нравственных ценностях, которые помогают вырастить человека жизнерадостным, счастливым, здоровым. По форме содержание книги напоминает материал «круглого стола» с участием ведущих специалистов по проблемам психологии, медицины, физической культуры, а также педагогов, писателей.

Для широкого круга читателей.

X $\frac{431200000-183}{M172(03)-90}$ 62-90

ББК 88.5

ЮЛИЯ ХОРИЦКАЯ
СВЕТЛАНА ШЕВЧЕНКО

«У ОДИНОЧЕСТВА ХАРАКТЕР КРУТ...»

«Пока дышу — надеюсь», — говорили древние. В каждом живущем теплится надежда: он будет понят. А если будет понят — найдется рука, которая протянет ему помощь. Рука, которая подарит если не тепло, то опору, если не опору, то поддержку, если не поддержку, то хоть искорку впереди...»